

ВМЕСТЕ С КНИЖКОЙ

КОНАН

И УКРОТИТЕЛЬ МОНСТРОВ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛАДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛЕН ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9
КОНАН И КАРСУЛ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЕДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЮЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ 16	КОНАН И ТАЛАНСМАН ЛАА 17	КОНАН И БЕР НЕРАЛАА 18
КОНАН И ГОРОД ПАЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОРИИ СУДЕВ 20	КОНАН И СЕРАЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРАЗДНИК ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСКОЕ МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛАН ВЕЩИ БЕДАНЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОТЫ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АМАЗОНКИ ЛАВРИНТ 31	КОНАН И КАСКОТЫ ИДАА 32	КОНАН И ЧАША ВЕСМЕРТИИ 33	КОНАН И БЕДНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ГОРЮЩИЕ ГРЕЗАМИ 35	КОНАН И ЛАТАРЬ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА ВЕСМЕРТИИ 37	КОНАН И КИЗОВИТАН ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОДЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАМНО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ТРОСЛАВНОЕ СВЕТА 54
КОНАН И СПЯЩЕЕ ЛАО 55	КОНАН И ЛЕБЕДИ ШАДИЗАРА 56	КОНАН И СКАП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЕВЕР ПИКТА 59	КОНАН И ПОВЕЛЕН МОЛНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАНБОРИИ 61	КОНАН И ВЕШАЮЩИЕ БУРИ 62	КОНАН И САБА ИСПОЛНИЦА 63
КОНАН И САУТА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТАТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАВ АРИО 68	КОНАН И ЛАЛА ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАИЩЕ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ТРОСЛАВНОЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72

Дуглас Брайан

КОНАН И УКРОТИТЕЛЬ МОНСТРОВ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 19.09.07. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз. Заказ № 5940.

Брайан, Д.

Б87 Конан и укротитель монстров / Дуглас Брайан. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 408, [8] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-048084-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-106-7 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммерец скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Вегини до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайборнии, спасая невинных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Бродячий зверинец Талорка переживал не лучшие времена. Вот уже много лет Талорк занимался тем, что путешествовал по большим городам, показывая своих Великолепных Уродов, Монстров и Прирученных Чудовищ. В его коллекции имелись самые разные существа, пойманные в различных уголках света. Во всяком случае, так он провозглашал, когда начинал свое представление.

Наибольшим успехом неизменно пользовалась женщина-птица из Вендии, которая сидела в позолоченной клетке, закутанная в тончайшие шелка. Эти одеяния были подарком владыки Аграпура, восхищенного пением и внешним видом женщины-птицы. Сперва он даже пытался откупить ее у Талорка, но затем передумал, опасаясь, что ею могут воспользоваться недружественные маги.

А песьеголовый мальчик! Еще один шедевр магического искусства, созданный специально по заказу Талорка мудрецами Стигии.

Зверинец обычно приезжал в какой-нибудь крупный город и останавливался возле городских стен; сам Талорк просил аудиенции у правителя и, получив согласие на проведение представлений, с триум-

фом входил в городские ворота. Отовсюду сбегались люди, чтобы поглазеть на Чудовищ и Удивительных Уродов. И хотя ротозеи видели только крытые повозки, по городу до вечера ходили слухи о том, что кому-то все-таки удалось разглядеть «совершенно нечеловеческую лапу» или «горящие в темноте глаза».

Конан и его спутники, Олдвин и Эан, слышали шум на улицах Арэнджуна и вышли вместе с остальными посмотреть, что творится. Мимо них как раз проплывал караван повозок с нарисованными на холстине монстрами.

Эан содрогнулся.

— Такое даже в самых жутких снах не привидится! — воскликнул молодой человек. — Я боюсь чудовищ, что ни говорите. Они не могут быть безопасными. В том, что было искажено в угоду магии, всегда таится опасность, как бы привлекательно это ни выглядело.

— А я бы сходил посмотреть, — сказал Олдвин. — Как ученый и член Академии я просто обязан увидеть эти существа. Возможно, я еще сделаю доклад на тему «Простонародные развлечения в Арэнджуне», который обессмертит мое имя.

— Разве доклад может обессмертить имя? — поразился Конан. — Я думал, только великие воины удостоиваются такой чести.

— Для члена Академии произнести хороший доклад — все равно что для воина разгромить полчища врагов, — напыщенно отозвался Олдвин.

Конан пожал плечами. Порой бритунец ставил его в тупик — высказываниями, вроде этого или нелепыми деяниями. Но в общем и целом они неплохо ладили.

Эан тоже не приносил киммерийцу особенных хлопот. Это был толковый паренек, немного прибитый, что неудивительно — учитывая его прошлое. Он до сих пор кричал во сне, когда вспоминал обо всем, что происходило с ним по воле жестокой королевы-демона Гуайрэ. К счастью, теперь Гуайрэ мертва, и ее магия больше над ним не властна.

— Мне кажется, мы должны заниматься тем, ради чего пустились в этот путь, — напомнил киммериец. — Где-то в песках, между Кезанкийскими и Карпашскими горами, на юге Заморы, находятся несметные сокровища, которые остались после гибели оазиса Гуайрэ. Эан уверяет, что сокровища — настоящие, что это вещи, которые награбили воины Гуайрэ на протяжении нескольких сотен лет. Стало быть, они до сих пор там лежат и ожидают своего истинного хозяина.

Олдвин покраснел.

— Мне до сих пор стыдно, когда я вспоминаю о том приступе жадности, который меня охватил при виде этих бесчисленных сундуков, набитых драгоценностями! — признался бритунец.

Конан махнул рукой.

— Такое с каждым может случиться, не только с академиком. Нам нужно раздобыть лошадей, провиант, телеги... Так что я осмотрюсь по сторонам и

пригляжу какой-нибудь хороший особнячок, который можно было бы ограбить без особого риска. А затем мы покинем этот благословенный край и где-нибудь неподалеку разживемся всем необходимым.

— Замечательный план, — иронически произнес Олдвин.

— А что в нем дурного? — удивился Конан. — Я проделывал такие вещи не раз, и, как правило, у меня все получалось. Не вижу причины сомневаться в том, что дело не сорвется и на сей раз.

Они околачивались в Аренджуне уже несколько дней в поисках поживы. Вечерами Эан и Олдвин обменивались планами — что они сделают со своей долей добычи. Олдвин собирался сделаться владельцем какой-нибудь роскошной усадьбы, обзавестись женой и отменной библиотекой. Эан мечтал разыскать потомков своей сестры — если таковые остались, — и облагодетельствовать их.

— Подумать только! Я расстался с моей семьей двести лет назад! — говорил он, качая головой. — Мой бедный отец был на грани разорения. Мой брат — калека, вряд ли он оставил после себя какое-либо потомство. Но сестра — она могла обрести семейное счастье. Она ведь была красива... Возможно, отец сумел хорошо выдать ее замуж после того, как надежда на мое возвращение не осталось. И тогда... Подумать странно! — Эан начал загибать пальцы, пытаясь подсчитать, сколько поколений прошло за двести лет. Выходило — приблизительно шесть.

Может быть, восемь — если его потомство жило совсем недолго. Или пять — если те прожили долгую жизнь и поздно вступили в брак. Но в любом случае это было много.

— Вряд ли кто-нибудь из них меня узнает, — вздыхал он. — Разве что семейные черты лица передавались от поколения к поколению...

Конан считал все эти разговоры пустой тратой времени и участия в них не принимал. Деньги у киммерийца никогда не задерживались. Обычно он пропивал их в первом же подходящем для этого городе или тратил на женщин.

— Разве вы не мечтаете разбогатеть? — спросил его Эан.

Киммериец покачал головой.

— Богатство для меня немного значит, — заявил он. — Во всяком случае, не оно — моя цель. Я люблю деньги, ради них я могу и убить, и пойти на смерть, и большую часть времени я трачу в поисках большого сундука, набитого бриллиантами. Но истинная моя цель намного выше обычного благосостояния.

— Чего же вы хотите? — задавая этот вопрос, Эан замер.

— Я хочу королевство, — сказал Конан спокойно.

— Королевство? — прошептал Эан. В его взгляде появилось благоговение. — Целое королевство?

Киммериец кивнул.

— Но как можно украсть королевство? — спросил Эан.

— Его можно завоевать, — ответил Конан.

— В одиночку?

— Когда момент настанет, я буду знать, что мне делать, — произнес Конан с такой твердой уверенностью, что Эан замолчал. И с этого мига юноша смотрел на киммерийца снизу вверх, как на высшее существо, потому что каким-то шестым чувством Эан понял: Конан не просто не сомневается в своей грядущей победе, он ЗНАЕТ, что рано или поздно добьется своего. Знает так твердо, словно сами боги явились к нему лично, чтобы пообещать это.

* * *

Женщина-птица надрывно кашляла в своей клетке. Талорк сбился с ног, ухаживая за ней. Он подносил ей горячее питье, он потратил кучу денег на лекачества — ничто не помогало.

В Аграпуре ему пришлось платить огромные суммы лекарю, который, едва завидев пациентку, попытался обратиться в бегство и потом наотрез отказывался лечить «нелюдь». Искать другого лекаря было некогда; пришлось Талорку раскошелиться.

От выданной этим лекарем микстуры женщины-птице, вроде бы, стало лучше, но в Арэнджуне она снова раскашлялась хуже прежнего.

Талорк скрежетал зубами, бегая взад-вперед по покоям во дворце правителя Арэнджуна, которые были отведены странствующему зверинцу. Этот правитель, как и многие другие, оказался охоч до диковин и потому проявил гостеприимство.

Конечно, Талорку предоставили не самые лучшие комнаты дворца. И, если уж говорить начистоту, то были три большие комнаты позади конюшни. Здесь в дни крупных скачек располагались на отдых участники состязаний, а сейчас были расставлены клетки с удивительными «постояльцами».

— Проклятый шарлатан! — костерил Талорк аграпурского лекаря. — Я уверен, он нарочно дал ей медленно действующий яд вместо лекарства! Я видел, я же видел, с каким отвращением смотрит он на мою красавицу! Наверняка решил посчитаться за то, что я заставил его помогать мне!

Его бормотание прерывалось всхрипыванием крупного животного, представляющего собой нечто среднее между лошадью и гигантским слизнем, да кашлем женщины-птицы. Лошадь-слизень происходила из пустошей пиктов; ее отловили пиктские охотники и продали Талорку за огромный слиток золота.

Талорк напоил свою любимицу молоком и улегся спать возле ее клетки, прямо на полу. Среди ночи он проснулся от того, что ледяной холод сковал его. Талорк приподнял голову и увидел, что лицо женщины-птицы прижато к прутьям решетки, а широко раскрытые остекленевшие глаза смотрят прямо на него. Она умерла ночью, когда он спал.

Талорк протянул руку между прутьями и потрогал ее лицо. Холодное, как камень.

Талорк тихо зарыдал. Он приложился щекой к мертвому лбу женщины-птицы. Слезы текли непрерывным потоком, все тело Талорка содрогалось. Он

вспоминал, как завел себе это существо, как вез его в клетке, как приручал, как она тысячи раз кусала его за руки, пока наконец не привыкла к нему. Как она вскидывалась ему навстречу, едва заслышав его голос. И хоть ему и говорили, будто подобные существа напрочь лишены чувств, Талорк не верил. Его женщина-птица любила своего хозяина.

— Что же я теперь буду показывать правителю? — вдруг вспомнил Талорк.

Он быстро огляделся. Лошадь-слизень, песьеголовый мальчик, пара гигантских гусениц... Все это было недурно, но ни один из этих живых экспонатов не обладал человеческой речью. Они не умели ни петь, ни отвечать на простые вопросы. Да, они поражали воображение, но женщина-птица — она по-настоящему потрясала.

И вот теперь она мертва.

— Что ж, меня предупреждали, что она проживет лет семь... — вздохнул Талорк. — Нужно будет похоронить ее. Но вопрос остается открытым: что же я покажу завтра правителю? Несчастный я человек!

Он вдруг понял, что не может больше оставаться в этих помещениях, рядом с трупом своей любимицы. И спать ему уже не хотелось. Какой тут сон, когда вся карьера рушится!

Талорк выбрался из дворца и отправился бродить по городу.

* * *

Олдвин проснулся от сильной головной боли. С тихим стоном ученый бритунец уселся и открыл глаза. Солнце тотчас больно ударило его лучами по зрачкам, так что Олдвин поскорее зажмурился опять. Он посидел так некоторое время, а затем все-таки повторил попытку взглянуть на мир.

На сей раз он лишь слегка приподнял веки и посмотрел сквозь ресницы.

Он находился под открытым навесом рядом с какой-то глинобитной стеной. Очевидно, это был тот самый кабак, где они вчера втроем выпивали. Кое-какие подробности начали всплывать в уме Олдвина.

Кажется, все началось, едва только на улицах стемнело. В Арэнджуне начинались дни большого рынка, так что город был полон народу. Приезжий люд заполнял площади и улицы, повсюду расхаживали выючные лошади и верблюды, везде кричали грузчики с тюками на головах и переметными сумами через плечо. Сараи были забиты товаром, на постоялых дворах не оставалось места.

Дни большого рынка всегда сопровождались выступлениями бродячих артистов, музыкантов, танцовщиков, так что эта публика также хлынула в город в надежде неплохо заработать на любопытстве здешних и приезжих ротозеев.

«Хлебным» было это время и для продажных женщин. Эти «богини любви», нарядившись в свои самые лучшие одежды и обвешавшись украшениями, расхаживали взад-вперед, раскачивая бедрами,

или усаживались на ступеньках кабачков и харчевен, а то приходили к стенам сараев и там выискивали клиентов. В голодных до ласки мужчинах недостатка не было: караванщики, уставшие после долгого перехода, охотно покупали ночь, а то и нанимали женщин на весь срок ярмарки.

Олдвин не помнил, чтобы они нанимали кого-то из проституток. Кажется, одна или две увивались возле киммерийца, гладили его крепкие плечи и грудь, но Конан решительно отверг все их поползновения.

Он никогда не отказывался от женской любви, пусть даже мимолетной, случайной, но не признавал «любви» продажной. И едва одна из красавиц прошептала ему на ушко свою цену, как Конан взял ее под локти и, подняв, как ребенка или куклу, вынес за порог таверны.

Она, помнится, страшно обиделась и довольно долго после выдворения стояла на пороге, размахивала кулаками, трясла волосами и кричала какие-то обидные слова. Но варвар лишь засмеялся и опрокинул в свою необъятную глотку здоровенную кружку вина.

Олдвин не вполне одобрял подобный образ действий. У ученого бритунца, разумеется, имелась на родине любовница. И, если подумать, то не одна, если служанка, с которой он завел бурный роман еще в подростковые годы, тоже может считаться «любовницей». В общем, он не мог бы сказать, что совершенно чуждается женщин.

Изгнание шлюх Конаном показалось Олдвину мерой в некоторой степени преждевременной. Возможно, кому-то из спутников варвара и хотелось бы воспользоваться любезным предложением дамы. Предположим, ради изучения. Невозможно ведь написать книгу о простонародных развлечениях, если пренебрегать такой важной составляющей частью этих развлечений, как отношения с продажными женщинами.

Но киммерийцу, понятное дело, безразличны научные задачи, стоящие перед бритунским академиком.

— Я никогда не платил за любовь, — кратко сказал ему Конан. — И вам не советую этого делать, дружище. Если женщина берет деньги за ночь, проведенную с ней в постели, значит, все, что она говорит и делает, — ложь. Вы никогда не узнаете правды ни о ней, ни о себе, ни о чем на свете, если будете давать ей деньги за любовь.

— Но меня интересует их обычай, — попытался возражать Олдвин, красный, как вареный рак. Конану каким-то образом постоянно удавалось смущать его. — Я изучаю манеры и легенды...

— Она наврет вам с три короба, — засмеялся Конан, — и чем больше вы ей заплатите, тем необъятнее будет ее фантазия.

Олдвин вздохнул.

— Ваша взяла, — сказал он. — Ума не приложу, почему вам всегда удается побивать меня в спорах. В конце концов, это ведь я — действительный член бритунской Академии, а не вы!

— Ну, бритунская Академия — это еще не весь свет! — заявил Конан. — Лично я одно время преподавал философию в Кхитае.

У Олдвина вытянулось лицо, а киммериец безжалостно захохотал и потребовал у служанки еще один кувшин вина.

... Пробудившись после пирушки, Олдвин постепенно вспомнил все эти разговоры. Ощущение неловкости притупилось, а вот чувство досады — наоборот, стало острее. Кто он такой, этот Конан, чтобы решать за Олдвина, стоит ему нанять шлюху или не стоит?

Олдвин повернулся в ту сторону, откуда вдруг донесся громкий храп, и обнаружил того, о ком только что думал, спящим. Конан лежал на охапке соломы, беспечно разметавшись во сне. Одна его рука выглядывала из-под навеса. Олдвин невольно позавидовал своему спутнику. Казалось, у киммерийца никогда не бывает ни головных болей, ни угрызений совести. Трудно представить себе нечто, способное лишить его сна.

А вот третьего их товарища, Зана, нигде не было видно. Олдвин даже нашел в себе силы встать на ноги и обойти трактир со всех сторон. Факелы, пылавшие ночью возле входа, зазывая посетителей, сейчас уже погасли и выглядели просто обугленными головешками. Они как будто тоже утомились после вчерашнего.

Дверь стояла открытой настежь, в дверной проем видно было, как босоногий слуга в одной набедрен-

ной повязке прибирается после вчерашней пирушки. Вид у слуги был кислый.

— Эй, приятель! — окликнул его Олдвин.

Слуга поднял голову и устремил на посетителя недовольный взгляд.

— Скажи-ка, ты видел вчера меня? — продолжал Олдвин.

Слуга молча выпрямился. Он уставился на Олдвина как на умалишенного.

— Ну-ка припомни, — настаивал Олдвин. — Со мной был здоровенный верзила-варвар.

Слуга сказал:

— Да кого здесь только вчера не было, господин!

— Меня ты, положим, не запомнил, но уж на киммерийца ты всяко не мог не обратить внимания! — заявил Олдвин. — Огромного роста, с черными волосами. Он выдворил из кабака женщину. Вынес ее на руках за порог и запретил входить внутрь.

Лицо слуги прояснилось.

— О, — проговорил он почтительно, — этот твой спутник, должно быть, великий воин.

— Ну вот, хвала богам, ты его запомнил! — обрадовался Олдвин. — Разумеется, он великий воин, и разорвет тебя на кусочки, если ты мне не поможешь.

Слуга медленно покачал головой.

— Великий воин никогда не разорвет меня на кусочки, потому что великий воин не снизойдет до такого ничтожества, как я. И я не налью тебе бесплат-

но выпивки, пока не проснется мой хозяин, а он будет отдыхать до полудня. Так что прощай.

— Мне вовсе не нужна выпивка! — оскорбился Олдвин. — Благодарение Белу, я умею пить так, чтобы наутро не было никаких последствий... — В этот миг головная боль решила отомстить за себя и яростно стиснула виски бритунца своими железными пальцами, так что лицо его поневоле исказилось жуткой гримасой. — Насчет меня можешь не беспокоиться.

— Я совершенно не беспокоюсь, господин, — заверил Олдвина слуга.

— Слушай меня, умник! — зашипел Олдвин. — Со мной и киммерийцем был еще третий. Паренек помладше тебя. Ну, молодой мужчина, можно сказать. Лет двадцати, словом. Помнишь такого?

Слуга моргал, и лицо у него было очень скучное. Было совершенно очевидно, что расспросы приезжего нагоняют на него тоску.

— Да не помню я, господин, никакого паренька, — уныло протянул он.

— Я к тому, что может быть ты видел, куда он ушел, — продолжал Олдвин.

Слуга не ответил и вернулся к своей работе. Олдвин в бессильной ярости посмотрел на него. Но слуга слишком хорошо знал, что приезжий ничего не в состоянии с ним поделать. Кабачок закрыт, слуга занят своей работой, а Олдвин, коль скоро он ни за что не платит, не является клиентом, — следовательно, и нахамить ему можно безнаказанно.

Олдвин вернулся под навес в смутной надежде, что Эан уже появился там с рассказом о своих ночных похождениях наготове. Но Эана не было.

— Конан! — Олдвин потряс киммерийца за плечо.

Ответом ему было яростное горловое рычание. Можно было подумать, что на соломе спит не человек, а какой-то дикий зверь в обличье человека.

— Конан! — Олдвин не отступал.

Киммериец открыл глаза и вдруг улыбнулся.

— Мне снился великолепный сон! — сообщил он. — Будто я сражаюсь с одним великаном, и вот, когда я перерубил ему голень, он... — Тут он увидел Олдвина, помятого после вчерашних возлияний и встревоженного утренним открытием, и сразу омрачился. — Что-то случилось?

— Возможно, ничего, — Олдвин пожал плечами. — Когда я проснулся, Эана рядом не оказалось.

— Эан — взрослый человек, — сказал Конан. — И довольно симпатичный в глазах женщин. Так что в его отсутствия нет ничего удивительного.

— Да, но... — Олдвин замялся.

— Что? — Конан выглядел удивленным. — Что-то не так?

— Эан такой незащитный... Он почти двести лет не жил среди обыкновенных людей. Он мог позабыть о том, как это опасно.

— Эан двести лет жил среди чудовищ и сам был чудовищем, — резко возразил Конан. — Полагаю, это тоже довольно опасно, не так ли?

— Да, — согласился Олдвин и тут же строптиво добавил: — Однако вряд ли так же опасно, как иметь дело с обычными людьми.

Конан засмеялся.

— Сразу видно, что вы академик! Вас, кажется, не переспоришь.

— Меня этому учили, — скромно признал Олдвин. И тут же добавил: — В любом случае, меня тревожит его отсутствие. Может быть, нам следует поискать его?

— Позже, — зевнул Конан. — Сперва подождем. Возможно, он скоро вернется и расскажет нам, что влюбился. Или мы увидим его возле позорного столба на городской площади с надписью «Вор» на груди.

С этим он вновь растянулся на соломе.

Олдвину удалось растолкать Конана только к полудню. Тревога бритунца росла. От Эана по-прежнему не поступало никаких известий. Кабачок уже открылся, но после утреннего разговора с грубым слугой Олдвин решительно не желал заходить туда.

— Я ни глотка больше в этом месте не выпью! — объявил он.

— Нам и не придется, — успокоил его Конан. — В честь праздника, полагаю, на всех перекрестках будет даровая выпивка.

— Даровая выпивка, как правило, очень дрянного качества, — нахмурился бритунец.

— Возможно, в Бритунии так оно и обстоит, — засмеялся Конан, — но мы в Заморе, здесь любое

вино недурно, даже самое дешевое. Что, от Эана нет вестей? По-моему, он всерьез влюбился.

— В проститутку нельзя влюбиться, — нахмурился Олдвин.

Конан подтолкнул его кулаком в бок, так что бритунец потерял равновесие и едва не упал.

— Не стоит говорить о том, чего не знаете, — сказал варвар. — Но вы правы, дружище, Эану уже следовало бы появиться здесь. Пойдемте-ка побродим по городу. Может быть, мы его встретим. Должно быть, он угодил в какой-нибудь разбойничий притон, где у него отобрали всю одежду, и теперь он, голый, скрывается от людских глаз.

Однако сколько они ни бродили по Аренджуну, сколько ни заглядывали в кабаčky и ни расспрашивали всех встречных, — никто не видел Эана и никто не имел даже малейшего предположения о том, что могло бы с ним случиться.

* * *

Когда Эан очнулся, он обнаружил, что ему трудно пошевелиться. Сперва он решил было, что все дело в лишней выпивке и что это от избытка спиртного у него окоченело все тело. Но затем негромкий звон подсказал ему иной ответ. Эан вздрогнул всем телом от ужаса. В первое мгновение ему почудилось, что все это — лишь страшный сон, что сейчас он очнется и увидит правду: он спит на соломенной подстилке под навесом из листьев, на задах дешевого

кабачка, где они с Конаном и Олдвином куролесили всю ночь.

Но звон и непонятная тяжесть в руках и ногах сопутствовали каждому его движению. В конце концов Эан открыл глаза и увидел железную решетку.

Он находился в клетке. И это было еще не все. Его руки и ноги были закованы в цепь, свободный конец которой крепился к полу клетки.

Что с ним случилось? Как он очутился здесь? Эан метнулся вправо-влево. Гром железа был единственным ответом на мириады вопросов, что ройлись у него в голове. Несколько раз цепи натягивались так сильно, что больно впивались в запястья и щиколотки. В конце концов Эан поранился и вынужден был замереть на месте и выждать, пока боль успокоится.

Как ни странно, именно боль вернула ему ясность рассудка. Он перестал паниковать и медленно перевел дух.

Сперва следует осмотреться и понять, где он находится. Потом уже можно будет подыскивать какой-то план действий. Возможно, скоро Конан отыщет его. Мысль о том, что киммериец, возможно, решил избавиться от странного спутника, подобранного при весьма странных обстоятельствах, даже не приходила Эану в голову. Равно как не допускал он и возможности, что киммериец не станет его вызывать.

Обостренным чутьем, которое осталось у Эана еще с той поры, когда он был чудовищем и обитал в

песчаной трясине, в зыбучих песках на краю оазиса Гуайрэ, молодой человек ощущал: Конан не из тех, кто отказывается от своих спутников. Нет, Конан скоро придет. Скоро.

Эан осторожно встал, стараясь двигаться так, чтобы цепи не слишком врезались в тело. Тот, кто заковал его, знал свое дело. Этот неведомый тюремщик позаботился о том, чтобы узник не смог вывернуться из кандалов, так что железные обручи плотно охватывали запястья и щиколотки.

Пленник приблизил лицо к решетке и выглянул наружу — насколько ему позволяло его положение.

Он увидел большое помещение, в котором находилось еще несколько клеток. В каждой, очевидно, имелось запертое живое существо.

— Эй! — позвал Эан. — Кто-нибудь меня слышит? Отзовитесь! Расскажите мне, куда я попал! Эй!

Но ответом ему послужил лишь странный чавкающий звук. Если бы Эан мог заглянуть в клетку, откуда он доносился, то увидел бы слизнеобразную тварь, которая хлопала склизкой «подошвой» по полу клетки, требуя кормежки.

Затем из второй клетки донесся громкий лай. Там содержался песьеголовый мальчик. Эан не видел его, но по звукам догадался, что существо, их издающее, лишено человеческого рассудка.

Когда Талорк вошел в свой зверинец с ведром, полным кусочков вареной рыбы и разваренного зерна, там царил невероятный гвалт. Все его питомцы прыгали по клеткам, лаяли, рычали, бились о ре-

шетки, шипели. Талорк остановился. Обычно Великолепные Уроды вели себя гораздо спокойнее. Ни переезды с места на место, ни многолюдные толпы не приводили их в такое неистовство. Все дело в новичке, понял Талорк. Этот новенький что-то такое сделал, отчего они так разбушевались.

Ничего, Талорк быстро их утихомирит. Он поставил ведро на пол и взялся за большую палку. Сперва он через прутья решетки огрел по голове песьеголового мальчика.

Тот сел на пол, схватился за голову руками и жалобно заскулил.

— То-то же! — воскликнул Талорк. — Я принес тебе еду, а ты себя так ведешь! Стыдно! Стыдно! А ну, лежать!

Песьеголовый мальчик лег ничком и положил морду на вытянутые вперед руки. Талорк открыл дверцу и плеснул варева ему в глиняную плошку.

— Ешь, — сказал он строгим тоном и закрыл дверцу. — Ешь, можно.

Мальчик принялся лакать похлебку длинным силоватым собачьим языком.

Скоро и другие получили свои порции. Постепенно шум в зверинце утихал. Эан стоял у прутьев и наблюдал за происходящим. Про себя он решил, что ни за что не подчинится тому, кто захватил его в плен. Пусть лупит палкой, пусть держит в цепях, морит голодом или жаждой — Эан не покорится. Двести лет рабства у Гуайрэ — с него довольно. Теперь он будет свободным.

Закончив обходить клетки, Талорк приблизился наконец к Эану. В руках у него была палка с окованным железом наконечником.

— Видишь? — показал он это оружие Эану. — У меня всегда найдется управа на строптивое животное. Так что не вздумай бунтовать.

— Я не животное, — сказал Эан. — Что тебе нужно от меня?

— Да брось ты! — воскликнул Талорк. — Это ты-то не животное? Рассказывай сказки кому-нибудь другому, но только не мне! Как тебе удалось переполошить весь мой зверинец? Они давно уже не проявляли такого беспокойства!

— Я просто позвал на помощь, — ответил Эан.

— Ну конечно! — издевательски воскликнул Талорк. — Нравится мне это «просто»? Нет, уродец, у тебя есть какая-то своя магия, иначе они не стали бы так беситься.

Эан понял, что спорить с ним бесполезно. Он молча устоял на Талорка и мысленно поклялся себе, что не скажет ему больше ни слова.

Казалось, Талорк понял это, потому что опустил палку и заговорил примирительным тоном:

— Послушай, что я тебе скажу. Наверное, до сих пор тебе хорошо удавалось скрывать свое уродство, поэтому никто о нем и не знал. А если люди узнают, кто ты такой на самом деле, — начнется травля, и кто знает, останешься ли ты вообще в живых! Люди бывают чрезвычайно жестоки. Особенно к тем, кто сильно отличается от них.

Эан лихорадочно соображал: «Откуда этот чужак мог узнать о том, что случилось со мной двести лет назад? Неужели он тоже побывал в оазисе? Нет, это невозможно, все, кто там находился, мертвы, так или иначе... Все, кроме Конана и Олдвина. Ну и меня. Нет, здесь что-то другое, что-то, о чем я еще ничего не знаю. Нужно молчать. Может быть, он сам проговорится. Слушая вопросы, можно разрешить многие недоумения... Я должен запомнить все, о чем он спрашивает. Таким образом он невольно выдаст — что он знает и чего не знает».

— У меня была любимица, — продолжал Талорк доверительным тоном. — Женщина-птица. Я обожал ее. Она немного разговаривала на человеческом языке. Немного. Ее язык не был приспособлен для беглой речи, но она старалась. И еще она пела. Она была прекрасна. Но в последнее время она дурно себя чувствовала. Митра свидетель, я заботился о ней! Ты не должен думать, будто я не забочусь о своих любимцах, нет. Каждая из этих тварей, — Талорк показал на клетки широким жестом, — имеет все необходимое.

— Кроме свободы, — хриплым голосом выговорил Эан, забыв на миг о своем твердом решении не разговаривать с тюремщиком.

— Свобода! — презрительно воскликнул Талорк. — Кому она нужна? Только не им, не этим уродливым существам! Да окажись они на свободе — их в первый же день заклевали их так называемые «нормальные» собраты. Вон там, — он кивнул

головой на клетку, откуда доносилось поскуливание, — сидит песьеголовый мальчик. Думаешь, его жизнь на свободе была бы длинной? Да толпа разорвала бы его на куски, сочтя опасным чудовищем. Между тем он — мирное и доброе создание. Только ему требуется особый уход. А ты? Нет, свобода тебе не нужна. Тебе нужен хороший пригляд, сытная пища... Разве ты в состоянии заботиться о себе? Скажи, ты умеешь зарабатывать деньги? На что ты способен?

Эан прикусил губу. Он знал, что кое в чем Талорк совершенно прав. Эан всегда был никчемным. У него не получалось зарабатывать. Он не смог поправить дела своей семьи, когда взялся за это. Наоборот, Эан все окончательно погубил. И теперь он решительно ни на что не годится. Он не воин, не ученый, не лекарь, у него нет средств к существованию. Его даже в ученики не возьмут — ни одному ремесленнику не нужен такой переросток, которого поздно чему-то обучать.

Талорк правильно истолковал молчание своего пленника.

— Вот видишь! — с торжеством произнес он. — Ты уже начинаешь признавать мою правоту. Тебе не нужна свобода. Тебе нужен кто-то, кто заботился бы о тебе. Я буду о тебе заботиться. Я умею это делать. Для начала скажи, как тебя называть.

Эан не ответил. Ему не хотелось, чтобы этот человек обращался к нему по имени.

— Ты обладаешь разумной речью, — сказал Талорк. — Стало быть, обладаешь и именем. Не хо-

чешь мне сказать? Я придумаю тебе другое. И ты будешь отзываться на него, иначе отвоедаешь палки!

— Меня зовут Эан, — сказал пленник. — Не смей давать мне другое имя.

— Я всегда говорил, что палка решает три четверти проблем, — заявил Талорк.

— А отвращение — все остальные, — пробормотал Эан. — И в данном случае речь шла именно об этих «остальных».

— У тебя довольно сложный склад ума, — заметил Талорк. — Это произведет впечатление.

Эан звякнул цепями.

— Сними с меня это, — попросил он.

— Я надеялся, что ты этого захочешь, — произнес Талорк. — Хорошо, я избавляю тебя от цепей, но ты останешься в клетке.

— Я не хочу сидеть в клетке. Я не дикое животное, чтобы...

— Тише, тише, — остановил его Талорк. — Ты ведь мечтаешь о том, чтобы железо не впивалось в твою кожу, не так ли? Но я сделаю это для тебя при одном условии. Ты не будешь хотеть слишком много. Ты останешься в клетке.

— Нет, — сказал Эан.

— Да! — рассердился Талорк. — Я не желаю, чтобы ты сбежал. А ты сбежишь и погибнешь.

— Для чего я тебе нужен? — спросил Эан.

— Ты еще не понял? — удивился Талорк. — Кажется, я так подробно все тебе рассказал... Моя любимица, женщина-птица, умерла. Ее больше нет!

— Мне жаль ее, — проговорил Эан. — Хотя я ее и никогда не видел. Но мне жаль это существо, которое было красивым и провело свою жизнь в неволе.

— Ни я, ни тем более она не нуждаемся в твоей жалости! — резко ответил Талорк. — Но ее больше нет, а мне нужно давать представление. Это просто счастье, что я нашел тебя.

— Я все еще не понимаю...

— Ты не понимаешь? Но ведь ты — один из самых эффектных уродцев, каких я только встречал на своем веку!

— Я? Уродец? — Эан похолодел. Он быстро ощупал свое лицо, свое тело. Нет, все осталось по-прежнему: он все еще был стройным молодым человеком, с самым обычным сложением, с нормальным человеческим лицом. — О чем ты говоришь?

— О твоём уродстве! — воскликнул Талорк, досадуя на упрямство пленника. — Как ты это делаешь? Покажи мне!

— Что я делаю? — пролепетал Эан.

— ЭТО! — закричал Талорк, хватаясь за палку. — Мне что, избить тебя, чтобы до тебя, наконец, дошло?

— Ты можешь избить меня, — сказал Эан. Теперь, когда он убедился в том, что обратной метаморфозы в песчаное чудовище не произошло, он снова обрел уверенность в себе. — Но это не прибавит мне понимания.

В конце концов Талорк отступился от пленника. Эан остался взаперти — в клетке и в цепях. И к тому же голодный.

— Ничего не понимаю, — говорил растерянно Олдвин, пока они с Конаном бродили по городу. — Мне казалось, я полностью контролировал свои мысли и поведение, но сейчас, пытаясь восстановить в памяти события вчерашнего вечера, я сознаю, что половина из случившегося, если не больше, от меня ускользает.

Все это звучало для Конана одновременно и мудро, и забавно. Киммериец помалкивал, только оглядывался по сторонам.

— Если он заночевал у женщины, то, возможно, мы не увидим его еще пару дней, — сказал Конан. — Мне случалось исчезать и на больший срок. А у Эана вообще долгое время не было нормальных подруг, так что он вполне мог потерять голову.

— Нет, нет, — повторял Олдвин, — случилось что-то нехорошее.

К середине дня у них уже были деньги для того, чтобы приобрести лошадей. Олдвин не спросил Конана, каким образом тот раздобыл увесистый кошелек, набитый серебром. Киммериец тоже не вдавался в подробности. В суете большой ярмарки нередко подобные странные случаи, когда деньги незаметно меняют хозяев и переходят из рук в руки непонятным путем.

— Вы что-нибудь понимаете в лошадях? — спросил Конан у бритунца.

Тот покачал головой.

— Все лошади, с которыми мне доводилось иметь дело, были весьма дорогими и породистыми, и их покупали для меня мои конюхи... Сам я на них, правда, не ездил, они служили украшением моей конюшни.

— И много у вас было лошадей? — заинтересовался Конан.

— Две, — с достоинством ответил Олдвин.

Конан еле заметно улыбнулся, но от комментариев воздержался. Он приобрел трех лошадок, выносливых, хотя и неказистых с виду. Олдвин заметил, что Конану даже в голову не пришло ограничиться двумя, хотя третий их спутник пропал неизвестно куда и Олдвин уже потерял всякую надежду найти его.

Конан же, судя по всему, этой надежды не терял. Более того, он даже не сомневался в том, что Эан отыщется.

Купленных лошадей Конан оставил в той же конюшне, наказав конюху хорошенько за ними присматривать. Для убедительности киммериец показал ему кулак и пару медных монеток, которые тот получит завтра утром, если с лошадьми все будет в порядке.

— У нас остались еще деньги для недурного кутежа, — сообщил Конан Олдвину, когда они вышли из конюшни. — До утра полно времени.

— Мы собираемся пьянствовать и бедокурить до самого утра? — ужаснулся Олдвин.

Киммериец громко расхохотался.

— Нет, избавляю вас от подобного испытания! Но на представление Зверинца Уродов, полагаю, сходить следует. И для вашей книги это будет очень полезно.

Олдвин не нашелся, что возразить, и Конан потащил его на площадь, где уже зажигали факелы. Народ толпился возле помоста, куда четверо дюжих носильщиков неспешно водружали клетки. Десятки факелов пылали по краям помоста. Из клеток доносились рычание и странные шлепки. Люди в толпе переговаривались, возбужденно блестя глазами.

Перед клетками прохаживался сам владелец бродячего зверинца, Талорк. В руке у него была палка.

— Видите эту палку? — громко возглашал он. — Это палка укротителя, главное мое орудие! Все мои уроды, все чудовища и монстры покорны мне, потому что я — человек, и в руке у меня палка! Все эти существа крайне опасны. Поэтому я и содержу их в клетках. Они могут в любой миг впиться вам в горло зубами, растворить вас ядовитой слюной или содрать с вас кожу своими острыми когтями. Однако вам не следует бояться того, что вы увидите. Не следует, потому что вы — тоже люди, как и я, и потому, что все эти жуткие создания сидят взаперти.

— Он хочет брать деньги за то, чтобы мы взглянули на монстров? — удивился Конан.

Олдвин пожал плечами.

— Даже я знаю, что многие люди чрезвычайно любопытны и готовы заплатить немалые суммы ради интересного зрелища.

— Да, но монстры вовсе не являются интересным зрелищем, — настаивал Конан. — Это как с проститутками. Я никогда не платил женщинам за право ублажить меня в постели, потому что я и сам гораздо доставлять им удовольствие. Ну и за то, чтобы я убил парочку монстров, я не стану платить сам. Напротив, пусть мне заплатят!

— Этих монстров не нужно убивать, — мягко убеждал Конана Олдвин. — Они безопасны. Сидят в клетках и служат для увеселения толпы.

— Ни один монстр не может быть безопасен, — заявил Конан. Олдвин вдруг понял, что его приятель здорово пьян.

Бритунец сказал прямо:

— Просто дайте мне немного денег. Я очень хочу взглянуть на них. А вы можете оставаться внизу.

— Нет, я с вами! — возразил Конан и нахмурился. — Мне тоже любопытно... Нужно знать, с кем предстоит иметь дело. Даже если сперва придется заплатить. Мне случалось платить доносчикам и шпионам. Это возможно.

— Это не противоречит вашим принципам? — мягко осведомился Олдвин.

— Принципам? — удивился Конан. — Это слово для цивилизованного человека! Вы же сами говорили, что я варвар.

Явив таким образом всю противоречивость своей натуры, Конан вложил в руку Талорка целую серебряную монету, буркнул «это за двоих» и вметсе с Олдвином поднялся на помост.

— Возьмите факел, — предложил Талорк, сама любезность. — Вам будет удобнее заглядывать в клетке. И не пугайтесь, умоляю вас, не пугайтесь! Все мои уроды безобидны.

Конан резко выдернул из гнезда факел и широким шагом двинулся вдоль клеток. Песьеголовый мальчик почти совсем не заинтересовал его, зато Олдвин остановился возле этой клетки надолго.

— Бедняга, — пробормотал он.

Мальчик сидел, обхватив руками колени и уткнув в них песью морду. При звуке человеческого голоса он тявкнул.

— Да нет, — сказал Конан, — никакой он не бедняга. Обычное магическое создание. Вполне доволен всем, что с ним творится. Ест, пьет и лижет хозяйские руки.

Киммерийца заинтересовала лошадь-слизень.

— Вот опасная тварь, — заметил варвар. — Мощная, снабженная ядом. И, что важное, ее не создавали искусственно, в лаборатории. Ее наверняка поймали где-нибудь на пустошах пиктов. Во всяком случае, я слышал от тамошних охотников о чем-то подобном...

Красные глаза лошади-слизня блеснули яростным огнем. Конан хмыкнул.

— Я ей тоже не нравлюсь.

И тут из соседней клетки донесся тихий шепот:

— Освободите меня...

Конан не двинулся с места. Он знал, что хозяин зверинца наблюдает за всеми посетителями, поэтому

притворился, будто не слышит этого призыва о помощи.

Олдвин сильно вздрогнул и посмотрел на киммерийца. Едва шевеля губами, тот приказал:

— Не подавайте вида. Это Эан.

Затем громко произнес:

— Я рад, что мы пришли сюда. Вы были правы, дружище. Эти бродячие зверинцы иногда обладают настоящими сокровищами. Как вам понравилась лошадь?

— Мне показалось, что это слизень, — так же громко и неестественно-бодро ответил бритунец.

Другие посетители тоже поднялись на помост. Кругом переговаривались, шумели, ахали, восхищались и ужасались.

— Смотрите! — пронзительно закричала какая-то женщина, указывая на ту клетку, где находился Эан. — Смотрите! Я думала, что это просто человек, но это... это...

Она задохнулась, не в силах продолжать.

Конан быстро шагнул к этой клетке и заглянул внутрь. Там действительно стоял Эан. Он вцепился обеими руками в решетку и прильнул к ней лицом, как будто хотел вдохнуть хотя бы толику свободы.

Его светлые глаза были широко распахнуты. А на скулах и на лбу горело еще три дополнительных глаза. Всего пять, как и было у чудовища, которое обитало в песках.

— Я не монстр, — бормотал он. — Почему они так смотрят на меня? Я не животное! Я не хочу

жить в клетке! Отпустите меня, выпустите меня! Я — такой же человек, как и вы!

— Оно разговаривает! — верещала женщина.

Мужчина, с которым она пришла, пытался успокоить ее:

— Все это иллюзия, дорогая. Наверняка разговаривает не он, а какой-то специальный служитель, который прячется за клеткой.

До Талорка донесся их разговор, и хозяин зверинца громко произнес:

— Ничего подобного! У меня все без обмана! Если вы видите пятиглазого человекообразного монстра, наделенного речью, значит, так оно и есть. И это существо является недавним приобретением моей коллекции. Ничего подобного нет даже в самых знаменитых собраниях уродов у владык Вендии и Кхитая!

Мужчина увел от клеток свою рыдающую подругу, которая твердила:

— Зверь не должен разговаривать... Пусть он рычит, грызет клетку, но зачем он разговаривает? Так не должно быть, это неправильно, неправильно...

— Конечно, дорогая, это неправильно, — соглашался с ней мужчина, обнимая ее за плечи и тоскливо озираясь по сторонам.

— Следует действовать быстро и тихо, — распорядился Конан, обращаясь к Олдвину. — Сумеете?

— Да, — отозвался бритунец. — Командуйте.

— Поднимите панику!

— Хорошо, — прошептал Олдвин. И вдруг завопил: — Караул! Спасите! Я боюсь!

— Отлично! — воскликнул Конан и одним ударом могучего кулака сбил замок с клетки, где был заперт Эан.

Никто не успел даже понять, что происходит, когда Конан вытащил из клетки своего приятеля. Загremели цепи.

— Проклятье! — взревел киммериец. — Что ты сделал, чтобы тебя заковали?

— Ничего, — бормотал Эан. Он болтался в могучих руках киммерийца, как тряпичная игрушка.

— Дурак! — рычал Конан. — Ты ведь знал, что я приду за тобой! Как ты собираешься бежать?

— Простите, — пролепетал Эан, жалобно моргая всеми пятью глазами.

— Да ты пьян! — вознегодовал Конан. Он взвалил Эана себе на загривок. — Держись!

Эан обхватил его шею, набросив на нее скованные руки, и обвил его талию ногами, подобно детенышу обезьяны, сидящему на спине у матери.

С мечом в руке Конан развернулся навстречу Талорку. Хозяин бродячего зверинца уже спешил навстречу нарушителю, размахивая на бегу своей окованной железом палкой.

Сцена разворачивалась на помосте, озаренном факелами, так что многим из собравшихся внизу она показалась всего лишь частью представления. Зрители вопили и приветствовали огромного варвара с уродцем за спиной.

— Давай! — орали внизу. — Побей его! Вздуй этого, с палкой!

Другие были на стороне хозяина.

— Укроти верзилу! — верещали они. — Посади его в клетку!

Кое-кто уже начал делать ставки, но большинство отказалось участвовать в азартной игре.

— Какой смысл, — говорили эти скептики, — ведь это — запланированный спектакль. В любом случае победа останется за хозяином зверинца. Не стоит даже и надеяться на то, что варвар победит.

Тем временем Талорк подбежал к клетке, где содержалась пиктская лошадь-слизень, и выпустил ее. Подкалывая чудище своей остроконечной палкой, Талорк натравил ее на Конана.

— Беги! — крикнул Конан, обращаясь к Олдвину. — Встретимся возле конюшни.

Олдвин — следует отдать ему должное — все же помедлил прежде, чем скрыться.

— Беги! — взревел киммериец. — Мне некогда защищать еще и тебя!

Лошадь-слизень, очутившись на свободе, двинулась напрямик на Конана. Он оказался первым, что она увидела. Уколы очень разозлили монстра, а крик, который поднял киммериец, привлекал внимание.

Подняв рожки, слизень двигался прямо на свою предполагаемую жертву.

Талорк кормил это существо вареной рыбой, но излюбленной пищей лошади-слизня было человеческое мясо. Находясь на свободе, она охотилась на пиктов. Эти низкорослые люди были для нее иде-

альной добычей. Она находила какого-нибудь одиночку и, затаившись, выслеживала его некоторое время, а затем, уловив удобный момент, набрасывалась. Она накрывала свою жертву подошвой и выпускала ядовитые соки из желез. Таким образом несчастный оказывался весь облит кислотой, которая растворяла плоть, превращая ее в питательную кашу. А уж затем существо всасывало эту еду сквозь особые отверстия в подошве.

Талорку удалось приучить чудовище к более безопасной пище, но едва только представилась возможность полакомиться человечиною, как в существе ожили все его бывшие инстинкты.

Морда, похожая на лошадиную, потянулась к Конану. Киммериец нанес первый удар мечом, целясь в мягкие ноздри существа. Но оно с поразительным проворством отскочило назад и едва не своротило с помоста свою клетку.

Талорку, находившийся сзади, снова подколот монстра своей остроконечной палкой.

— Вперед, скотина! Задай ему перцу!

Раздался шлепок — это слизистая подошва ударила по помосту.

Внизу бушевали зрители. В слизня и в киммерийца полетели гнилые овощи.

— Деритесь! — кричали снизу. — Деритесь!

Конан метнулся вперед и нанес второй удар мечом. На сей раз он хотел поразить чудовище в шею. Но меч вошел в студенистую плоть, как в сырую глину, с трудом, и застрял там. Конан с усилием

высвободил клинок. Ему пришлось применить всю свою ловкость, чтобы вернуться от бешено бьющего хвоста «лошади». Подошва едва не накрыла его. Лишь в последний миг, каким-то чудом, киммерийцу удалось избежать участи, которая некогда постигла множество пиктских охотников.

Монстр поднялся на дыбы, и изумленные зрители увидели внутреннюю сторону подошвы — множество отверстий, снабженных присосками, которые сейчас истекали ядовитым соком.

Эан завизжал от страха прямо в ухо киммерийцу, и варвар отозвался диким боевым кличем. Толпа внизу неистовствовала. Конан размахнулся и с силой вонзил острие меча в подошву слизня, а затем, упираясь для устойчивости в край клетки, выдернул клинок.

Из раны потекла бледная мутная жидкость. Чудовище пошатнулось и неловко плюхнулось на подошву. Теперь оно передвигалось медленно, но все еще оставалось смертельно опасным. Конан увернулся от удара рожками, которые в миг опасности вытянулись и удлинились почти втрое по сравнению с обычным состоянием.

— Ударь его в глаз! — крикнул Эан в ухо киммерийцу.

Конан молча уклонялся от атак монстра, выжидая удобного мгновения. Краем глаза он видел, что на площади появились стражники. Поначалу Конан угрюмо подумал, что стражи закона, очевидно, попытаются схватить его и бросить в тюрьму, едва он

разделается с монстром. Но скоро киммерийцу стало очевидно, что стражники сопровождают важную сановную особу, которую принесли на площадь в паланкине. Очевидно, правителю города доложили о потрясающем представлении с поединком, которое разворачивается на площади, и он поспешил явиться, чтобы не пропустить зрелище.

Конан ухмыльнулся. Похоже, только он сам и Талорк знают правду.

— Кром! — зарычал киммериец, бросаясь в атаку. Монстр отполз чуть назад и остановился, угрожая шипя и шевеля рожками.

Конан сделал обманный выпад и заставил чудовище повернуться влево, а сам, присев и резко развернувшись на пятке, нанес резкий удар снизу. Клинок вошел в глаз слизняка-лошади. Послышался громкий хлопок, как будто лопнул туго надутый пузырь, и из пронзенного глаза хлынула мутная жидкость.

Слизняк поднялся на дыбы и заверещал. Конан успел выдернуть клинок. Теперь он знал, что делать. Сильно размахнувшись, киммериец рассек перемычку, соединявшую тело монстра с подошвой.

Изуродованная верхняя часть туловища упала на помост, к ногам Талорка. Она корчилась и билась, истекая быстро иссякающей «кровью» — ядовитой жидкостью. Талорк, замороженный зрелищем гибели второго своего ценного экспоната, даже не заметил, как ядовитый сок попал ему на одежду и прожег ее насквозь. Только ощутив боль от ожога, он очнулся.

— Хватайте его! — завопил он, указывая на Конана. — Это преступник! Хватайте его! Он убил монстра!

— Ха-ха! — отзывалась толпа, бушуя возле помоста. — Он убил монстра! Хвала!

— Хватайте! — надрывался Талорк.

— Хвала! Хвала! — отзывался народ, размахивая факелами.

Конан выпрямился, оглядывая толпу взором победителя. Ему не раз доводилось слышать приветственные клики в свой адрес. В ту пору, когда он был гладиатором, люди сходили с ума, наблюдая за его поединками, и дружно выкрикивали его имя, когда он одерживал очередную победу.

Сейчас происходило нечто похожее. И Конан знал, как вести себя, чтобы толпа оставалась такой же — влюбленной, послушной победителю, готовой ради триумфатора на все.

Киммериец вскинул руки с мечом и взревел:

— Кром!

— Кром! — радостно подхватили люди. — Кром! Кром!

Они понятия не имели, кто такой «Кром» и почему следует выкликать это слово, но коль скоро их кумир так делает, они готовы были вторить ему.

Конан вместе с прилипшим к его спине Эаном повернулся и прыгнул с помоста. Его подхватили и понесли прочь с площади. Каждый хотел прикоснуться к человеку, который доставил всем такое удовольствие. Только на самом краю площади Конану удалось освободиться. Он в последний раз махнул

своим обожателям и побежал прочь. Скоро темные улицы поглотили его.

* * *

— Как ты ухитрился попасть в плен к этому ублюдку? — спросил Конан у Эана, освобождая его от цепей.

— Думаю, я напился, — признался молодой человек. — Полагаю, был пьян в стельку, вот он и захватил меня.

И пять его глаз принялись виновато косить во все стороны.

— Ты и сейчас нетрезв, — заметил Олдвин строгим тоном, как будто Эан был его отпрыском, а он, Олдвин, — строгим «папочкой».

— Это Талорк, — оправдываясь, проговорил Эан и вдруг рыгнул. Он покраснел так, словно сделал что-то ужасно неприличное. — Талорк меня напоил.

— Зачем? — поинтересовался Конан. Он с отвращением отбросил в сторону кандалы, снятые с приятеля, и повернулся к нему. — Не думай, будто я осуждаю тебя. Но просто расскажи, для чего все это понадобилось Талорку.

— Дело в том, что я... ик!.. — Эан покраснел еще сильнее, хотя, казалось, это было невозможно. — Я не до конца человек. Все-таки двести лет... Гуайрэ изменила меня. Я по-прежнему монстр, только это не всегда заметно. — Он указал пальцем на свои скулы, где постепенно скрывались за пленкой кожи

дополнительные глаза. — Все это проступает только в одном случае.

— Когда?

— Когда я пьян, — сказал Эан. — Мы сидели в том кабачке и пили. Талорк тоже был там. Вот тогда он и заметил... — Юноша опять показал пальцем на свои скулы. — А ему позарез требовался новый монстр для зверинца. Но я сопротивлялся! — Он гордо выпрямился. — Я отбивался, как тигр! Поэтому он и заковал меня.

У Конана было свое мнение касательно «тигра» и «отбивался», но, щадя самолюбие молодого человека, киммериец предпочел промолчать. Тем более, что цепи действительно были.

— Полагаю, нам следует уезжать из города, — сказал Олдвин. — Правда, мы хотели отбыть только утром, но, учитывая обстоятельства...

— А что, — спросил Эан, переводя радостно-удивленный взгляд с одного своего спутника на другого, — вы раздобыли лошадей? Даже для меня?

* * *

Вот уже третий день Конан и его спутники ехали по пустыне. Передвигались они медленно, поскольку Эан часто останавливался, сходил с коня и ошупывал песок ладонями.

— Я должен почувствовать это место, — объяснил он.

— Все барханы одинаковы, — разнервничался Олвин. — Как ты считаешь отыскать те, что накрыли погибший оазис Гуайрэ?

— Я уже говорил, что чувствую жизнь, скрытую под каждой песчинкой, — сказал Эан. Он выпрямился и топнул ногой: — Вот здесь, если раскопать, найдется череп верблюда.

— А вон там, — вмешался Конан, — если обернуться, найдется человек, который преследует нас уже второй день, самое малое.

Оба его приятеля подскочили, как ужаленные, и устались туда, куда показывал киммериец.

Некоторое время они безмолвно всматривались в горизонт, но не видели там ничего, кроме мутного, дрожащего над песками воздуха. Наконец Олвин неуверенно проговорил:

— Там никого нет...

— Говорят вам, кто-то едет за нами по пятам, — повторил киммериец. — Я сам умею выслеживать добычу и потому так быстро догадываюсь, что кто-то пытается превратить в добычу меня самого.

Эан тряхнул головой.

— В любом случае мы не остановимся. Нам — туда. — И он махнул рукой вперед. — Оазис уже близко. К вечеру мы будем на месте.

— Хорошо, — сказал Конан. — Сегодня полнолуние, так что нам даже не придется ждать рассвета, чтобы отыскать сундуки.

Они вновь тронулись в путь.

За ту луну, что миновала со дня гибели оазиса,

пустыня неузнаваемо изменила пейзаж. Сад, дворец — все это исчезло под слоем песка.

— Должно быть, прошла буря, — заметил Конан, останавливаясь и озираясь по сторонам. — Вон там как будто видны обломки колонн...

Эан судорожно перевел дыхание.

— Странно, — промолвил он.

Конан повернулся к нему. В ярком свете луны лицо молодого человека казалось очень бледным, почти зеленым.

— Что странно, Эан? — с непривычной для него мягкостью спросил киммериец.

— Я думал, что ненавижу это место, — сказал Эан. — Что только о том и мечтаю — как бы вырваться отсюда. Что гибель оазиса Гуайрэ будет самым счастливым событием в моей жизни.

— А разве это не так? — вмешался Олвин.

— И так, и не так, — Эан покачал головой. — Говорю же, странно устроен человек. Или монстр, — поправился он тут же. — Если считать меня монстром.

— Тебя никто не считает монстром, — возразил Конан.

— А пять глаз? — удивился Эан.

— Кром! Погляди по сторонам, человек! Разве ты не знаешь жизни? Довольно странно — для существа, которому больше двухсот лет. Подумаешь — он становится пятиглазым, стоит ему напиться. Глянь лучше, во что превращаются так называемые «нормальные люди», едва хватят в кабаке лишку. Пять

глаз по сравнению с тем свинством, которое они разводят, — это образец нормы. И забудь об этом.

Эан криво улыбнулся.

— Почему-то я испытываю печаль. Давно забытое чувство. Это не тоска, которая глодала меня десятками лет, не скука, которая точила меня, пока я сидел в своих песках... Это сладкая, таинственная печаль, грусть по ушедшему... может быть, по красоте и любви...

Он вздохнул и улыбнулся.

— Пожалуй, я счастлив, — заключил он.

— Да, — сказал Конан, — ты настоящий человек. Только человек способен грустить и быть счастливым в одно и то же время. Поздравляю, пятиглазый! Ты прошел последнее испытание.

И с этим Конан отошел в сторону. Ему показалось, что он видит нечто, что вполне может оказаться сундуком. Но это был всего-навсего камень, очевидно, фрагмент кладки стены.

Конан выпрямился, оглядываясь по сторонам. Пустыня была полна подвижных призрачных теней. По небу, озаренному яркой полной луной, неслись облака.

— Сюда! — долетел до Конана крик Олдвина.

Бритунец сидел на корточках, обхватив руками какой-то большой предмет кубической формы.

— Я нашел! — кричал он. — Помогите мне вытащить эту штуку! Пески хотят ее засосать!

Конан подоспел вовремя. Песок упорно не желал отдавать добычу. Пока Конан приближался, сун-

дук — а это действительно был один из сундуков сокровищницы Гуайрэ — еще глубже ушел в землю.

Конан запустил в песок руки и нащупал нижний край сундука. Киммериец присел, напрягся так, что вздулись жилы на его шее и могучих плечах, а затем рывком выпрямился. Здоровенный сундук был высвобожден.

Не выпуская добычи, Конан сделал гигантский прыжок назад. Песок ссыпался в яму у него под ногами.

— Пустыня не успокоится, пока не заберет в себя все, что принадлежало Гуайрэ, — сказал Эан, задыхаясь от волнения. — Возможно, она захочет забрать и меня.

— Ты не принадлежишь ей, — возразил Олдвин. — Ты свободен.

Эан не ответил. Конан отошел с сундуком в сторону и бросил его на песок. Крышка отлетела, и в лунном свете заблестели самоцветы. Их было здесь целое море. Олдвин подумал о том, как едва не потерял рассудок, пытаясь сообразить, сколько сундуков он хочет забрать из сокровищницы. Но теперь было очевидно, что одного сундука хватит для всех троих.

«Странно, — подумал Олдвин. — Сейчас, когда то позорное наваждение рассеялось, я даже не испытываю жадности. Я легко могу расстаться с двумя третями этого сокровища ради моих товарищей. Надеюсь, они испытывают те же самые чувства, что и я, потому что иначе...»

— Превосходно! — прозвучал у него за спиной голос Талорка. — Вы просто молодцы! Привели меня прямо к сокровищам, да еще потрудились вытащить их из песка! Я вам очень признателен, господа. Вы хорошо поработали для того, чтобы отыскать этот сундук. Ну а теперь отойдите в сторону и отдайте его мне.

Услыхав столь наглое заявление, Конан громко рассмеялся. Киммериец извлек из ножен длинный меч, привязанный у него за спиной.

— Ты настойчив, но глуп, — сказал Конан, поворачиваясь к Талорку. — Это опасное сочетание. Не следует упорствовать в глупости, обычно такое плохо заканчивается.

Талорк не ответил. В его руке появился длинный кинжал с извилистым клинком. Кончики пальцев укротителя монстров засветились красноватым огнем, как будто он готовился произнести заклинание.

— Магия! — с отвращением произнес варвар.

Внезапно над плечом Талорка взмыло странное существо: у него был мускулистый, заросший редким волосом женский торс, лапы хищной птицы и огромный клюв на грубом, псевдо-человеческом лице. От существа разило падалью, как от стервятника. Оно разинуло клюв и испустило громкий, отвратительный крик.

— Гарпия! — воскликнул Олдвин. — Я только в научных трудах читал, что...

Он не успел закончить фразу. Чудовище перелетело над головой киммерийца, так, что он не успел

отреагировать, и набросилось с когтями прямо на Олдвина. Тот принялся беспорядочно отбиваться, но гарпия знала свое дело: она рвала добычу когтями и торжествующе орала, разрушая торжественное безмолвие ночи.

Талорк засмеялся.

— Это только начало!

Конан накинулся на гарпию, торопясь освободить своего приятеля, и нанес монстру удар в спину. Но он промахнулся — гарпия почуяла приближение врага и в последнее мгновение сместилась в сторону, так что клинок Конана задел только ее крыло.

В тот же миг кто-то впился киммерийцу в ногу. Опустив глаза, варвар увидел песьеголового мальчика. Этот уродец стоял на четвереньках и скалил зубы, его глаза горели дьявольским зеленым огнем.

— Вперед, мои хорошие! — кричал Талорк, приплясывая на месте и размахивая светящимися руками. — Вперед! Уничтожьте их!

Из горла псоглавца вырвалось грозное рычание.

— Кром! — зарычал в ответ киммериец.

Он наклонился и ударил врага кулаком по голове, а затем выпрямился, стремительный, как кобра, — и вовремя, потому что гарпия оставила окровавленного Олдвина, чтобы наброситься на более опасного противника.

Несомненно, Талорк управлял обоими своими хищниками. Сам он стоял чуть в стороне от схватки и посмеивался.

Олдвин со стоном катался по песку. Он почти ослеп от крови, заливающей ему глаза. Боль была вездесущей. Гарпия сильно разорвала кожу у него на голове и на лбу, а также оставила несколько глубоких порезов на левом плече. Этого было довольно, чтобы Олдвин ощущал себя объатым пламенем.

— Боги! Боги! — кричал он. — Боги, сжальтесь!

Гарпия отвратительно захохотала и накинулась на Конана сверху. Он сделал вращательное движение мечом у себя над головой, и стервятник вынужден был подняться повыше, чтобы киммериец не отсек ему лапы.

Тем временем песьеголовый мальчик выпустил ногу Конана, отполз на четвереньках подальше, припал к земле и зарычал. А затем он оттолкнулся от песка и взлетел в воздух. В прыжке он широко разинул пасть, готовясь вцепиться Конану в горло.

Киммериец уклонился, и челюсти псоглавца лязгнули у него над ухом. Не прерывая движения, киммериец развернулся и уже занес было меч над головой мальчика, но тут сверху на варвара накинулась гарпия.

Эан был парализован ужасом. Он сидел на корточках, плотно обхватив руками колени, и раскачивался из стороны в сторону. Глаза его закатились, на скулах начали прорезаться дополнительные веки — еще немного, и Эан опять превратится в пятиглазое чудовище.

Талорк тянул сквозь зубы какую-то монотонную мелодию. Эту песнь не слышали ни Конан, ни Ол-

двин, но Эану она была внятна так же хорошо, как песьеголовому мальчику или гарпии. Эти существа улавливали магию, при помощи которой Талорк управлял своими монстрами.

Тысячи воспоминаний, унижительных или страшных, ожили в голове Эана. Они теснились, говорили все разом, предъявляли права на главенство. Он видел себя покорным слугой Гуайрэ, убийцей нового любовника своей демонической подруги, монстром, живущим в зыбучих песках, перепуганным пленником в руках Талорка... Потом пришло еще более раннее воспоминание: та семья, что была у Эана двести лет назад. Та семья, которая возлагала на него такие большие надежды, — и которую он так жестоко подвел.

Эан заплакал. Сквозь слезы он еще видел, как Конан сражается с гарпией, а затем вдруг очнулся, ощутив острую боль. Эан повернулся и увидел, что песьеголовый мальчик подобрался к нему и вонзил зубы в его руку.

С диким криком Эан вскочил. Он ненавидел этого бывшего своего товарища по заточению в зверинце у Талорка. Псоглавец лизал руки хозяина и готов был разорвать любого, на кого покажет Талорк.

Превозмогая боль и страх, Эан завопил не своим голосом и изо всех сил ударил псоглавца по носу кулаком. Тот завизжал и отскочил, готовый в каждое мгновение напасть снова.

У Эана был кинжал, но за долгие зимы пребывания в облике монстра Эан совершенно разучился

пользоваться оружием и сейчас даже не вспомнил о нем.

Вместо этого Эан набросился на псоглавца с голыми руками. Он схватил его за горло и начал душить. Псоглавец сперва отбивался, а затем обмяк в хватке Эана, глаза его помутнели и закатились.

Пение Талорка сделалось громче — и вдруг утихло. Эан ощутил эту тишину всем своим существом. Краем глаза он видел, что Талорк куда-то идет.

Эан бросил на песок труп псоглавца и повернулся к своему бывшему хозяину. Талорк поспешно набивал карманы драгоценностями, черпая их из сундука.

— Нет! — закричал Эан. — Ты не уйдешь с ними!

Талорк задрал верхнюю губу, скалясь, как сделал бы это его песьеголовый прихвостень.

— Уйди с дороги, мальчишка! — крикнул Талорк. — Убирайся!

Гарпия по-прежнему летала над Конаном, и по спине киммерийца уже струилась кровь: чудовищная птица рассекла клювом ему плечо у основания шеи.

Талорк подошел к своей лошади, собираясь сесть на нее. Эан выхватил кинжал.

— Стой!

Не обращая на него никакого внимания, Талорк уселся в седло. Эан размахнулся и метнул нож. Он угодил Талорку в живот. Произошло ли это случайно или же пять глаз помогли молодому человеку правильно сфокусировать зрение — этого Эан ска-

зать бы не мог. Талорк с громким звуком, похожим на хрюканье, повалился на шею лошади. Испуганное животное дернулось, и Талорк рухнул на песок.

Гарпия почуяла неладное. Магическая связь между ней и хозяином вдруг оборвалась. Она еще раз полоснула когтями Конана, задев кисть его руки, а затем подлетела к Талорку и опустилась на песок возле него.

Эан отскочил, настороженно глядя на стервятника. Кинжала у него больше не было, и если бы гарпии вздумалось напасть на юношу, он не смог бы даже оборониться.

В несколько прыжков Конан приблизился к нему, готовясь продолжить бой с чудовищем. Но этого не потребовалось.

С громкими воплями, в которых слышалось торжество, стервятник набросился на своего бывшего повелителя. Мощный клюв расколол череп Талорка, а затем гарпия вскочила прямо на тело укротителя чудовищ и принялась расклевывать его.

Эан, как замороженный, смотрел на летящие во все стороны кровавые ошметки. Конан грубовато подтолкнул его кулаком в загривок:

— Постарайся поймать его лошадь. Она нам еще пригодится.

И, широко размахнувшись мечом, разрубил гарпию пополам, отсекая псевдо-человеческий торс от псевдо-птичьих ног.

* * *

— Я никогда не предполагал, что исследования могут таить в себе такие огромные опасности, — пожаловался Олдвин. Из-за повязки, которую Конан наложил на его голову и лицо, голос бритунца звучал глухо. — Когда говорят об исследованиях, то имеют в виду уютные кресла в Академии, пыльные книги...

— Как насчет пыльных дорог? — спросил Конан весело и мимоходом махнул Зану, который то вырывался вперед на своем скакуне, то отставал от спутников, любуясь каким-нибудь особенно красивым кактусом. На шее у молодого человека красовалось ожерелье из когтей и перьев гарпии.

Олдвин тоже посмотрел на парня, вздохнул и сказал киммерийцу:

— В конце концов, мы теперь богачи, и в нашей власти сделать эти дороги менее пыльными и более короткими. Не находишь?

Киммериец скептически приподнял бровь и ничего не ответил.

Вы когда-нибудь видели подобное завешивание? — со смехом спросил Илькавар, показывая документ своим собутыльникам.

Илькавар слыл едва ли не самым беспечным гулякой во всей Тарантии. Это был молодой аквилонец, белокурый, с широко расставленными светлыми глазами. Его кожа была розовой, как у девушки, и легко краснела, так что у неопытных людей создавалось впечатление, будто Илькавар застенчив. Он заливался багрянцем по любому поводу.

Однако чаще всего невинный румянец играл на щеках Илькавара лишь потому, что юноша успел выпить бокал-другой доброго вина — как правило, за чужой счет.

Угощали его охотно: он слыл добрым малым. И уж если Илькавар участвует в попойке, то можно быть уверенным: никаких драк с членовредительством не последует, зато напьются все до положения риз и проснутся наутро с ужасной головной болью. А Илькавар — тут как тут, веселый, безотказный, с отменным противопохмельным зельем в кувшине.

Несколько раз его забирала городская стража — за нарушение общественного спокойствия. Бывали случаи, когда Илькавар с друзьями явно перебирал лишнего. Тогда они принимались слоняться по ночной Тарантии, горлая песни и стуча в окна добропорядочных граждан, уже отошедших ко сну.

В конце концов терпение городской стражи лопнуло. Разбуянившихся гуляк похватили и бросили в тюрьму.

Тюрьма в Тарантии размещалась в подземелье одной из городских башен. Поскольку за ее обустройством король Конан следил лично, — а его величество знал толк в тюрьмах, оковах, подземельях, стражниках и заключенных, у которых только побег на уме, — то и темница получилась отменная. Сбежать оттуда было, почитай, невозможно. Сами стены тарантийского узилища навевали отчаяние и ужас. Камни сочлились печалью: покрытые мхом и влагой, они как будто наваливались на несчастного узника и отнимали у него последнюю надежду.

Именно это и испытал на собственной шкуре бедный Илькавар. Здоровый, полный необузданного веселья и сил юноша быстро растратил всю свою жизнерадостность и превратился в подобие прежнего Илькавара.

Его собутыльники, люди гораздо более состоятельные, чем он, сумели договориться со стражей. Капитан получил от них сердечную клятву вести себя отныне и впредь тихо и прилично, даже в пьяном виде. Клятва сия была подкреплена распиской кро-

вью и некоторой суммой денег, окончательно смягчившей душу сговорчивого капитана.

— Однако об аресте уже доложили королю, — сказал капитан напоследок, когда переговорщики уже собрались было покидать тюрьму. — Я должен представить ему хотя бы одного арестованного.

— Неужели король Конан вникает в такие мелочи? — удивились друзья Илькавара.

— Король Конан слишком хорошо понимает — что такое отобрать у человека свободу, — ответил капитан, морщась и вздыхая. — Поэтому о любом аресте ему докладывают.

— У тебя же остался арестованный, — со смехом ответили ему гуляки. И указали на Илькавара.

Поначалу юноша думал, что это всего лишь шутка. Что они нарочно его пугают, чтобы потом уйти всем вместе, в обнимку, как всегда, и хохоча вспоминать, как побледнел Илькавар и как удачно его разыграли.

Но услышанное вовсе не было шуткой. Илькавара схватили и заковали в цепи, а его друзья торопливо скрылись за дверью. Они спешили покинуть тюрьму и вернуться к родному очагу. Что до Илькавара, то он, оглушенный всем случившимся, безвольно потащился за стражниками в тюремную камеру.

Несколько дней он не видел солнечного света. Ему казалось, что он заживо погребен. Раз в день появлялся стражник и приносил какую-то отвратительную похлебку в глиняной плошке, а пустую плошку забирал.

Илькавар потерял счет времени. Он отчаялся, опустил, он перестал даже причесывать свои длинные белокурые волосы и позволил им свалиться.

Затем все переменялось. Стражник вошел в его камеру и объявил:

— Собирайся, глупый пьянчуга. Тебя желает видеть король.

Илькавар, сидевший в углу на клочке гнилой соломы, поднял голову. Волосы упали ему на глаза.

— Король? — тусклым голосом переспросил он. Цепи, сковывавшие его руки, звякнули. — Король? Прошло несколько лет — и вот его величество соизволил вспомнить о своем ничтожном подданном?

— Несколько лет? — стражник расхохотался. — Ну, глядя на тебя можно подумать, что и впрямь прошло несколько лет! Ты похудел, спал с лица, одежда на тебе истлела... Как тебе удалось? Ума не приложу! Но прошло не несколько лет, тут ты ошибаешься! Всего два дня минуло с момента твоего ареста. Собирайся.

Илькавар встал, провел руками по лицу.

— А как я должен собираться?

— Да просто встань и подойди к выходу, — рявкнул стражник. Тупость заключенного перестала его веселить. — Какой же ты дурак!

— И впрямь дурак, если попался, — пробормотал Илькавар.

Он поплелся за стражником по длинным переходам тюрьмы. Несколько раз они поднимались по лестницам и неожиданно очутились в просторной

светлой комнате. Здесь было столько воздуха и света, что Илькавар задохнулся.

Он зажмурился изо всех сил, а когда открыл глаза, то увидел на противоположной стороне комнаты высокий стул, похожий на трон. На этом стуле восседал рослый широкоплечий человек с очень загорелым лицом. Ярко-синие глаза внимательно смотрели на беднягу Илькавара. На голове у этого человека красовался широкий золотой обруч. Плечи его окутывала мантия из звериных шкур.

Это был король Конан.

Илькавар сделал шаг вперед, повалился на колени и горько заплакал.

Король Конан смотрел на него неподвижно, даже не моргая. Затем произнес глубоким звучным голосом:

— Назови свое имя.

— Илькавар, — пробормотал юноша.

— Когда тебя арестовали?

— Стражник говорит, что два дня назад.

— Как же ты ухитрился превратиться в такую развалину всего за два дня? — прогремел голос. — Мне докладывали, что ты был весьма щегольски одет, когда буянил на ночных улицах!

— Мой господин, ваше величество, — пробубнил Илькавар, — мне показалось, что прошло несколько лет...

— Мои тюрьмы неплохо делают свое дело, — самодовольство в тоне короля было почти детским. — Они отнимают у человека волю, не так ли?

— Да, ваше величество.

— Встань, — приказал король. — Выпрямись. Не валяйся у меня в ногах, как падаль. Я все-таки не стигийский жрец и не шадизарский тиран...

Илькавар вскочил. Внезапно его лицо просияло.

— Вы меня отпускаете, ваше величество?

— Таким ты нравишься мне больше, — заметил король. — Итак, тебя арестовали за то, что ты, пьяный...

Илькавар поморщился.

— Ваше величество, я никому не причинял вреда. Я за всю мою жизнь ни разу не подрался толком.

— Глядя на твою статью, в это трудно поверить. Неужели тебе никогда не хотелось никого убить?

— Нет, ваше величество. Я по натуре очень добродушен. За это меня любят пьяницы и девушки.

— Неплохая карьера!

Илькавар не верил своим глазам: король Конан смеялся. Затем его величество вновь сделался строгим:

— Когда тебя арестовали, ты был один?

— Да.

— Ты хочешь сказать, что нарушал общественный порядок в полном одиночестве?

— Ну... Возможно, со мной был еще кто-то, но я не помню. Я был ужасно пьян, ваше величество.

Конан нахмурился:

— Ты уверен в этом, Илькавар?

— Так же, как в собственном имени.

Конан задумчиво смотрел на беднягу и молчал. У Илькавара мороз бежал по коже от этого пронизывающего взора ледяных синих глаз. Теперь он пони-

мал, отчего у многих король Конан вызывал такой страх. Между тем Конан размышлял о судьбе молодого человека, оказавшейся в его руках.

Конан точно знал, что Илькавар схватили вместе с целой компанией. Вместе с тем в тюрьме остался один лишь Илькавар. Очевидно, все прочие откупались. Конан не стал расследовать дело о продажности капитана. Просто взял на заметку: убрать этого человека с ответственного поста.

Короля куда больше интересовал последний из гуляк, самый невезучий. Почему он никого не выдаст? Ведь эти люди, считавшиеся его друзьями, предали его, оставили в тюрьме!

— Ты любишь своих друзей, не так ли, Илькавар? — спросил вдруг король.

Илькавар сильно вздрогнул. Теперь он понимал, что королю известно все... вообще все, до последней мелочи. Илькавар был глуп и самонадеян, когда полагал, будто сумеет что-то скрыть от него. Поэтому молодой человек просто кивнул.

— Хорошо, — произнес Конан. — Вот мое решение. Ты получил урок. Надеюсь, ты достаточно напуган, чтобы впредь вести себя потише. — Он наклонился вперед на своем троне и вперил взгляд прямо в глаза Илькавара. Теперь глаза киммерийца проникали в самую душу молодого человека. — Ты также доказал мне, что можешь быть верным и не боишься взять на себя чужую вину. Если когда-нибудь тебе понадобится помощь короля Конана, обращайся. Я приду к тебе на выручку. Ты меня понял?

Илькавар кивнул, не веря собственным ушам.

Конан хлопнул в ладоши, вызывая стражу.

— Снимите с него цепи и отпустите, — приказал он. — Этот молодой человек свободен. Я рассмотрел его показания и не нашел серьезной вины. Горожанам, которые подавали на него жалобу, сообщите, что виновный понес суровое наказание.

Король усмехаясь смотрел, как освобожденный Илькавар убегает из зала. Парень мчался так, словно демоны из преисподней кусали его за пятки.

* * *

Когда освобожденный из-под ареста Илькавар явился в таверну «Зеленый медведь», его встретили овацией. Молодой человек сильно смутился и именно поэтому не разглядел, что и остальные смущены не меньше. Еще бы! Ведь они бросили его в темнице, не имея ни малейшего представления о том, сумеет ли он оттуда выбраться. Но теперь, когда все сложилось наилучшим образом, Илькавар был объявлен героем и в честь него устроили настоящий триумф.

На стол подали лучшие блюда. Самые изысканные вина текли рекой. Конечно, все это не шло ни в какое сравнение с королевскими пиршествами, но ничего более прекрасного не могли извергнуть из себя недра таверны «Зеленый медведь», и Илькавар от души был благодарен своим друзьям и хозяину таверны.

Скоро все уже хлопали его по спине, смеялись над пережитым, клялись в вечной дружбе — словом,

вечер пошел по старой колее, так, как множество вечеров до этого.

Илькавар почти совершенно забыл о предательстве — точнее, перестал считать поступок своих приятелей таковым.

И когда к нему доставили письмо от Катабаха — брата матери Илькавара, неприятного старого скупердяя, который не желал и знаться со своей обедневшей родней, — Илькавар тотчас пришел с новостью в таверну.

— Вы когда-нибудь видали подобное завещание?

Бумага переходила из рук в руки. Каждый из приятелей Илькавара внимательнейшим образом прочитывал письмо Катабаха и пожимал плечами. Скоро содержание документа сделалось известным всем, включая хозяина таверны, и разговор закипел вокруг новой темы.

— Глупо звучит, но, в конце концов, старый пройдоха был в своем праве! — объявил один из самых богатых собутыльников. — Он мог завещать что угодно и кому угодно — и притом на любых условиях.

— Кажется, я теперь богач! — весело сказал Илькавар, убирая документ, который вернулся к нему изрядно засаленным после прикосновения десятков жирных пальцев.

— Дом в лучшем квартале Тарантии! Конечно, ты теперь богач, Илькавар! — заговорили вокруг. — Надеемся побывать у тебя в гостях.

— Конечно, — согласился молодой человек. — Однако я смогу пригласить вас не раньше, чем все

это состояние сделается моим. Сперва я должен выполнить условие.

— Что за условие! Подумаешь — три ночи провести в склепе у покойника! Всего три ночи! Ерунда! Ты справишься.

— У меня сомнений нет в том, что я справлюсь, — сказал Илькавар. — И притом мне даже известно, за какой срок. За три ночи!

— Ура Илькавару! Выпьем за три ночи!

В воздух поднялись бокалы, молодые люди хохотали и пили. Жизнь казалась Илькавару прекрасной. Время, проведенное в застенках Тарантии, представлялось ему сейчас кошмарным сном. Сном, который, к счастью, закончился — и не имел никаких последствий. Если не считать разговора с королем.

«Странно, — подумал вдруг Илькавар. — Я ведь ни слова не рассказал моим друзьям о том разговоре с королем Конаном. Как будто король просил сохранить нашу беседу в тайне. Но ведь этого не было... Я ничего не обещал его величеству, и Конан тоже ни о чем меня не предупреждал. И тем не менее именно эту встречу я считаю своим главным сокровищем. Приобретением, о котором не следует знать никому... Между тем как о завещании дядюшки Катабаха разболтал в тот же самый день, как мне о нем стало известно».

Мысль эта пробилась сквозь одурение и винные пары. На мгновение Илькавару стало холодно. Он как будто приподнялся над веселой пирушкой и оглядел ее с высоты: толпа жалких пьяниц, большин-

ство из которых скоро лишится всех своих денег. Неудачники, трусы, глупцы собрались за одним столом, как нарочно. И Илькавар среди них... Неужели он — такой же? Неужели его ждет та же участь?

«Дружба короля Конана — вот что спасет меня», — подумал он. Это было последнее, что пришло ему на ум прежде, чем он опять погрузился в бесшабашное веселье.

* * *

При жизни Катабаха Илькавар никогда не бывал в доме своего богатого дядюшки. Катабах был намного старше своей сестры Айлы — матери Илькавара. Между братом и сестрой никогда не существовало ни дружбы, ни тепла, ни даже простой родственной привязанности. Когда они осиротели, Катабах взял на себя родительские обязанности по отношению к Айле. Выполнил он их так, как считал нужным, — то есть как можно скорее выдал Айлу замуж и тем самым избавился от обузы.

Айле было всего шестнадцать, когда она сделалась женой небогатого торговца кожами. Человека этого Айла не знала и уж конечно не могла любить. Он был ровесником ее брата, они вместе вели дела. Айла видела его до свадьбы всего несколько раз.

Однако не подчиниться Катабаху она не посмела и скоро вышла замуж. А еще через зиму Айла умерла, дав жизнь своему единственному ребенку, сыну, которого называли Илькаваром.

Илькавар вырос с отцом, всегда угрюмым и редко трезвым. После смерти Айлы торговец кожами

ни разу не улыбнулся. По-своему он был очень привязан к молодой жене.

Рождение сына разочаровало его. Ему хотелось иметь дочь, похожую на Айлу. В сыне он видел будущего конкурента, а не продолжателя.

Между тем Катабах медленно, но верно разорял всех своих компаньонов и прибирал к рукам их денежки. Богатство Катабаха росло. Когда умер отец Илькавара, мальчику было всего десять лет. Дядюшке даже в голову не пришло позаботиться о племяннике. Он купил себе богатый дом, возвел вокруг него высокую стену и строго-настрого приказал слугам не впускать никого постороннего — а уж тем паче тех, кто посмеет назваться его родственником.

Небольшое состояние, оставшееся после торговца кожами, позволило Илькавару дожить до того возраста, когда молодой человек может уже называть себя мужчиной. Делами занимался наемный работник, который оказался достаточно честным, чтобы не обирать вверенного его заботам паренька.

Так или иначе, к девятнадцати зимам Илькавар — с нежным румянцем на свежем лице, с чудесными белокурыми волосами, унаследованными от Айлы, с целой сворой никчемных приятелей, вечно пьяный, вечно окруженный восторженными девицами, — сделался наследником своего дяди, которого он никогда не видел и к которому не испытывал ровным счетом никаких чувств, даже презрения.

* * *

Дом смотрел на своего нового владельца мрачно. Ворота стояли закрытыми. Стена, казалось, упиралась в самое небо.

Илькавар позвонил. Ему открыл старый угрюмый дворецкий. При виде Илькавара он побледнел и отступил на несколько шагов.

— В чем дело? — удивился Илькавар. Он совершенно не привык к тому, чтобы люди так на него реагировали. Обычно при виде открытого добродушного лица юноши встречные расплывались в улыбках. — Я напугал тебя?

— Ты — новый господин? — дрожащим голосом спросил дворецкий.

— Да, если верить завещанию старого мерзавца. Я проведу три ночи в его могиле и окончательно завладею этим лакомым кусочком. Как ты думаешь, если запретить женщинам ходить по моему саду в одетом виде, — это сильно украсит мои владения?

— Ч-что... ч-что т-ты имеешь в-в-в... виду, мой господин? — дворецкий весь трясся и едва держался на ногах, глядя на Илькавара с откровенным ужасом.

— Я имею в виду, — легкомысленным тоном продолжал Илькавар, — что скоро здесь все переменится. Долой эти мрачные заросли! Я выпишу садовников и прикажу подстричь все кусты. Полуобнаженные красавицы будут разгуливать по этим аллеям. Дом наполнится весельем. Я приведу сюда какую-нибудь роскошную красотку с добрым нравом и широкими бедрами, и она наводнит это имение

целой шайкой горластых младенцев. Как ты на это смотришь?

Дворецкий не отвечал. Ужас сковал его язык.

Илькавар решил не обращать на него внимания. Очевидно, старик слишком долго прожил в тени Катабаха.

— Я не выгоню тебя, — прибавил юноша великодушно. — Полагаю, ты провел в этом доме много лет, и было бы жестоко отправить тебя доживать век на улице. Я велю оставить за тобой ту комнату, которую ты занимал, и прикажу слугам кормить тебя. Но управляющим в моих владениях будет, конечно, человек помоложе. Ты не справишься, потому что забот у моего дворецкого прибавится.

— Сперва ты должен выполнить все условия, указанные в завещании, — пробормотал дворецкий. — И да хранит тебя Бел, благосклонный к богачам!

— Да хранит тебя Бэлит, благосклонная к юным любовникам! — весело откликнулся Илькавар.

Он прошел по заросшему саду и вошел в дом.

Здесь было гулко и пусто. Эхо отзывалось на звук его шагов. Илькавар несколько раз пытался позвать слуг, но стены как будто глушили его голос.

— Что за ерунда! — Илькавар уже начал сердиться. — Куда подевались все слуги?

— Они разбежались, мой господин, едва только старый Катабах закрыл глаза, — голос старика дворецкого прозвучал за спиной Илькавара так неожиданно, что молодой человек даже подпрыгнул. Серд-

це в его груди бухнуло и остановилось прежде, чем вновь начать биться, — осторожно, как бы с опаской.

— Ты едва не убил меня! — воскликнул Илькавар. — Разве можно так подкрадываться!

— Прошу меня простить, — отозвался старик степенно. — Наш прежний господин Катабах требовал, чтобы мы передвигались по дому бесшумно. Любой звук раздражал его.

— Где слуги? — спросил Илькавар. — Почему они разбежались?

— Господин не держал рабов, — был ответ. — Те, кого он нанял, сочли, что их срок службы закончился.

— Неужели никто не захотел даже познакомиться с новым хозяином? — Против своей воли Илькавар чувствовал себя как будто уязвленным. — Они просто ушли и все?

— Да, мой господин. Просто ушли, и все. Они ни на миг не пожелали задержаться в этом проклятом доме.

— Проклятом? Объясни-ка! — Илькавар пристально уставился на дворецкого, но тот лишь опустил голову и промолчал. — Скажи мне, — после долгой паузы вновь заговорил Илькавар, — а ты почему остался?

— Я хотел дождаться тебя, чтобы предупредить...

— О чем?

— О том, что если тебе дорога жизнь, то лучше бы отказаться от этого наследства. Оно действительно проклято.

— Ты добрый человек, — с чувством молвил Илькавар. — Взял на себя то, от чего в ужасе бежали все другие...

На миг ему вспомнился разговор с королем. Разве сам Илькавар не поступил так же — принял на себя одну общую вину? Впрочем, Илькавар сделал это отнюдь не добровольно — в отличие от старого дворецкого.

— Так что их так напугало? — продолжил он допрашивать старика.

Дворецкий только пожал плечами и отвернулся. Наконец он прошептал:

— Я не могу ответить тебе, мой господин, потому что сам в точности не знаю... Здесь творится что-то дурное. Оно растворено в воздухе, оно затаилось в саду, оно прячется в каждой из этих роскошных комнат. У него нет имени, нет обличья, но оно существует, можешь мне поверить.

— Оно убило кого-нибудь? — допытывался Илькавар.

— Нет...

— Искалечило? Может быть, напугало?

Старик молчал.

Илькавар тряхнул его за плечи.

— Говори! Ты ведь хотел помочь мне!

— Я не знаю, мой господин. Просто чувствую его. Оно как будто высасывает силы. Беги отсюда!

— Нет уж, — разозлился вдруг Илькавар. — Я всю жизнь провел в бедности, я постоянно топил свою неудачливость в вине, которое покупали для

меня другие. Теперь, когда удача повернулась ко мне лицом, — не стану я бежать от нее! Катабах не сделал ровным счетом ничего доброго ни для меня, ни для моего отца, — так теперь пусть отдаст родственный долг хотя бы из-за гроба.

— Я предупредил тебя, мой господин, — сказал дворецкий. — Больше я ничего не могу для тебя сделать.

— Ты сделал для меня очень многое, — заверил его Илькавар. — Ты преодолел необъяснимый страх перед неизвестно чем, — тут юноша усмехнулся, но дворецкий оставался серьезным, — и дождался меня. Ты не хотел, чтобы я пришел в совершенно пустой дом. Ты — добрый человек, и когда я вступлю во владение моим наследством, когда все злые тени уйдут отсюда навсегда, — клянусь, я позабочусь о тебе.

— Я благодарен тебе, мой господин, и желаю тебе удачи, — дворецкий поклонился. — А теперь позволь мне удалиться.

— Хорошо. — Илькавар махнул ему рукой. — Уходи. Рекомендую снять комнату в таверне «Зеленый медведь». Скажи, что ты — мой друг, и тебя поселят бесплатно. Там все знают о том, что я скоро разбогатею, так что охотно поверят в долг.

— Я сделаю, как ты говоришь, и буду ждать вестей от тебя, — сказал дворецкий. На миг его старческие глаза ожили и вспыхнули. — Кто знает? Быть может, ты действительно сумеешь одолеть живущее здесь зло. Но все же берегись! Катабах наводнял этот

дом недобрыми духами на протяжении долгих лет — их не победить за три ночи.

И старик поспешно ушел, нарочно громко стуча башмаками.

Илькавар бросился в мягкое кресло. Как удобно! Он вытянул ноги, и обитая бархатом скамеечка как будто сама прыгнула под его ступни. Как здесь все продумано! Еще бы, у дядюшки было много времени для обустройства дома...

Он протянул руку и безошибочно снял с маленького столика кувшин. Вино еще оставалось там. Доброе аквилонское вино, лучшее в Хайборее.

Илькавар сделал глоток, другой. Беспашашное веселье овладело им. Скоро, скоро здесь все изменится! Зазвучат громкие голоса, хорошенькие служаночки будут бегать по комнатам, очень занятые и деловитые, и вот уже Илькавар оглянуться не успеет, как старший сын явится к нему в гостиную и потребует подарить ему лук и стрелы...

Он закрыл глаза, предавшись сладким мечтам. Неожиданно Илькавару показалось, что в комнате кто-то есть. Кто-то вошел совершенно беззвучно и теперь таращится на нового хозяина поместья, стоя в дверном проеме. Ощущение было таким сильным, что Илькавар весь покрылся мурашками.

«Что за дьявольщина здесь творится? — подумал он, сразу же вспомнив предостережения дворецкого. — Нет, не может быть! Здесь все в порядке. Я у себя дома. Рабов здесь нет, вольнонаемные слуги ушли, ушел и дворецкий. Я здесь один. Катабах

мертв... и никогда больше не крикнет своим клеветам, чтобы гнали подальше от ворот нищего проходу, который осмелился назваться его племянником!»

Но чувство чужого присутствия не исчезало. Ильявар понял, что ему страшно. Он открыл глаза и заставил себя встать и подойти к дверям.

— Сейчас я увижу, что там никого нет, и успокоюсь, — сказал он себе. — А после этого выпью еще немного доброго вина, прихвачу пару кувшинов и пойду в «Зеленого медведя». Посижу там с друзьями, пока не настанет пора спускаться в склеп и караулить покойного дядюшку.

Он сделал несколько шагов, отдернул шторы, закрывавшие проем... и с невольным криком шаркнулся в сторону.

В дверях стоял самый безобразный нищий, какого только можно было себе представить. Непонятно было, какого возраста этот человек. Лишения отпечатались на всем его облике, как след от королевской печати на мягком воске. Лицо его, серое, обветренное, было покрыто шрамами и морщинами. Сама ночь затаилась в бездонных глазных впадинах, и мрачный огонь горел в их глубине. Безгубый рот был растянут в отвратительной ухмылке.

Длинные свалывшиеся серые волосы болтались на висках нищего, а плешивая макушка была покрыта струпьями. Рваная одежда болталась на костлявых плечах.

— Кто ты? — с трудом выдавил Ильявар.

Губы его дрожали. Больше всего на свете ему хотелось убежать и очутиться где-нибудь подальше от этого ужасного человека — если, конечно, то был человек. — Кто ты такой?

«Дворецкий предупреждал меня, — смятенно думал Ильявар. — Хорошо, что добрый старик уже ушел... и опасность угрожает только мне одному».

— Кто ты такой?! — Ильявар сорвался на крик.

Нищий мелко затрясся от смеха. Он поднял сухую руку и указал на Ильявара длинным черным ногтем.

— Ты — наследник?

— Я хозяин этого дома! — Ильявар из последних сил старался выглядеть уверенным и сильным, хотя — увы, он полностью отдавал себе в этом отчет, — наверняка казался перепуганным, жалким и слабым.

— Хозяин? Ты — хозяин?

Нищий хохотал все громче. Он широко разевал пасть, и Ильявар невольно уставился на его гнилые зубы. Нищий высунул язык и подразнил молодого человека.

— Ты — хозяин? Хозяином был здесь этот старый мерзавец! — закричал нищий. — Этот негодяй! Ублюдок! Это порождение ночной мрази! И сейчас он — в лапах демонов, помани мое слово! Демоны рвут его на части! Демоны уничтожают его! Демоны грызут его плоть! Он горит, он корчится, он желает забвения — и никогда, никогда не получит он забвения! Только боль, ужас, ненависть, только страдание без конца!

Выкрикнув это, нищий повернулся и быстро побежал прочь.

— Подожди! — Как ни странно, за то время, что нищий изрыгал свои проклятия, Илькавар успел привыкнуть к его жуткому обличью. Юноша даже немного пришел в себя. Подумаешь, безумец в лохмотьях! Илькавар и не такое видал! В конце концов, он же побывал в ужасных застенках Тарантии, и сам грозный король Конан допрашивал его, в то время как тяжелые цепи висели у Илькавара на руках и ногах и впивались в его плоть. У него даже сохранились следы.

Поэтому Илькавар решил во что бы то ни стало выяснить, кто этот нищий старик, каким образом он пробрался в дом и что означают его странные проклятия мертвецу?

Разумеется, сам Илькавар не испытывал нежных чувств к почившему Катабаху. Но ведь дядюшка умер, не так ли? Дядюшка больше никогда никому не причинит зла. Следует думать о том, что есть, а не о том, что давно миновало.

— Стой! Подожди! — зывал Илькавар.

Серые лохмотья мелькали у него перед глазами, когда он гнался за нищим через анфилады роскошных комнат. Нищий, казалось, хорошо знал дом Катабаха. Он уверенно нырял в переходы, о существовании которых неопытный человек мог даже не подозревать, он открывал замаскированные драпировками двери и в конце концов выскочил в сад и исчез.

— Проклятье! — Илькавар ворча закрыл последнюю дверь.

В саду не обнаружилось никаких следов. Нищий словно растворился в воздухе.

— Хотел бы я знать, кто это был, — говорил себе Илькавар. — Что он делал в моем доме? Откуда такая ненависть к Катабаху — это я еще могу понять... Хотя нет, не могу. Это нечеловеческое чувство, слишком яростное для того, чтобы его могло вместить в себя человеческое сердце.

В конце концов Илькавар принял единственное разумное в данной ситуации решение: нищего он выбросил по возможности из головы, прихватил пару кувшинов аквилонского, как и собирался, и отправился в «Зеленого медведя».

* * *

Как оказалось, дворецкий уже прибыл туда и разместился со всеми удобствами в небольшой комнате. Илькавар лично удостоверился в этом, однако тревожить покой старика не стал. Если бы новый хозяин имения увиделся с дворецким, то не удержался бы и начал расспрашивать про загадочного нищего, а это могло бы вызвать нежелательные последствия.

Дворецкий, небось, перепугается до полусмерти и сбежит. А сбежав — пропадет где-нибудь на большой дороге. Илькавар меньше всего на свете хотел его гибели.

Поэтому он уселся на стол и выставил кувшины.

— Угощаю! — объявил он.

Хозяин «Зеленого медведя» недолго думая присоединился к веселому обществу. Ему любопытно было послушать.

Два кувшина аквилонского прикончили очень быстро, так что скоро опять возникла нужда в выпивке.

Илькавар рассказывал с громким хохотом:

— Все слуги разбежались! Я прихожу — а в доме никого, кроме дворецкого, и тот напуган до полу-смерти. Воображаю, какие ужасы наговорил им обо мне дядюшка.

— Нет никого страшнее нашего Илькавара! — гомонили кругом. — Ха-ха, вот так чудовище! Особенно когда пьяный. Но и трезвый хорош: лицо розовое, глаза голубые... Он похож на ночной кошмар!

Илькавар чувствовал себя совершенно счастливым. Он смотрел на своих разгоряченных выпивкой и веселой болтовней приятелей, и ему думалось, что нет в мире ничего лучше, чем вот так сидеть и смеяться.

И только маленький червячок беспокойства изредка шевелился в глубине его сердца, но Илькавар упорно не обращал на него внимания.

— А как насчет условия завещания? — спросил один из приятелей, некий Кракнор. Он слыл наиболее рассудительным во всей компании. — Ты собираешься выполнить его?

— Разумеется, — кивнул Илькавар. — Я человек честный, как известно. Да и не хотелось бы мне лишиться такого богатого куска. А законники — люди

суровые. Если они пронюхают о том, что я нарушил условие, меня быстренько вытолкают вшаей. Король Конан внимательно следит за тем, чтобы законы исполнялись.

Он назвал имя короля и смутился. Ему вдруг показалось, что остальные знают о его встрече с королем. Но это, конечно, было не так.

— Где находится склеп? — спросил Кракнор.

— В саду, за домом. Я там еще не был. Полагаю, у меня будет достаточно времени, чтобы там осмотреться.

— Странная фантазия — выстроить свою гробницу рядом с домом! — сказал Кракнор.

— Для меня это удобно, — пожал плечами Илькавар. — Я склонен рассматривать подобное расположение гробницы как проявление заботы о племяннике. Мне не придется ходить куда-то далеко, на кладбище. Все под боком — и живые, и мертвые.

— Мертвые — скверная компания для живых, — заметил другой их приятель.

— Согласен, но мне выбирать не приходится, — сказал Илькавар. — В конце концов, все это продлится три дня, а потом я прикажу замуровать вход в гробницу и посажу вокруг кусты.

— Хорошая идея! У Илькавара голова варит! Ура Илькавару! — закричали кругом.

Илькавар со смехом опрокинул в горло еще стакан.

— Может быть, кто-то хочет пойти со мной? — предложил он. — Посидим у гроба старикана, выпьем за его здоровье, скоротаем ночь?

— А что? — проговорил Кракнор. — Лично я не против. Аквилонское, которое сохранилось в запасах дядюшки Катабаха, произвело на меня сильное впечатление. Давно я не пил ничего подобного.

— Скажи уж прямо — никогда! — воскликнул Илькавар.

— И скажу! — подхватил Кракнор. — Никогда я такого не пил! А добрый наш хозяин, — он немного шутовски поклонился хозяину «Зеленого медведя», — нарежет для нас ветчины.

Сказано — сделано. Скоро вся харчевня участвовала в подготовке «экспедиции». Кругом обсуждали предстоящую вечеринку с мертвецом.

— Передай ему от нас привет!

— Спроси, хороши ли в Серых Мирах красотки?

— Не отваливаются ли у них части тела при объятиях?

— А как насчет нижней челюсти? Не мешает ли ее отсутствие поцелуям и милой болтовне?

— Что они там пьют, в преисподней?

Илькавар вдруг нехотяти вспомнил проклятья страшного нищего и то, что тот говорил о «преисподней», и холодок пробежал у него между лопатками. Однако он сдержался и поскорее отогнал дурное предчувствие.

* * *

— Так вот как здесь, значит, все устроено? — сказал Кракнор, озираясь по сторонам, когда они с Илькаваром вошли в сад. — Очень богатый участок.

Посмотри, какие деревья! Это же не местные породы. Вон то — я точно тебе говорю — привезено из Зингары. Очень плотная древесина. Старик явно не скупился, когда речь шла о его саде. А вот это. — полагаю, из самого Шема. Ну и ну! Никогда не подозревал, что здесь могут быть собраны такие богатства.

— Откуда ты знаешь про деревья? — удивился Илькавар.

— Как-то раз ездил с караваном купцов до Шема и обратно. Давно, в детстве. С отцом, — нехотя сказал Кракнор. — Он начинал как простой торговец, только потом ему повезло. Он торговал древесиной.

— Ясно, — кивнул Илькавар. — Моему отцу тоже повезло бы, если бы его компаньоном не был Катабах. И если бы он не спился после смерти матери.

— Невезение и везение человека — в руках богов, — философски заметил Кракнор.

— Только в том случае, если боги не переложили это в руки самого человека, — возразил Илькавар. «Зачем я веду эти серьезные разговоры? — подумал он. — Ведь мы пришли сюда повеселиться!»

И он показал на дом:

— Здесь полным-полно разных богатств. У меня просто руки чешутся открыть двери моим друзьям и поделиться всем, что я имею... Но — увы! — пока я не смею этого сделать. Наше счастье мы должны заработать вместе!

— Что ж, в таком случае — ура Катабаху! — заключил Кракнор.

Они обошли помпезное строение (Илькавар невольно высматривал следы присутствия жуткого нищего, но ничего не замечал) и увидели гробницу.

Склеп представлял собой небольшое здание, по форме повторяющее жилой дом, только раз в десять меньше. Его возвели из грубого серого камня и украсили причудливой резьбой. В узорах повторялись странные оскаленные морды неведомых чудовищ, прятавшиеся среди густой листвы и длинных извилистых лиан.

Дверь стояла открытой, как будто приглашала войти.

Молодые люди переглянулись. Из склепа тянуло сыростью. Воздух там был затхлый.

— В конце концов, чего же мы боимся? — воскликнул Илькавар. — Разве мы не побывали в застенках Тарантии? Там наверняка было еще хуже! Ведь отсюда мы можем выйти в любой момент — а выйти оттуда не в состоянии никто!

Кракнор молча кивнул и зажег факел. Он передал горящий факел Илькавару, запалил второй, и вдвоем они нырнули в зев гробницы.

Внутри было пусто, если не считать большого прямоугольного гроба, сделанного наподобие стигийских: по форме он отдаленно напоминал очертания человеческого тела, а там, где предположительно находилась голова умершего, было вырезано в камне стилизованное изображение лица.

Совершенно голые стены были сложены необработанным булыжником. Земляной пол, казалось, вы-

сасывал из живых все тепло. Молодые люди мгновенно ощутили могильный холод и задрожали.

— Я приготовил одеяла, — сообщил Илькавар. — Сейчас принесу. Они лежат у входа.

Он поспешно вышел, оставив Кракнора дожидаться внизу.

Солнце уже садилось, сад наполнялся прохладой. Насколько же эта живая прохлада отличалась от того мертвящего холода, который источала гробница! Илькавар оглядел сад и дом так, словно видел их в последний раз и прощался с миром живых навеки. Затем он набрался мужества и, подхватив теплые шерстяные одеяла, нырнул обратно в склеп.

Кракнор встретил его с преувеличенной радостью, которая лучше всяких слов выдавала его испуг.

— Я уж думал, что ты сбежал и бросил меня одного! — заявил он, нарочито громко смеясь.

— Одного? За кого ты меня принимаешь? Я никогда бы не бросил товарища одного в беде! — воскликнул Илькавар.

Он густо покраснел, сообразив, что эти слова прозвучали как намек на поступок его друзей, которые именно бросили его отдуваться за всю компанию в тюрьме. К счастью, в склепе было достаточно темно, и смущение Илькавара осталось незамеченным.

— К тому же я не так глуп, чтобы оставить тебя наедине с этим чудесным аквилонским, — быстро нашелся Илькавар. Он был рад, что сумел свести все к шутке.

Они устроились на теплых одеялах, разложили прямо на каменном гробу закуски, поставили на пол кувшины с вином и приготовились скоротать ночь.

Сперва говорили о женщинах, но эта тема, как ни странно, быстро прискучила. Мысли обоих молодых людей занимало странное завещание старика и вообще все, что связано с мертвецами, гробницами и проклятиями.

— Я одного не понимаю, — рассуждал Кракнор, — почему разбежались слуги? Ведь естественно предположить, что новому хозяину они понадобятся. Неужели старик Катабах платил им так мало, что они предпочли скрыться из его владений, едва он закрыл глаза?

Илькавар покачал головой.

— К тому же любой из них мог мне солгать насчет жалованья. Я бы дал, наверное, столько, сколько бы они попросили. А теперь я один в доме и даже не знаю, что здесь и где находится.

— Что ж, в таком случае, тебе предстоит экспедиция в неизведанные земли! — весело произнес Кракнор.

Но он поежился и тем самым выдал свои истинные чувства: ему по-прежнему было не по себе. И даже чудесное аквилонское не помогало скрасить ночь. Кракнор начал мечтать о том, чтобы эта ночь поскорее миновала и чтобы он мог покинуть злополучный склеп.

«Странно, — думал он, поглядывая на Илькавара, — а ему хоть бы что. Ну разумеется, это же его

дядюшка. Возможно, и сам Илькавар далеко не так прост и очарователен, как выглядит... Все злодеи были когда-то детьми...»

Кракнор изумился: что за мысли лезут в голову! Ведь с ним — Илькавар, самый простодушный и добрый собутыльник, какого только можно поискать в Аквилонии.

Илькавар сказал:

— Как-то здесь неуютно.

— Еще бы, мы ведь в склепе!

— Бывают на удивление уютные склепы, — задумчиво молвил Илькавар. — С множеством старинных могил, с понятными надгробиями, с остатками былых жертвоприношений — вроде блюдо с медом и цветами...

— И головами нерожденных младенцев! — захохотал Кракнор.

Но Илькавар не поддержал шутки.

— Ты понял, о чем я говорю. Чтобы иметь такую гробницу, нужно иметь также целую череду знатных предков, умерших за столетия до тебя. Традиции. А мой дядя был первым в нашей семье, кто сумел позволить себе роскошный гроб. В этом склепе будет хорошо лет через двести, когда ни меня, ни тебя, ни наших детей уже и в помине не будет.

— В таком случае, — сказал Кракнор, — обещаю тебе: если я умру раньше тебя, ты похоронишь меня в своем семейном склепе. От моих родственников, пожалуй, не дождешься блюдо с медом и цветами,

а тебя послушать — так здесь будет просто дивный сад для мертвецов.

— Что ты говоришь! — Ильявар содрогнулся. — Я не желаю ничего слышать о смерти... еще лет пятьдесят.

— Расскажи, в таком случае, как ты устроишь свою спальню, — предложил Кракнор. Он снова отхлебнул от кувшина и постарался сесть поудобнее.

— Для начала вместо тяжелых темно-красных драпировок я повешу тонкие, полупрозрачные, с золотым и серебряным шитьем... — начал Ильявар мечтательно.

Неожиданно факелы начали коптить. В гробнице стало значительно темнее.

Ильявар прервал свой рассказ и с тревогой осмотрелся.

— Что здесь происходит?

— Наверное, сквозняк, — предположил Кракнор.

— Откуда бы здесь взяться сквозняку? — Ильявар беспокоился все больше и больше. — Дверь в гробницу закрыта... Вряд ли здесь есть второй вход. Сегодня при свете дня я осматривал склеп. Один вход, глухая стена, в середине — гроб. Ничего больше.

Новый порыв ветра почти загасил факелы. Отчетливо запахло гарью — как будто где-то поблизости жгли собачью шерсть или волосы.

— Я не понимаю, как... — снова заговорил Ильявар.

Внезапно большая черная тень поднялась над гробницей. В темноте можно было бы принять ее за какое-то живое существо, которое лежало на камнях

и вдруг вздумало встать. Тень отдаленно напоминала очертаниями человеческую. Она встала, затем двинулась вперед, снова замерла...

— Что это такое? — замирающим голосом произнес Кракнор.

— Не знаю... — Ильявар схватил его за руку. — Замри! Не двигайся! Может быть, оно слепое...

— Но не глухое! Оно идет на наши голоса!

Ильявар бросился к стене и выдернул из железного держателя почти совершенно потухший факел. «Я так просто не сдамся, — подумал он. — Какая бы дьяволыщина здесь ни творилась, Ильявара они без боя не получат!»

Он сам дивился собственной храбрости. Всю жизнь Ильявар боялся темноты и духов умерших. Наверное, и дядюшка Катабах об этом от кого-нибудь слышал, иначе не поставил бы такого условия в своем завещании.

На старика это очень похоже: даже из Серых Миров поиздеваться над родственниками. Что ж, вот и настала для Ильявара пора доказать самому себе, что он не такой уж и трус. Время, когда он был ребенком и дрожал от всякой непонятной тени, что вырастала перед ним на стене, миновало.

Кракнор чувствовал, как холод бежит у него по спине. «Это смерть, — в панике думал молодой человек. Хмель в одно мгновение выветрился у него из головы. — Это холод смерти. И некуда бежать».

Он повернул голову и посмотрел на выход из гробницы. «Но ведь я могу сбежать! — пронеслось у

него в мыслях. — Это Илькавар обязан просидеть у гроба старика всю ночь, до рассвета, а я вправе уйти отсюда в любой момент. Почему же я до сих пор не двинулся с места?»

Ужас парализовал его. Тем не менее Кракнор собрался с силами и шагнул вперед.

Тотчас выход из гробницы как будто отодвинулся почти на целую лигу. Теперь Кракнор видел его издалека, как будто молодой человек находился где-то в глубинах земли и взирал на спасительный выход из подвала с самого дна отчаяния.

Кракнор сделал над собой последнее усилие. Он рванулся к двери. Что-то тяжелое, шершавое на ощупь, точно камень, и такое же неодолимое выросло у него на пути. Заверещав, точно пойманный в ловушку заяц, Кракнор метнулся влево, потом вправо, но скала была везде, куда бы он ни ткнулся.

Снова и снова пытался Кракнор выбраться наружу, но нечто держало его крепко и не пускало. Раздался странный треск, и дикая боль захлестнула Кракнора.

Он хотел было позвать на помощь своего друга, но Илькавара нигде не было видно. «Это ты? — мысленно кричал ему Кракнор. — Это ты меня убиваешь? Что ты делаешь со мной, Илькавар? Зачем ты заманил меня в ловушку?»

* * *

Илькавар открыл глаза. Голова у него болела так, словно по ней стучали десятки молотов. «Неу-

жели я вчера так напился?» — подумал он в смятении и огляделся по сторонам.

Он всегда осматривался по пробуждении украдкой, чтобы заранее составить себе представление о том, где находится и в каком сейчас состоянии, — до того, как окружающие поймут, что он проснулся.

Иногда он открывал глаза в чужой постели, иногда — в канаве при дороге, порой — в трактире под столом. Все это надлежало уяснить с самого начала и действовать соответственно.

Но на сей раз приподняв веки Илькавар не увидел ничего, кроме темноты. Он попробовал еще раз: закрыл глаза, открыл глаза. Никакой разницы. Непроглядный мрак.

— Боги, я ослеп! — воскликнул Илькавар и пробудился окончательно.

Он сел на полу. Голова и в самом деле ужасно болела, здесь ощущения были точными. Саднило горло, как будто вчера его кто-то душил. Странно, потому что обычно Илькавар в драки не ввязывался.

— Во имя всех богов, где я нахожусь? — произнес Илькавар, обводя взглядом темное помещение.

Склеп.

Ну конечно! Вчера они с Кракнором провели первую ночь в склепе покойного дядюшки Катабаха. Подробности этого приключения постепенно начали всплывать в голове Илькавара. Странно, что он так плохо помнил случившееся. Переволновался, должно быть, да еще и выпил немало.

Еще бы. Не каждый день бедный родственник

получает такое богатое наследство — да еще с такими дурацкими условиями впридачу!

Илькавар потер виски, вспоминая все, что мог припомнить.

Они забрались в склеп. Зажгли факелы. Разложили на полу одеяла. Вот эти одеяла, валяются скомканными. Илькавар проспал на голых камнях — не слишком умно. В старости наверняка это отзовется жгучим ревматизмом.

Далее — они пили вино. Вот обломки кувшинов. И вино разлито на полу... Нет, это не вино. Кажется, это кровь...

Илькавар поднял руку, которая болела сильнее, чем другая, и увидел длинный порез, оставленный не то ножом, не то чьим-то острым клыком. Понятно, откуда кровь.

Он проковылял к выходу и отворил дверь. В помещение хлынул солнечный свет, а вместе со светом — душистое тепло наступившего дня. Где-то там, за порогом подземелья, весело пели птицы, цвели цветы, а еще дальше, за пределами сада, люди торопились по своим делам. Все эти картины, мелькнувшие в фантазиях Илькавара, вдруг представились молодому человеку такими прекрасными, что он с трудом подавил в себе желание немедленно выбежать наружу и мчаться прочь из проклятого сада на улицы, к обычной городской жизни.

Сперва нужно разобраться.

Илькавар вернулся в склеп. Он был с Кракнором, когда на них напало какое-то существо. Да, по-

явилось некое существо, темное, холодное, безмолвное. У Илькавар мурашки прошли по всему телу, когда он вспомнил эту часть своего ночного бдения.

— Кракнор! — позвал он. Возможно, приятель еще здесь. Спит и видит кошмарные сны. — Кракнор! Просыпайся — уже утро! Просыпайся. Мне нужна твоя помощь. Ты помнишь, вчера здесь...

Илькавар запнулся посреди слова. Он увидел Кракнора. Его приятель лежал сразу за гробом Катабаха в странной, неловкой позе. Ни один человек не смог бы спать в подобной позе. Хуже того — ни один человек не смог бы жить после того, как ему придали подобную позу: голова Кракнора была вывернута. Молодой человек лежал на животе, поджав под себя ноги, а лицо его глядело прямо на Илькавара, и глаза были широко распахнуты.

* * *

Илькавар не мог бы сказать, как долго смотрел он на тело приятеля. После первого потрясения все чувства как будто оставили Илькавара. Он ничего не ощущал, ни горечи, ни боли, ни даже страха. Одна сплошная пустота.

Затем к нему постепенно начала возвращаться способность соображать. Он поднял кувшин и допил то вино, которое еще оставалось на дне и не было разлито. Головная боль уходила, оставляя место обычной тяжести в висках.

Если Илькавар сейчас объявит о гибели Кракнора, то, скорее всего, в преступлении обвинят самого

Илькавара. Скажут — мол, выпили лишку, а тут еще странная, пугающая обстановка в склепе. Мало ли что могло почудиться двум пьянчугам! Передрались, и в потасовке один убил другого.

Илькавар еще раз взглянул на тело с вывернутой шеей. В свое оправдание молодой человек мог бы указать на то, что у него-де не хватило бы сил проделать такое. Но на это нашлось бы не одно возражение. Мол, пьяный никогда не знает, сколько у него сил, — это раз. И два — все-таки Илькавар не слабого десятка. Противопоставить этим доводам можно было лишь тем, что даже напившись до беспамятства Илькавар никогда не дрался. Но ведь все когда-то бывает в первый раз...

Юноша в отчаянии покачал головой. Его обвинят в убийстве знатного человека и снова бросят в та-рантийские застенки — на сей раз уже навсегда! Он сгниет там в неизвестности, условие дядюшкиного за-вещания останется невыполненным, и все богатства Катабаха перейдут в руки короля Аквилонии...

Едва лишь Илькавар подумал о короле Аквилонии, как его охватил настоящий ужас. Он представил себе ледяные синие глаза на загорелом лице короля-воина, его черные волосы, его широкие покрытые шрамами плечи и низкий, тяжелый голос... Нет, еще одна встреча с Конаном окажется для Илькава-ра убийственной. Король не станет слушать оправ-дательный лепет юнца. Король утвердит самый страшный приговор, не задумываясь, и Илькавар сгниет в темнице...

Этих застенков Илькавар боялся куда больше, чем дыбы и плахи палача.

Он принял единственное возможное в таком слу-чае решение. Он спрятал тело Кракнора в гробнице. Ему стоило немалых усилий заставить себя прикос-нуться к уже остывшему и окоченевшему труп у приятеля.

«Странно, — думал Илькавар, заворачивая то, что осталось от Кракнора, в одеяло, — еще вчера он был живым, веселым, смешливым, его интересовали женщины и выпивка... Мое вино, наверное, до сих пор осталось у него в желудке. Он почувствовал вкус этого вина... и теперь это просто труп. Неоду-шевленное тело».

Мысль о том, что придется провести вторую ночь рядом с двумя покойниками, Илькавар стара-тельно отгонял от себя. Возможно, за сегодняшний день он сумеет найти убийцу. Тогда можно будет объявить о случившемся открыто, и король не при-кажет заточить его в тюрьму навеки.

— Прости меня, — сказал Илькавар мертвому те-лу. Он уложил Кракнора сразу за гробом Катабаха, так что от входа тело не было заметно: чтобы уви-деть его, нужно было войти в склеп и обойти гроб.

Затем Илькавар выбрался наружу и осуществил наконец свою заветную мечту: выскочил из имения Катабаха и бросился бежать подальше от проклято-го дома по улице.

* * *

Илькавар знал, кто может ему помочь. Старик нищий, который осыпал проклятиями Катабаха. Этот уродливый, страшный старик наверняка знал какую-то тайну, связанную с умершим. Нужно было проявить вчера большую настойчивость, задержать нищего и вытрясти из него все его жуткие секреты. Тогда и Кракнор, возможно, остался бы жив, и Илькавар не подвергнулся бы такой ужасной опасности.

Некоторое время Илькавар бродил по улицам Тарантии, пытаясь успокоиться и привести свои мысли в порядок. Наконец дыхание его выровнялось, и он, к своему удивлению, действительно начал соображать, что к чему.

— Нищий не может обитать в богатых кварталах, — сказал себе Илькавар. — Так?

И сам себе ответил:

— Так. Он живет где-то в трущобах. Если вообще живет на этой земле, а не бродит между миром живых и миром мертвых, как это принято у неупокоенных призраков...

Он подумал о Кракноре: лишенный достойного погребения, тот наверняка превратится в такой же призрак.

Но тут же Илькавар тряхнул головой, отгоняя неуместные фантазии. Для того, чтобы сделаться призраком, жаждущим мщения, Кракнору потребуется время. Даже умершие не сразу понимают, что их лишили погребения. Даже умерших можно обмануть обещаниями сделать все, как надо, только не сегодня, а завтра. Сколько-то времени Кракнор бу-

дет ждать, надеясь на порядочность Илькавара. Так ведут себя все кредиторы.

Увлеченный этими рассуждениями, Илькавар смело повернул в переулок, ведущий от рыночной площади к западным воротам города, и скоро оказался в квартале, населенном всяким сбродом. Сколько ни старался король Конан, сброд никуда не девался. Пойманные воры догнивали в темницах, но на их место приходили новые. Все попытки очистить Тарантию от нищих и грабителей не заканчивались успехом.

Стражники не любили заглядывать в эту часть города. Здесь иногда пропадали люди, и никто их не разыскивал.

Говорили, будто сам король иной раз, переодевшись, бродит по воровским кварталам. Не то вспоминает о минувшей юности, когда он и сам промышлял грабежами и кражами, не то пытается единолично навести порядок в своей столице.

Илькавар не верил этим слухам. Если бы он, Илькавар, сделался вдруг королем, то ни за что не покидал бы дворца. Вершил бы дела, сидя на золотом троне, на мягкой подушке. Подписывал бы смертные приговоры, заверял бы указы королевской печатью, а все остальное время ел бы, пил, отдыхал с наложницами — и не забивал бы себе голову заботами глупых горожан, которые все равно никогда не будут довольны, как для них ни старайся.

Надеяться в этом мире можно только на себя. Эту нехитрую истину Илькавар усвоил еще в детст-

ве и давным-давно смирился с ней. Она не мешала ему сохранять жизнерадостность и добрые отношения с людьми.

Он углубился в воровской квартал ровно настолько, чтобы понять: отныне его жизнь подвергается опасности. До ближайших стражников уже не докричаться, и если кто-то из здешних обитателей вздумает напасть на гуляку-прохожего, никто не придет чужаку на помощь. Все будут просто стоять и смотреть, радуясь новому развлечению.

Большинство домов здесь выглядело, как ни странно, вполне прилично: побелка свежая, окна затянута бычьим пузырем, крыши черепичные или соломенные, но без гнилья. Наверное, все это было сделано в угоду королю, чтобы он не слишком лютовал, требуя перемен.

Зато люди на улицах представляли собой полную противоположность аккуратным строениям. Здесь бродили оборванцы всех видов и пристрастий. Кто-то был одет в подражание разбойникам Зингары — с платками на головах, с серьгами в ушах, в широченных шароварах; другие одевались в лохмотья и прямо на глазах у соседей привязывали к совершенно здоровым рукам и ногам куски гнилого мяса — это были профессиональные попрошайки. Продажные женщины выставляли напоказ свои прелести. Оборванные дети шныряли по мостовой, пробуя свои силы в качестве уличных воришек. Если взрослые ловили их на краже, то тут же жестоко били: вор должен овладевать своими навыками с раннего

детства, иначе он погибнет, а боль, как известно, лучший учитель.

Сперва на Илькавара не обращали никакого внимания. «Наверное, у меня на лице написано, что я — убийца, — подумал Илькавар не без гордости. — Странно, как меняет человека совершенное преступление... которого он, впрочем, не совершал. Но если здесь я буду считать себя убийцей, то моя убежденность передастся другим... Или нет».

Он оборвал свои мысли, потому что заметил, как за ним крадучись идет человек в темной одежде. Единственным ярким пятном во внешности этого соглядатая была большая серьга в виде полумесяца, качавшаяся в его левом ухе. «Не могу же я сказать ему: бойся меня, я убил человека! — смятенно мелькнуло у Илькавара. — Тем более, что я никого не убивал... кажется».

Теперь он уже не был так в этом уверен, поскольку большой кусок минувшей ночи напрочь стерся из его памяти.

Неожиданно Илькавар остановился. Волна жара бросилась ему в лицо, он сразу покраснел: впереди, как ему почудилось, он разглядел знакомого нищего.

Илькавар побежал, торопясь поскорее нагнать его. Молодой человек абсолютно не представлял себе, как заговорит со стариком, как заставит его отвечать на вопросы. Захочет ли нищий помогать ему? Не предпочтет ли предоставить событиям развиваться своим чередом, наблюдая издали, как погибает потомок его врага?

Все это не важно. Главное сейчас — догнать нищего и убедиться в том, что он существует на самом деле. Он, его пророчества и проклятия. А там... там Илькавар найдет способ вытрясти из старика всю правду. Лишь бы настичь его, лишь бы схватить...

Не разбирая пути, Илькавар бежал по улицам. Лохмотья то мелькали впереди, то исчезали за поворотом. Илькавар больше не заботился о последствиях своей неосторожности. Он перепрыгивал через лужи нечистот, нырял в переулки, дважды перебирался через заборы и один раз напрочь снес веревку, на которой сушились портки и тряпки неопределенного назначения, явно постиранные хозяйкой близлежащего дома.

Вослед ему неслись ругательства и камни: здешний люд не стеснялся в выражении чувств.

Вот снова загадочный нищий появился перед Илькаваром. Старик как будто вырос из разбитой деревянной мостовой. Мрачное лицо морщилось, как будто старик раскусил что-то гнилое, пылающие глаза смотрели прямо на юношу. Старик поднял дрожащую руку, словно пытаясь защититься от удара...

И тут настоящий удар обрушился на Илькавара. Кто-то с силой опустил кулак ему на голову, целясь в висок. Железный перстень расцарапал Илькавару кожу, кровь потекла по шее.

Молодой человек упал. Он успел заметить качающуюся золотую серьгу в форме полумесяца.

— Нет!.. Подождите!.. — крикнул он и захлебнулся.

Град ударов обрушился на него сверху. Вор с золотой серьгой и еще несколько личностей в развевающихся темных плащах накинулись на упавшего. Они били его ногами, пинали и трясли, потом один поднял палку и изо всех сил треснул Илькавара по голове.

Все вокруг потемнело, Илькавар потерял сознание.

* * *

Когда он открыл глаза, свет хлынул на него со всех сторон. Такой яркий, такой невыносимый свет, что Илькавар поскорее снова опустил веки. В темноте было спокойнее.

— Вставай, — произнес рядом с ним низкий повелительный голос.

— Я лучше... полежу, — пробормотал Илькавар.

— Вставай, надо убираться отсюда, — повторил голос. — Ты достаточно здесь належался. Я не понесу тебя на себе, так что вставай и иди.

— Оставь меня, — простонал Илькавар и тут же был награжден ударом в бок.

— Я забью тебя насмерть, если ты не встанешь, — предупредил голос.

Илькавар поднялся на четвереньки, затем ухватился одной рукой за стену, а другой — за незнакомца, и охая принял вертикальное положение.

— А говорил, что не можешь! — насмешливо отреагировал незнакомец. — Теперь идем. Я помогу тебе.

Они сделали несколько шагов, и Илькавар с

удивлением понял, что ноги все еще слушаются его. Один глаз у молодого человека заплыл, второй видел кое-как и отчаянно слезился от яркого света.

— Как я выгляжу? — спросил он, едва ворочая языком. Губы его были разбиты, во рту оставался привкус крови.

— Отвратительно, — охотно поведал голос незнакомца. — И если бы я тебя не вытащил, ты бы здесь так и подох. Оглянись.

Илькавар заставил себя открыть здоровый глаз и осторожно повернулся назад. Вор с золотой серьгой лежал в переулке. Он был совершенно неподвижен. Нож торчал у него из груди. Пятна крови были повсюду — на стенах, на мостовой.

— Что здесь произошло? — с трудом пробормотал Илькавар.

— Они били тебя, — охотно поведал незнакомец, как показалось Илькавару, не без удовольствия. — Одного из них пришлось остановить ударом ножа.

— Ты убил его? — со страхом спросил Илькавар.

— Как ты догадался? — теперь незнакомец откровенно потешался. — Разумеется, я его убил. У меня не было времени разбираться с ним в суде. Тем более, что я хорошо его знаю. Надеюсь, теперь воздух в Тарангии станет чище. Но у меня к тебе несколько вопросов. И поскольку я спас тебе жизнь, то, полагаю, ты расскажешь мне все. Ты теперь принадлежишь мне, понял?

— Да... — Илькавар вздохнул и сразу же пожалел об этом: все его тело отозвалось болью.

— Куда пойдем? — спросил незнакомец.

Илькавар внимательно посмотрел на него. Юноша задался целью выяснить, кто же, в конце концов, его спас и теперь так бессовестно им помыкает. Но ничего он толком не разглядел: чужак был облачен в длинный широкий плащ с капюшоном. Виден был только подбородок. Мощный квадратный подбородок с небольшой ямкой.

— Я не знаю... — растерянно сказал Илькавар. — Раньше я предложил бы пойти в «Зеленого медведя» — это такая харчевня, где меня хорошо знают... Но в таком виде...

— Да, с таким лицом лучше не появляться в харчевнях, — согласился чужак. — Другого дома у тебя нет, жалкий пропойца?

— Откуда ты знаешь, что я — жалкий пропойца? — удивился Илькавар.

— А кому еще пришла бы в голову счастливая мысль бродить по воровскому кварталу?

— Может быть, я вор? — предположил Илькавар. Незнакомец расхохотался.

— Ты такой же вор, как я — девственная жрица. У воров совершенно другая походка. И руки другие. Уж поверь мне, воров я на своем веку перевидал целое море...

— У меня есть дом, — решил Илькавар. — Я унаследовал от его дяди. Только там... меня ждут неприятности.

— Какие? — властно спросил незнакомец.

Илькавар покачал головой:

— Я и сам пока в этом не разобрался... Если бы эти бандиты не напали на меня, я бы, возможно, узнал побольше...

— Идем, — сказал незнакомец и крепко взял Илькавара под руку, чтобы тот не вздумал сбежать. — Ты приведешь меня в свой дом и расскажешь все, от начала до конца. И не вздумай мне врать или что-то утаивать! Все равно я докопаюсь до истины — и тогда плохо придется лжецу! — а ты, как мне кажется, и вовсе лгать не умеешь.

* * *

Незнакомец ступил в сад, окружавший дом Катабаха, и несколько раз одобрительно хмыкнул. Илькавару подумалось, что он, кажется, тоже узнал экзотические деревья — как и бедняга Кракнор вчера вечером. В воровском квартале Илькавар готов был поклясться, что спасший его незнакомец — такой же обитатель этих трущоб, как и напавшие на него. Но здесь, в респектабельном районе Тарантии, незнакомец держался совершенно иначе: в его манерах появилось спокойное достоинство, осанка сделалась величественной. Перед Илькаваром, несомненно, стоял аристократ.

— Кто ты? — вырвалось у юноши. — Я больше не могу разговаривать с капюшоном.

— Ты уверен, что хочешь видеть мое лицо? — хмыкнул незнакомец.

— Да.

— Смотри, не испугайся. И не говори, что тебя не предупредили. — И он отбросил капюшон.

На Илькавара глядело смуглое синеглазое лицо короля Конана.

Юноша пошатнулся и упал на колени.

* * *

— Старый мерзавец недурно обустроил свою берлогу, — одобрительно произнес король, устраиваясь в самом удобном кресле — очевидно, любимом кресле Катабаха.

Илькавар, все еще оглушенный неожиданностью, сидел напротив на деревянном кресле. Шелковая подушка на сиденье постоянно ерзала. Илькавару было неловко. Он предпочел бы стоять в присутствии короля, но Конан приказал ему успокоиться и не вскакивать каждое мгновение.

— Я сделаю тебе повязку на глаз, иначе опухоль может стать опасной, — сказал король. — Судя по тому, что ты дошел сюда своими ногами, кости у тебя целы. Но отделали тебя знатно, приятель. Не знаю, что бы с тобой было без меня.

— Я бы, наверное, умер, — просто сказал Илькавар.

Конан приложил к его глазу намоченное в холодной воде полотенце.

— Держи так. Будешь отвечать на мои вопросы. И не волнуйся.

— Я не могу не волноваться, ваше величество...

— А ты постарайся, — с угрозой в голосе повторил Конан.

— Хорошо, — покорно вздохнул Илькавар, чем, кажется, насмешил короля.

— Что ты делал в воровском квартале?

— Искал одного нищего.

— Зачем?

— Задать вопросы.

— О чем?

— О Катабахе.

— Что этот нищий мог знать о Катабахе?

— Понятия не имею, но когда я в первый раз пришел в дом, нищий выскочил неизвестно откуда и проклял Катабаха.

— Интересно... — пробормотал король. — Что еще в поведении нищего тебе показалось интересным?

— Больше ничего.

— Подумай. Я тебя не тороплю.

Король встал, налил себе вина, нашел ветчину, которую принесли вчера из «Зеленого медведя» Кракнор и Илькавар, и расположился опять в кресле с выпивкой и закуской.

Илькавар молчал.

— Мальчик, я не обвиняю тебя ни в чем. Просто расскажи все как есть, — снова заговорил король.

— Я скажу, но... ваше величество! Я до смерти боюсь тюрьмы.

— Ты ведь тот парень, который взял на себя вину за всю честную компанию и отсидел в застенках пару дней? — сказал Конан.

— Да, это я, ваше величество... И если я в чем-то виновен, прикажите сразу убить меня, потому что я не хочу возвращаться в тюрьму. Заживо гнить... нет!

— Никто не собирается бросать тебя в тюрьму, — утешил его Конан, жуя. — Рассказывай же. Помнишь, я обещал тебе помочь?

— Да...

— Говори.

— Этот нищий, — вспомнил вдруг Илькавар, — хорошо знал устройство дома. Он бывал здесь и раньше. Когда я гнался за ним, он ловко уходил от меня через потайные двери.

— Отлично. Это уже кое-что. — Король потер руки.

— В завещании дяди был пункт — я должен дежурить в его гробнице три ночи подряд. Вчера со мной был друг...

— Друг? — Король поднял брови. — Не один ли из тех, кто бросил тебя в беде?

Илькавар похолодел. Вот и мотив для убийства! Мсть. Желание расправиться с одним из предателей.

— Нет! — вскричал он с жаром и тут же увял. — То есть... да. Не хочу лгать... Но я не убивал его!

— Убивал? Разве он мертв?

— Да...

И Илькавар рассказал королю все, что произошло в гробнице, включая и собственное решение оставить тело в склепе и скрыть до поры смерть Кракнора.

— Его все равно бы стали искать, — сказал Конан. — Припомнили бы, с кем он уходил. Ты не успел бы закопать тело. Стражники действуют быстро. Из тебя вытрясли бы признание прежде, чем ты сообразил бы, какую ложь изобрести. Так что ты хорошо сделал, что открыл мне правду сразу и без кривляний. А теперь идем.

— Куда?

Илькавар сдвинул мокрое полотенце и глянул на Конана больным глазом. Король уверенно улыбался.

— В гробницу, куда же еще. Ты, кажется, обязан провести там три ночи. Вчера с тобой находился неудачник. Сегодня компанию тебе составит король Конан. Можешь мне поверить, приятель: Конан-киммериец отправил в Серые Миры целую армию магов, демонов и прочей нечисти. Призраком больше — призраком меньше... Для меня сейчас это уже не имеет значения.

* * *

Илькавар был благодарен Конану: в одиночку он, наверное, ни за какие блага мира не вошел бы снова в гробницу. И тогда — прощай мечта о богатстве! К вечеру, когда стусились сумерки, Илькавару стало ясно: он скорее расстался бы с деньгами дядюшки, чем вновь сунулся в проклятое место.

Но Конан сам отворил дверь, зажег факелы и нырнул в склеп. Стоя на пороге, киммериец обернулся к своему младшему спутнику:

— Ну, что же ты! Входи. Покажешь мне место

преступления. Может быть, мы сумеем разобраться, что здесь происходит. И перестань трястись — трюсы меня раздражают, я теряю контроль над собой и могу совершить необдуманый поступок.

Илькавар сильно сомневался в том, чтобы король Конан мог совершить что-то необдуманное, но подчинился. Король вызывал у него странную смесь чувств: восхищение и страх были, пожалуй, главными из всей гаммы. Илькавар не понимал Конана. Могущественный король действительно разгуливал по трущобам. И даже снизошел до того, чтобы спасти жизнь какому-то неизвестному парню. А теперь забрался вместе с ним в гробницу, потому что поверил в его невиновность и хочет помочь ему расследовать убийство... Все это не вязалось с обликом сурового короля, великого полководца.

И тем не менее Конан был здесь, рядом. Стоял с факелом в руке и торопил Илькавара, чтобы тот входил поскорее.

— Мы должны быть здесь после наступления темноты, иначе завешание может быть оспорено. Ты же не хочешь потерять этот чудесный дом и сад, полный драгоценных деревьев? Поверь мне, Илькавар, многие растения были привезены сюда из далеких стран.

— Вот и Кракнор так говорил, — вздохнул Илькавар, переступая порог и зажмуриваясь: ему почудилось, что он добровольно входит в царство мертвых.

— Кракнор? Это погибший?

Конан сунул Илькавару факел и затворил дверь за его спиной.

— Покажи мне, где ты спрятал его тело.

Илькавар провел короля за надгробие дядюшки. Конан посветил факелом. Стилизованное лицо, вырезанное на поверхности гроба, за ночь как будто изменилось, сделалось более похожим на настоящее. Дуги бровей изгибались насмешливо, глаза стали выпуклыми, и в них словно бы затаился недобрый ум. Нос и рот по-прежнему оставались тонкими линиями, процарапанными в камне.

Илькавар вздрогнул, когда понял, что эти изменения ему не почудились. Конан внимательно следил за своим юным спутником. Когда того передернуло при виде гроба, киммериец быстро спросил:

— Что ты увидел?

— Все-таки этого не может быть... — пролепетал Илькавар. Он боялся, что король ему не поверит и поднимет на смех. Назовет нервным, пугливым юнцом.

— Мальчик, — назидательно произнес король, — может быть все что угодно. Просто скажи мне, что ты увидел и что тебя напугало, а уж я решу, возможно такое или нет.

— Лицо на крышке гроба изменилось, — заставил себя сказать Илькавар.

Конан еще раз провел факелом над «каменным дядюшкой».

— Понятно, — пробормотал он. — Что ж, это бывает. Я тебе верю и не думаю, чтобы тебе почуди-

лось. Здесь и впрямь творится что-то нехорошее. Какая-то злая магия. Уж эти вещи я чую. У меня от них волосы встают дыбом, как у дикого зверя.

Он повернулся к юноше и отчетливо увидел на его лице выражение неподдельного ужаса. Король засмеялся.

— Не бойся, Илькавар. Показывай мертвеца.

— Здесь. — Илькавар вытянул дрожащую руку.

Конан заглянул за гроб. Некоторое время он стоял согнувшись и светил факелом, а затем выпрямился и повернулся к парню.

— Здесь никого нет.

— Этого не может быть! — вырвалось у Илькавара. — Я сам завернул его в одеяло и уложил за гроб, чтобы с порога его не было видно. Хотя я и был напуган, — добавил он с кислой усмешкой, — но хорошо понимал, что делаю.

— Его нет, — повторил киммериец. — Он исчез. Что скажешь?

— Скажу, что он... пропал. — Илькавар вдруг понял, что силы оставили его. Он опустился на пол, на то самое одеяло, которое принес еще вчера.

— В таком случае, подождем, — решил Конан. — Кто бы ни забрал его, он явно знал, что делает. Вероятно, скоро и нам это станет известно. — Он покосился на Илькавара. — Тебе страшно?

Илькавар молча кивнул. Киммериец устроился рядом, положил меч себе на колени.

— Постарайся заснуть. Когда начнется самое интересное, я тебя разбужу.

* * *

Сперва Конану показалось, что все это ему просто чудится. В полумраке, где горел лишь один дымящий факел, и не такое может привидеться. Но нет, присмотревшись, киммериец понял, что происходящее вполне реально. Над гробом Катабаха медленно стала подниматься тень.

Тень эта была значительно больше самого гроба и тем более существенно больше человека. Она была полупрозрачной и, казалось, состояла из дыма.

Конан подтолкнул под бок Илькавара. Утомленный событиями и переживаниями минувшего дня, не имевший возможности передохнуть после кошмарной ночи, Илькавар действительно заснул. Теперь король разбудил его.

— Смотри, — прошептал Конан. — Кое-что из случившегося вчера не было твоей виной. Ты видел эту тень?

— Кажется... Я не уверен.

— Ну так смотри теперь.

Конан встал и приблизился к тени.

Тень, казалось, заметила его, но не подала виду. Она продолжала расти. Наконец ее макушка достигла потолка склепа. Тогда она спустилась на пол и наклонилась над гробом, производя какие-то странные движения руками — как будто желая задушить кого-то незримого или разорвать его на куски.

Конан поднес факел достаточно близко, чтобы видеть: тень оставалась полупрозрачной. Сквозь нее по-прежнему проглядывали очертания гробницы.

Киммериец ненадолго перевел взгляд на своего товарища. Илькавар сидел, сжавшись, на полу. Он крепко обхватил руками колени и прикладывал все силы к тому, чтобы не слишком громко лязгать зубами.

Склеп как будто увеличился в размерах. Дверь теперь находилась где-то в неизмеримой дали.

Внезапно тень почувствовала близкое присутствие человека. Она резко повернулась и без предупреждения набросилась на киммерийца.

Две крепкие руки стиснули горло короля. Конан не ожидал подобного. Он считал, что вся тень состоит из бестелесной материи. Возможно, так оно и обстояло, но только не в том, что касалось рук. Ручищи эти обладали чудовищной мощностью. Они сдавливали шею жертвы с такой яростью, что не обладай киммериец столь крепкими мышцами, тень уже переломила бы ему шейные позвонки.

Конан нанес удар мечом. Тщетно! Клинок прошел сквозь тень. Но руки, вырастающие из ниоткуда, по-прежнему душили Конана.

Киммериец захрипел. В том положении, в котором он оказался, у него был только один удар в запасе, и этот удар он израсходовал впустую.

Казалось, Илькавар тоже понял это. Хотя юноша и не принимал участия в кабацких драках, сообразительности у него хватало. И собрав остатки своего мужества, Илькавар накинулся на тень.

Выдернув из-за пояса небольшой кинжал — скорее, украшение, чем серьезное оружие, — Илькавар вонзил его в ладонь, обхватившую горло короля.

Раздался оглушительный скрежет — как будто лезвие ударило о камень. Тем не менее руки тени разжались, и король, кашляя и задыхаясь, повалился на пол.

Тень опять нависла над гробом Катабаха.

— По-моему, ты спас мне жизнь, — хрипло произнес король.

Илькавар покачал головой.

— Я бил сдуру. Мог и не попасть.

— Все равно, ты храбрее, чем кажешься. — Конан сел на полу, подобрал свой меч. — Проклятье, что нужно этой твари? Не люблю привидений с руками.

Он еще раз откашлялся, выплюнул кровь и покачал головой.

— Шея болит... У тебя, кажется, тоже остались следы от удушья, — добавил он, дотронувшись до горла Илькавара. — Я прежде не обращал внимания. Думал, это разбойники тебя покалечили.

— Нет, эти синяки у меня с утра, — признал Илькавар. — И горло болело... Должно быть, призраки душили и меня, но потом нашел более лакомую жертву — Кракнора.

— Теперь я не сомневаюсь в том, кто убил Кракнора, если только бедный Кракнор действительно мертв, — проговорил король, и у Илькавара от ужаса подкосились ноги.

— А до сих пор вы, ваше величество, подозревали, что я лгу?... — пролепетал он.

— Да какая разница, что я подозревал! — отмахнулся Конан. — Главное — теперь я убедился в тво-

ей честности. Так что темница тебе не грозит. Ну, если мы сумеем выбраться отсюда.

Он встал, опираясь на меч. Внимательно посмотрел на тень.

— Не нравится мне то, что он тут вытворяет, — пробормотал киммериец. — Не следует позволять демону доводить до конца то, что он начал. Я еще ни разу не встречал выходцев с того света, которые хотели бы добра живым людям. Все ожившие мертвецы — мстительные злобные твари, и моя задача — загонять их обратно под землю.

И он снова ударил тень мечом, целясь на сей раз в руки.

Тень взвыла и набросилась на киммерийца. Это был странный поединок, развивавшийся в почти полной темноте, рядом с гробом умершего негодя. Конан уклонялся от рук, которые налетали на него, казалось, сразу отовсюду, приседал, перекачивался по полу и снова вскакивал на ноги. Тень преследовала свою жертву по всей гробнице, которая сделалась бесконечно огромной.

Илькавар удирал от бойцов, как умел, перемещаясь преимущественно на четвереньках. Несколько раз Конан наступал ему на руки, на ноги, а однажды чуть не упал, споткнувшись о своего младшего приятеля, и крепко обругал его.

Илькавару уже начало казаться, что ночь никогда не пройдет, что он обречен вечно метаться по склепу и спасать свою никчемную жизнь сразу от двух убийц.

А затем все сразу переменялось. Тень с тонким криком метнулась к гробу и упала на него. Еще миг — и гроб как будто всосал в себя бесплотное существо. Две каменные руки остались лежать на изваянии — теперь они превратились в часть надгробия.

Выход, бывший где-то очень далеко, снова приблизился. В маленькую щель между дверью и порогом пробивались лучики света.

* * *

Илькавар знал, что выглядит не лучшим образом: подбитый глаз, все лицо исцарапано, на шее жуткие синяки. Он взглянул на короля, чтобы убедиться в том, что и Конан, непобедимый владыка Аквилонии, не так уж неуязвим. И был сильно разочарован.

Ни бессонная ночь, проведенная в жестокой схватке с бесплотным врагом, ни предыдущая битва с разбойниками ничуть не сказались на внешнем облике Конана. Он по-прежнему был величав, спокоен, и лицо его оставалось невозмутимым... и красивым.

Да, король Конан был красив. Пожалуй, решил Илькавар, никто из его знакомых не отличался такой удивительной, такой мужественной красотой.

И весь мир вокруг был прекрасен. Самые яркие зеленые листья распустились на деревьях в саду Катабаха, самые голосистые птицы прилетели сюда, чтобы встретить утро.

Когда Илькавар с сияющими глазами сообщил Конану о своих наблюдениях (умолчав, естественно, о том, как он восхищается лично его величеством), киммериец весело рассмеялся.

— Так часто бывает, когда из подземелья выходишь на волю и обнаруживаешь, что все еще жив! Мне знакомо это чувство, мальчик.

Илькавар покраснел и отвернулся. Конан уже забыл о нем. Он внимательно осматривал сад возле гробницы.

— Гляди!

Илькавар повернулся и увидел странные следы. В мягкой почве отчетливо отпечатались чьи-то руки и ноги. Следы были человеческие, в этом не возникало ни малейших сомнений, но...

— Он шел на четвереньках? — замирающим голосом спросил Илькавар.

— И это еще не все, — добавил Конан. — Глянь-ка, как они вывернуты. Такое ощущение, что ему переломали все кости, но он все равно куда-то полз.

Они двинулись вдоль следов, желая выяснить, куда же направлялось непонятное существо.

— Оно нигде не останавливалось, — заметил Конан. — Следы везде ровные и отпечатки одной глубины. Оно не топталось на месте, не сомневалось в выборе пути. Оно целеустремленно ползло к выходу из сада.

— Это меня успокаивает, — сказал Илькавар.

— А меня настораживает, — отозвался Конан.

— По крайней мере, оно не намерено разгуливать по моим владениям, — пояснил Илькавар.

Король посмотрел на него с легкой, чуть печальной усмешкой.

— Ну да, — сказал Конан, — оно покинуло твои владения, потому что явно намерено разгуливать по моим.

* * *

Возле ворот, ведущих из сада на улицу, следы обрывались, и Илькавар робко пригласил Конана разделить с ним трапезу.

— У тебя, небось, не осталось ничего съестного в доме, — возразил киммериец. — А ветчину я вчера прикончил.

— На кухне был окорок, а в леднике наверняка есть сыры... И хлеб еще был, — сказал Илькавар. — Вина здесь большие запасы. Для меня было бы честью угостить в своем доме короля... И еще я боюсь выходить на улицу.

— А в «Зеленом медведе», очевидно, твой вид вызовет слишком много вопросов и привлечет чересчур пристальное внимание, — прибавил киммериец. — Что ж, не могу тебя винить за твою застенчивость. Я и сам не хотел бы сейчас показываться во дворце. У нас остался только один день, чтобы поймать всех негодяев и прекратить бессмысленные убийства в Тарантии. А убийства будут. Это существо — кем бы оно ни было — вряд ли отличается

кротким нравом. Оно голодно и знает только один способ насытиться — убить.

Они спустились в кухню. Конан уселся на широкую скамью и привычно развалился у стены, а Илькавар неловко принялся кромсать окорок и сыр. Король даже не смотрел на него. Думал о своем, молчал. И насчет того, как неуклюже прислуживал ему Илькавар, не сделал ни одного замечания.

Илькавар попытался извиниться, когда случайно облил короля вином.

Конан только отмахнулся:

— Ты не слуга и не обучен этому. И рожден ты не слугой, а свободным человеком, поэтому... — Он не договорил и просто выпил вино.

Илькавар сел рядом — робко, на краешек скамьи.

— Поешь, — сказал ему король. — И перестань меня бояться. Я здесь для того, чтобы помочь, разве ты еще не понял?

Илькавар кивнул.

— Это существо... Как вы думаете, ваше величество, кто оно?

— Кем бы оно ни было, оно — порождение того зла, что затаилось в гробнице Катабаха. Сейчас мы попробуем его отыскать. Начнем с воровского квартала. Там больше всего добычи, хотя она, боюсь, не самого лучшего качества. Впрочем, если оно — то, что я подозреваю, то ему безразлично, было бы мясо на костях.

— Разве вам не хотелось бы произвести некоторые... опустошения в воровском квартале? — спро-

сил Илькавар. Он, кажется, хотел пошутить, но не сильно преуспел в этом.

— Кому жить в моем городе, а кому умирать — в моей власти, — резко ответил король. — И не какой-то твари принимать за меня подобные решения. Я совершенно не желаю, чтобы в моем городе на мостовых валялись трупы. В доме есть хорошее оружие? Мне кажется, вместо твоего игрушечного кинжала неплохо было бы обзавестись чем-нибудь посерьезнее.

Они покинули дом Катабаха в три часа пополудни. Илькавар не знал, чего он боится больше: идти в воровской квартал на поиски неведомого чудовища или оставаться в одиночестве в проклятом доме. В конце концов, Конан лишил его выбора, и Илькавар был благодарен королю за это.

Юноша плелся за Конаном и молча смотрел в его широкую спину.

Они оба облачились в длинные широкие плащи, оба скрыли лица капюшонами. В воровском квартале подобная одежда была обычным делом.

— Публичный дом, — заметил Конан между делом и показал своему спутнику на ничем не примечательный домик с цветами на подоконнике.

Илькавар поднял голову и увидел в окне лицо женщины. Внезапно женщина завизжала и спряталась внутри дома.

— Что с ней? — спросил Илькавар.

— Не знаю. — Конан пожал плечами. — Обычно проститутки реагируют на появление мужчин пря-

мо противоположным образом. Нужно узнать, что здесь творится.

— Вы намерены зайти в публичный дом, ваше величество?

— Не для того, о чем ты подумал, болван!

Конан толкнул дверь и вошел.

Женщина в ужасе смотрела на него.

Киммериец был прав — судя по одежде, дама явно занималась одной из самых древних профессий в мире. Она была наполовину обнажена, ее прозрачная юбка имела длинный разрез до середины бедра, и все желающие могли обозревать ее стройные ноги.

Браслеты и широкое ожерелье из поддельного жемчуга дополняли наряд красавицы.

— Имя, — сказал Конан отрывисто.

— Эланна.

— Почему ты испугалась?

— Здесь был... мужчина. Так нам показалось. От него дурно пахло, но от многих клиентов дурно пахнет.

— Продолжай, — приказал киммериец, когда она задыхнулась от слез. И прикрикнул: — Мне некогда! Потом будешь рыдать.

— Он хотел женщину. Так нам показалось по его жестам.

— По жестам? Разве он не разговаривал с вами? — перебил Конан.

— Нет, он... он мычал.

— И вас не насторожил такой способ общения? — осведомился король, оглядываясь по сторонам.

В доме было довольно чисто. Имелось даже зеркало, довольно мутное, но все же сносно отражавшее мир.

— Господин, мы встречаем самых разных людей. Мы не привыкли интересоваться их личной жизнью. Бывают ведь мужчины, у которых вырезан язык... Неприлично было бы задавать лишние вопросы, особенно если у клиента есть деньги.

— У него были деньги?

— Да, господин.

— Как он выглядел?

— Мы не видели его лица. Он взял Винду... Они ушли наверх. — Она показала в сторону лесницы, которая, несомненно, вела в отдельные комнаты, где девицы обслуживали посетителей. — Потом раздались крики... Когда мы прибежали, Винда... ее уже не было. Он ее...

— Он ее съел, — заключил Конан спокойным тоном. — Я правильно догадался?

Девушка просто кивнула. Ее всю трясло.

Конан не добавил больше ни слова и вышел из дома. Илькавар последовал за ним.

— Что будем делать? — спросил Илькавар, догоняя короля, шагавшего широким шагом по мостовой.

Конан глянул на него через плечо.

— Нужно найти урода и уничтожить его. А потом мы попробуем отыскать твоего-нищего и задать ему пару вопросов. Ты был прав: ключ к разгадке где-то здесь, в воровском квартале.

— Вчера мне не удалось ничего отыскать, — напомнил Илькавар.

— Вчера ты был один, а сегодня с тобой король, — ответил Конан. — Полагаю, ситуация немного изменилась...

Он вдруг остановился.

— Смотри.

На углу, там, где вчера попрошайки привязывали к себе куски мяса, чтобы «покрыть свое тело неизлечимыми язвами» и тем самым разжалобить сострадательных богачей, лежала кучка окровавленных костей.

— Кажется, в этом месте околачивались нищие, — начал было Илькавар. — Они вытворяли настоящие чудеса с гнилым мясом. Никогда прежде не видел, чтобы испорченный продукт использовался с такой пользой для своего обладателя.

— Да, здесь они собираются, — перебил король. — Но они не применяют в своей «работе» кости... тем более человеческие.

— Что? — Илькавар выпучил глаза.

Но то, что он увидел, не оставляло места сомнению: обглоданные кости принадлежали людям. Людям, которых съели прямо на улице.

— Здесь погибли три человека, — сказал Конан. — Кем бы ни было это существо, сейчас оно набралось сил. Видимо, оно было очень голодно, если сожрало четверых за столь короткий срок. И знаешь что, Илькавар? Происходящее нравится мне все меньше и меньше.

С этим глубокомысленным замечанием Конан еще дальше углубился в воровской квартал. Мостовой здесь не было вовсе, дома исчезли — люди обитали в грязных лачугах. Король поглядывал на эту картину гневно. Несколько раз Илькавар даже слышал, как Конан скрипнул зубами.

— Они даже не считают нужным притворяться, будто выполняют мои приказания! — сказал король гневно. — Что ж, у меня еще будет время напомнить им о том, кто вершит суд в Аквилонии!

Прохожих на улице им больше не попадалось. Конан отнюдь не предполагал, что обитатели воровского квартала признали короля и теперь попрятались от него. В простом темном широком плаще с капюшоном, Конан выглядел как один из солдат, что во множестве встречались в Тарантии. Рослый, широкоплечий, с ухватками простого воина, привычного к походам и опасностям.

Его спутник тоже не привлекал к себе особого внимания. Парень об этом не знал, но в обществе Конана и одетый так же, как и он, Илькавар напоминал юного глупца, который увязался за старшим товарищем, надеясь найти в солдатской жизни удачу, приключения и богатство. Такие пытаются во всем подражать более опытному солдату — и, как правило, быстро погибают. Ну а те, кто остается жив, действительно в конце пути могут обрести желаемое. Правда, таковых — единицы.

— Ни одной любопытной бестии, чтобы просто подсмотреть за нами, — пробормотал Конан. — По-

прятались в норы. И вряд ли потому, что испугались меня. Или тебя, — прибавил он, обернувшись к молодому человеку и фыркнув.

— Но разве это не обычно для здешних мест?

— Нет. Ты, как я погляжу, сюда и не заглядывал.

— Не было надобности.

— Еще одно доказательство твоей невинности.

Король оборвал себя на полуслове и схватил Илькавара за руку.

Впереди шагал какой-то человек. Его вид был странен даже для такого места, как это: он брел, сильно выворачивая при ходьбе ступни и размахивая руками так, словно не шел, а плыл и греб сквозь воздух ладонями. Одежда, еще недавно хорошая и добротная, висела на нем клочьями, как будто ее нарочно изрезали ножом или изодрали когтями.

Очевидно, он услышал шаги у себя за спиной. Он остановился и обернулся. Точнее, тело его осталось неподвижным, а голова медленно повернулась назад. Она вращалась на шее свободно, как у совы.

На Илькавара уставилось распухшее, посиневшее лицо Кракнора с огромным, растянутым в ухмылке ртом. Длинный синий язык свешивался на подбородок. Вся нижняя часть этого жуткого лица была измазана кровью.

— Кром! — прошептал киммериец, вытаскивая меч.

Илькавар не мог двинуться с места. Он не в силах был оторвать глаз от страшной картины. Все его тело оцепенело, Илькавара сковал ужас. Ему стало

холодно — несмотря на то, что день выдался довольно жарким. Ледяные капли поползли по лбу Илькавара. Одна упала с носа на губу, и он машинально слизал ее. Почувствовав на языке горечь, Илькавар понял, что вот-вот расплатится.

— Что происходит? — Он не то задал вопрос вслух, не то просто подумал об этом.

Киммериец не ответил.

— Кто ты? — крикнул он, обращаясь к ужасной фигуре.

Голова мертвеца медленно завершила круг и вернулась в обычное положение. Кракнор — точнее, то, что от него осталось, — заковыляла дальше.

Он больше не был голоден, но искал для себя убежища. То и дело он останавливался и оценивающе смотрел то на одну лачугу, то на другую.

Конан ускорила шаги, и Илькавар невольно последовал за ним. Конечно, догонять тварь было страшно, но остаться в воровском квартале в одиночестве — еще страшнее.

К тому же, мелькнуло у Илькавара, эта тварь может быть не одна. Что-то ведь вызвало ее к «жизни», что-то заставило бродить среди людей и пожирать их еще трепещущую плоть. Только ли в гробнице старого Катабаха обитает «оно» или уже выбралось на волю?

Конан ударил Кракнора мечом в спину. Киммериец не заботился о том, чтобы поединок с нелюдью выглядел «честным». В конце концов, у ожившего мертвеца есть существенное преимущество — его

нельзя убить. Нужно отыскать способ сделать его безвредным для окружающих, а это гораздо труднее.

То, что еще недавно было Кракнором, остановилось, явно недовольное помехой. Оно высвободилось, рванувшись вперед и сдернув тело с клинка, а затем одним прыжком повернулось навстречу своему врагу.

Конан был готов. Он видел, что чудовище вознамерилось поступить с ним так же, как поступало с прочими своими жертвами: схватить его руками за горло и отгрызть кусок из его тела, а потом еще и еще... пока от жертвы не останется обглоданный скелет.

В последний миг Конан уклонился. Живой мертвец оказался далеко не таким проворным, как киммериец. Он схватил воздух и очень удивился этому обстоятельству.

Неудача разозлила его.

С глухим ворчанием он переступил косолапыми ступнями и снова потянулся к горлу киммерийца. И снова Конан нырнул под загребушие руки и очутился за спиной у Кракнора.

Быстрым сильным ударом Конан отсек ему левую руку. Она шмякнулась на землю, как кусок сгнившего мяса, — распухшая, синяя. Ее пальцы дернулись и затихли.

Илькавар понял, что ему следует делать. Он зажмурился, чтобы не так бояться, и пинком отшвырнул эту руку подальше от туловища.

Кракнор не почувствовал боли. Казалось, он даже

не заметил утраты. С мрачным упорством нежить вновь набросилась на Конана.

Киммериец размахнулся мечом. Он холодно смотрел на приближающегося мертвеца, заранее зная, куда опустит клинок. Один удар — и голова Кракнора слетела с плеч.

Безголовое туловище остановилось, слепо ворочаясь на мостовой. Крови, естественно, не было.

Голова откатилась туда же, где уже лежала рука. В бессильной ярости мертвая голова впиалась зубами в собственную руку и так замерла. Ее глаза смотрели на Илькавара, и молодой человек не мог понять, видит его покойный приятель или же с Кракнором покончено навсегда.

Конан не стал ждать, пока туловище попробует завершить свою кровавую «работу», и рассек его пополам.

— Илькавар! — крикнул король. — Сними плащ. Нужно завернуть останки и сжечь их.

Меньше всего Илькавару хотелось прикасаться к трупу, но он не смел возражать королю. А Конан, казалось, читал его мысли и в последний миг остановил юношу.

— Нет, я передумал... В конце концов, ты должен унаследовать большое состояние и рано или поздно превратишься в вельможу при моем дворе. Занятие могильщика тебе не к лицу.

Илькавар с благодарностью смотрел на короля и ожидал его решения.

Конан подошел к одной из лачуг, находившихся

поблизости, и решительно зашел внутрь. Скоро он появился вместе с двумя угрюмыми детьми, которых подталкивал кулаками в шею.

Повинуясь королю, чьими главными доводами были не титул и требования законности, а длинный меч и крепкие кулаки, детины принялись собирать останки Кракнора. Ноги все еще дергались, и правая рука тоже сгибалась и разгибалась пальцы.

— Быстрее, — нетерпеливо повторял король.

— Это же наш дом, — пытался возражать один из невольных могильщиков.

— Живо! — крикнул Конан и шевельнул мечом.

— Что вы затеяли, ваше величество? — спросил, не выдержав, Илькавар.

— Их дом стоит на отшибе, — ответил Конан. — Я хочу сжечь твоего дружка прямо в их доме.

— Но ведь таким образом все их имущество... — начал было Илькавар, потрясенный.

Король смерил его взглядом.

— У них нет никакого имущества. Это просто жалкая лачуга, набитая хламом. Ворованные тряпки, дрянные припасы.

— У них больше ничего нет...

— Не путай бедность с нарочитым нищенством! — отрезал король. — К тому же если бы этот монстр ожил снова и сожрал бы десяток таких, как они, то ни лачуга, ни убогий хлам им все равно бы больше негодились. Они должны быть мне благодарны. Если действовать по уму, то следовало бы спалить не один этот дом, а половину квартала. На-

деюсь, в нужный момент поднимется ветер, раздует пламя, и мое желание осуществится.

Илькавар не понимал, серьезно говорит король или же скрывает под злыми словами собственное беспокойство.

Как и все попрошайки, эти люди работали весьма неохотно. Конан стоял рядом с обнаженным мечом — только это и заставляло их двигаться. Они бросали на короля взгляды, в которых не читалось ничего хорошего, но Конан оставался невозмутимым. Он знал, что легко одолеет десяток таких, как эти ребята. И они, очевидно, тоже понимали это.

Наконец все было готово: ведра с водой, факелы. Из хижины вынесли «ценный» кувшин с отбитым горлышком. Очевидно, там хранились деньги. Конан не стал выяснять, много ли. Тело уже лежало в доме. Слышно было, как отрезанные его части скребутся и роняют предметы в попытках выбраться наружу.

Король зажег факел и бросил его внутрь дома. Поднялось пламя. Сложенная из разного мусора хижина загорелась охотно, но чадила и дымилась она при этом беспощадно.

Поглазеть на пожар собралась толпа. В огне бесновалось мертвое тело. Несколько раз в дверном проеме показывалась рука и вцепившаяся в нее голова. Конан ударами меча загонял их обратно в дом.

Наконец крыша хижины обрушилась. Тело затихло и больше не шевелилось. Только тогда Конан позволил стоявшим наготове людям начать гасить пожар.

Среди тех, кто собрался поглазеть на чужое несчастье, Илькавар вдруг приметил знакомую фигуру. Молодой человек пригляделся внимательнее. Ошибки быть не могло — в переулке, устроившись так, чтобы по возможности скрываться в тени, стоял знакомый Илькавару нищий. Отвратительная ухмылка блуждала по физиономии старика: он явно наслаждался происходящим.

— Теперь ты от меня не уйдешь! — воскликнул Илькавар и, позабыв о всякой осторожности, бросился к нищему.

Почему-то Илькавар был уверен в том, что Конан последует за ним. Молодой человек не сразу понял, что король, увлеченный огненным погребением не-мертвого Кракнора, вряд ли мгновенно заметит его исчезновение. Обычная ошибка для парня, привыкшего, несмотря на всю свою простоватость, в глубине души считать себя пупом вселенной.

Нищий обнаружил преследователя сразу же. Он отступил в тень, а затем нырнул в переулок и побежал прочь, передвигаясь на удивление резво для такого старого человека. Илькавар следовал за ним по пятам. Он совершенно потерял голову. Разгадка находилась, как казалось, всего в двух шагах. Нужно было только догнать ее и как следует допросить. А если у Илькавара не получится правильно задавать вопросы — король ему поможет.

Они миновали несколько перекрестков и снова оказались на населенных улицах. Здесь нищий пошел медленнее, но и у Илькавара не было возмож-

ности схватить его. Как ни были безразличны к чужой участи здешние прохожие, за своего против чужого кто-нибудь да вступится. А кто в воровском квартале чужой — сомневаться не приходилось.

Нищий пару раз бросал на Илькавара торжествующие взгляды. Он как будто заранее решил, каким способом ему одолеть сильного и выносливого юношу.

Неожиданно нищий зашел в дом, стоявший в тупике, поблизости от маленькой грязной рыночной площади, где продавалось разное рваное тряпье — вроде того, что сгорело в хижине двух невезучих бедолаг, чей дом Конан превратил в огненную могилу для Кракнора.

Как ни был Илькавар увлечен своей погоней, у него хватило ума не соваться в чужой дом без спросу, да еще в одиночку. Поэтому парень пробрался под окно и начал подслушивать — благо ни бычий пузырь, ни ставни не закрывали оконного проема, да и само окошко располагалось почти на уровне мостовой.

— Сегодня ночью работа будет завершена, — прозвучал хриплый голос нищего.

— Для чего ты позвал меня сюда? — отозвался второй голос, странно знакомый.

Илькавар пытался вспомнить, где слышал его совсем недавно. Одна мысль пришла ему на ум, но он поспешно отогнал ее. Не может быть! Это исключено.

— Я хотел рассказать тебе о том, как идет наше дело, — хихикнул нищий.

— Это не наше дело, — второй человек заговорил громче, он явно был возмущен. — Это твое дело, негодяй!

— Еще большой вопрос — кто из нас больший негодяй: я, которого довели до нищеты и уродства, или кое-кто другой! Душа Катабаха сгорит в чудовищных мучениях, и никогда не погаснет пожирающий ее огонь! Я знаю, как это сделать, и я это сделаю.

— Ты отвратительный глупец, — сказал второй человек со вздохом. Он как будто устал от происходящего. — Я думал, ты хочешь договориться...

— Нет, я желаю торжествовать! — нищий сорвался на крик.

Илькавар решил, что момент подходящий, — двое спорщиков были слишком увлечены друг другом, чтобы обращать внимание на соглядатая, — и быстро заглянул в окно. Увиденное поразило его. Нет, ему не почудилось, когда он подумал, что узнает второй голос.

Собеседником нищего был дворецкий дядюшки Катабаха.

Странно было видеть этих двух стариков, одного растрепанного и жуткого, другого — благообразного, поглощенных яростным спором. Они пылали ненавистью друг к другу — ненавистью, которую не сумели погасить ни прожитые зимы, ни физическая их немощь.

Нищий сжал кулак и потряс перед носом дворецкого.

— Запомни: я уничтожу его и тебя впридачу!

— В последний раз прошу тебя: оставь нас в покое.

— Нет! — выкрикнул нищий. — Никогда я не оставлю вас в покое!

— Рано или поздно тебя остановят...

— Кто меня остановит? Уж не ты ли? Или, может быть, этот глупый мальчишка, племянник Катабаха? Да он в штаны наложил, когда увидел меня.

— У меня больше никого нет, так что придется мне верить в него, — эти слова дворецкий произнес со спокойным достоинством.

— Бедняга! — издевательски воскликнул нищий. — Плохи же твои дела! А сейчас они станут еще хуже... потому что этот ублюдок, твой юный хозяин, нас подслушивает, и я намерен воспользоваться этим обстоятельством.

Илькавар опоздал всего на мгновение. Юноша уже перепрыгнул подоконник и бросился в комнату, когда нищий прямо на его глазах ударил дворецкого ножом в грудь. Швырнув тело на руки Илькавару, нищий бросился к двери и выскочил наружу.

Илькавар осторожно положил старика на пол — никаких кроватей или циновок здесь не водилось. Лицо дворецкого посерело, глаза закатились. Он едва дышал.

— Что здесь происходит?

Дверь стояла настежь, а в дверном проеме отчетливо вырисовывалась мощная фигура короля. Илькавар в отчаянии поднял к нему голову. Теперь,

очевидно, оправданий больше не будет. Илькавар найден на месте преступления — жертва с ножом в груди на полу, а подозреваемый только один. Тот, кто пытался скрыть смерть Кракнора. Тот, кто больше всего на свете боится темниц Тарантии.

— Мы опоздали, ваше величество, — сказал Илькавар безнадежно.

Конан вошел в хижину и быстро осмотрел раненого старика.

— Может быть, и нет, — бросил он.

Король не стал задавать лишних вопросов. Кто бы ни ударил старика ножом, это был не Илькавар. Конан не сомневался в невинности парня. На своем веку киммериец повидал неудачников. Илькавар, очевидно, был из них числа.

Если уж начиналась полоса невезения, то выбраться из нее такие люди могли лишь с посторонней помощью.

— Во всем твоем деле много неясностей, — сказал король. — И я намерен в них разобраться. Старика можно спасти. Во всяком случае, он проживет достаточно долго, чтобы рассказать нам то, что нас интересует.

— Вы полагаете, ему известно больше, чем он сообщил мне при нашей первой встрече?

— Думаю, он даже пытался предупредить тебя об опасности, но... Возможно, он сам не знал, в чем эта опасность заключается. А может быть, надеялся, что ты справишься, и не желал пугать тебя раньше времени.

Конан взвалил раненого старика себе на плечо и вышел из дома. Ильявар поспешно зашагал за ним следом.

Киммериец торопился. День склонялся к вечеру, а им еще многое предстояло сделать.

* * *

Когда лекарка спускалась в общий зал «Зеленого медведя», ее забросали целой тучей вопросов, но она произнесла лишь одну фразу:

— Он будет жить и скоро очнется.

После чего потребовала себе вина, добавив, что заплатит за нее Ильявар. Утолив жажду, женщина ушла, и никто не осмелился остановить ее.

— Моя репутация в «Медведе» навек погибла, — сказал Ильявар, сидя наверху в комнате раненого дворецкого.

Конан устремил на молодого человека задумчивый взор. Казалось, киммериец не слышит, но следующая реплика показала обратное: король очень хорошо все слышал и, более того, на все у него уже имелось готовое решение.

— Твоя репутация в этом кабаке подскочила до небес. Подумай сам.

— Они узнали ваше величество?

Конан покачал головой.

— Когда я этого не хочу, меня ни одна каналья не узнает... Нет, другое. Ты ввязался в какое-то опасное приключение. Человек, находившийся под твоим покровительством, пострадал, но ты сумел

его спасти. К тебе по первому же зову пришла лучшая целительница, известная в Тарантии. Ну, не считая дворцовых лекарей, разумеется. Да еще некий наемник, который помогает тебе в твоих заботах.

— Наемник?

— А за кого, по-твоему, меня здесь принимают?

Конан ухмыльнулся, и Ильявар невольно улыбнулся ему в ответ. Синие глаза короля блестели: ему явно нравилось приключение.

— Скоро он придет в себя, — продолжал король, указывая на старика. — Ты успел узнать его имя?

— Нет.

— Большая ошибка. Знакомясь с подчиненными, следует первым делом спрашивать их об имени — и потом никогда не забывать этого имени. Подобная мелочь может когда-нибудь спасти тебе жизнь.

— Я запомню.

— Просто делай так постоянно — вот и запомнить не придется.

— Меня зовут Веддет, — прошептал дворецкий.

— А, ты очнулся, — как ни в чем не бывало сказал Конан. — Я рад этому, Веддет.

— Ты король? — спросил дворецкий. — Я должен был догадаться...

— Это не твое дело, кто я, — ответил Конан, сдвигая брови.

Его показная суровость не смутила Веддета.

— Запугивать грозным лицом будешь кого-нибудь помоложе, мальчик. Ты киммериец, насколько

я знаю. Варвар. И лучший король из всех, какие были в Аквилонии.

— Не сомневаюсь, — заявил Конан.

Он перестал хмуриться.

Старик говорил искренне. Ему незачем было льстить королю, потому что его жизнь не зависела от королевской милости.

— Ты можешь говорить, Веддет? — спросил Ильякавар, желая хоть немного поучаствовать в беседе.

— Подайте мне вина...

Как любого раненого, Веддета мучила жажда. Ильякавар поднес к его губам кубок с разбавленным вином. Дворецкий жадно напился и откинулся на набитый соломой валик, служивший ему подушкой.

— Большую часть жизни я прислуживал господам, а теперь мой господин прислуживает мне.

— Это ненадолго, — заявил Конан. — Скоро ты поправишься и займешь свое место в доме.

— Осталась третья ночь, — напомнил дворецкий. — Вряд ли мой новый хозяин переживет ее.

— Я пойду с ним, — обещал Конан.

Дворецкий долго смотрел на короля, как будто желал проникнуть в самые тайные его мысли; потом вздохнул.

— Вдвоем вы, может быть, и справитесь. Если останетесь живы, приходите навестить меня. Да, и оставьте мне денег... на всякий случай. Иначе меня могут вышвырнуть отсюда, а мне бы этого не хотелось.

— Иначе? — переспросил Ильякавар.

— Если вы погибнете, я останусь без средств, и

хозяин «Зеленого медведя» наверняка переменит свое отношение ко мне.

— Предусмотрительный старик, — сказал Конан, посмеиваясь.

— Я начинал карьеру, прислуживая торговцу, — ответил Веддет.

* * *

Торговца звали Катабах. Это был суровый, неощетивленный человек, характер которого закалили перенесенные в юности испытания. Он вырос в небогатой семье, рано осиротел, рано избавился от сестры, которую сбыв замуж... Кое-какое состояние ему удалось сколотить, в равной мере разоряя и конкурентов, и компаньонов, но все это, как говорил Катабах, было каплей в море. Ему требовалось нечто гораздо большее.

Для Катабаха не существовало никаких «нравственных ограничений». Он был негодяем, и не стыдился этого. Впрочем, и не гордился. Он считал свое поведение в порядке вещей и сильно удивлялся тому, что прочие люди пытаются вести себя порядочно. Для Катабаха подобное поведение было всего-навсего проявлением слабости.

При всей гнусности своего нрава Катабах вовсе не был неприятным в общении человеком. Напротив, многие охотно заводили с ним отношения. Он был интересным собеседником, подчас остроумным, желчным, иногда — злым, но всегда занимательным.

Непорядочность была присуща его натуре столь органично, что никого не шокировала. Она не выпя-

чивалась, не кричала о себе. Она просто ожидала своего часа, чтобы уничтожить очередную жертву.

Поэтому Катабаха неправильно было бы считать каким-то мрачным изгоем, одиночкой, оторванным от других людей. И когда он затеял экспедицию в Вендию, нашлись торговцы, которые охотно снабдили его деньгами.

Именно тогда и нанялся к нему на службу Веддет, который, прежде чем занять место дворецкого, успел побывать охранником в вендийском караване Катабаха.

С самого начала дела не заладились. Тяготы пути измотали спутников Катабаха, но он беспощадно гнал их вперед, к цели.

— Некоторые люди представляют себе Вендию как некий цветущий сад, где на каждом шагу — либо деревни, населенные прекрасными смуглыми юношами и девушками, приветливыми, с цветами в волосах, либо древние и богатые города, битком набитые сокровищами... — говорил Веддет. — Какое горькое заблуждение и сколько людей поплатилось жизнь за то, что поверило в эти сказки!

Его мутный взгляд замер на короле. Конан слушал рассказ старика без тени улыбки. Он был серьезен, спокоен.

— Король Конан... Если правда то, что о вас рассказывают, — добавил Веддет, — то вы знаете: я говорю чистую правду.

Конан кивнул.

— Вендия — опасное место, — признал король. —

Может быть, не более опасное, чем другие... но в любом случае она зачастую не оправдывает ожиданий северян.

— Так с нами и случилось, — вздохнул Веддет. — Мы пытались вести торговлю в небольших грязных городках, которые встречались нам по пути. Мы переправлялись через мутные реки, чью воду невозможно было пить, и волы тащили наши телеги, а их хозяева сидели на головах у своих животных и кололи их ножами, чтобы бежали резвее. Но вол не станет идти быстрее, хоть ты его режь, и мы медленно двигались под убийственным солнцем.

Некоторые из нас заболели лихорадкой, и Катабах приказал избавиться от больных. Он боялся, что болезнь перекинется на остальных. Поэтому те несчастные, которым не повезло, были попросту брошены в джунглях на произвол судьбы. Проклятье! Катабах не позволил перерезать им глотки, чтобы оборвать их страдания милосердным ударом ножа. Знаете, что он сказал? «Я не убийца!»

И мы позволили ему так поступить с нашими товарищами. Наверное, за эту трусость мы и расплачиваемся... Кто был менее виноват, те давно уже погибли, более виноватые, — я, например, — все еще мучаемся страхом, раскаянием, ужасом вечного проклятия...

А самый виноватый из всех, Катабах, ввергнут в адские страдания в пасти демона, если только не лжет тот нищий, что ударил меня ножом.

Однако буду рассказывать все по порядку.

Мы двигались вдоль границы в поисках удобной дороги в глубь страны. Проводник, которого мы взяли по пути в Вендию, оказался сущим ублюдком: он ничего не знал, даже местных наречий и обычаев, так что скоро сделалось очевидным — он лишь торопится взять с каравана денег, сколько удастся выпросить, и побыстрее уйти.

Когда никчемность этого человека стала очевидной, он пропал. Катабах утверждал, что проводник попросту бросил нас на произвол судьбы, и кое-кто предпочел этому поверить, но я не сомневался в другом: Катабах убил его.

Спустя несколько лет я спросил Катабаха об этом. Негодяй лишь улыбнулся мне в ответ. «Ты же знаешь, Веддет, что я не убийца, — сказал он мне, повторяя свою давнюю фразу. — Я не стал убивать его. Я лишь отвел его подальше в джунгли и подвесил там вниз головой. И так оставил — на милость богов и местных зверей. Авось кто-то из них спас мерзавца».

Мы оба знали, что Катабах обрек проводника на мучительную смерть... Но предпочли не говорить об этом.

Каким бы пройдохой ни был наш проводник, все же наказание оказалось несоизмеримо с преступлением.

Но кто я такой, чтобы спорить с Катабахом! Этот человек обладал огромной внутренней силой. Убедить его в чем-либо или затронуть его чувства было абсолютно невозможно.

Я и не пытался, ни во время нашего путешествия, ни позднее, когда служил ему в роскошном доме в Тарантии...

Вендия представляла нам вовсе не страной сказочных богатств и добросердечных принцев и принцесс. Истощенные голоногие крестьяне с руками как спички, их дети с выпученными животами и вытаращенными глазами, похожие на демонов голода, грязная вода в колодцах, удушливая жара, надоедливые москиты... И никакой приличной торговли, на что особенно сетовал мой хозяин.

Мы потеряли не менее десяти человек от разных болезней. Один, к примеру, отравился местной пищей и был брошен нами в деревне, где это и случилось. Не знаю, какова его участь.

В конце концов, нам повезло. Во всяком случае, так мы считали в тот момент.

В одном из небольших городков, где имелись храм и рыночная площадь и где мы отдыхали после перенесенных невзгод, нам повстречался человек, который согласился стать нашим проводником. Катабах познакомился с ним на рынке.

Катабах как раз пытался обменять наши медные кувшины с так называемым «варварским» узором на местную бирюзу, когда к нему приблизился этот человек.

Он назвался Саджем — не знаю, настоящее ли это имя, — и с презрением уставился на бирюзу, которую предлагали нашему хозяину. Потом вмешался в ход торговли.

— Ты действительно хочешь заполучить этот кусок зеленого дерьма? — бесцеремонно спросил Садж у Катабаха.

Оба — и Катабах, и вендийский торговец — воззрились на Саджа с негодованием. Торговец начал кричать:

— Что ты себе позволяешь! Как ты посмел вмешаться в степенную беседу двух почтенных людей! Ты, жалкий голодранец, который в жизни своей не видел настоящей бирюзы!

— Я видел настоящую бирюзу, — возразил Садж как ни в чем не бывало. Оскорбления не подействовали на него. Напротив, с довольным видом он подкрутил свой черный ус и блеснул глазами, похожими на маслины. — А вот ты, почтенный, ничего, кроме кучек зеленого дерьма, и не видал. — Он показал на очень красивую бирюзу очаровательного зеленовато-голубого оттенка, которую пытался приобрести Катабах.

Наш хозяин почему-то сразу проникся к этому Саджу полным доверием. Очевидно, один негодай почуял другого. Сделка сорвалась. Катабах попросту забрал свои кувшины и ушел вместе с Саджем, а вслед им летели проклятия торговца...

Мне стоило бы подойти к местному жителю и потолковать с ним касательно Саджа. Возможно, я узнал бы что-нибудь полезное...

Но я не стал этого делать. Я понимал: если Катабах принял какое-то решение, то отговаривать его невозможно. А судя по поведению моего хозяина,

именно это и произошло. Катабах от своего уже не отступится.

Садж провел в нашем караване несколько дней. Он рассказывал Катабаху о том, что в джунглях, в пятидневном переходе отсюда, находится старинный, давно заброшенный людьми город.

— Здешние джунгли — это живое существо, очень древнее, гораздо более старое, чем сам человек, — говорил Садж, таинственно вращая глазами. — Они не любят людей, хотя и вынуждены с нами считаться. Человек приходит в лес, вырубает деревья, он сжигает ветки, строит себе дом... Человек заставляет все живое работать на себя. Джунглям это ненавистно, поэтому когда человек хотя бы на миг перестает расчищать пространство вокруг себя, джунгли сразу же поглощают города и поселения... Это и произошло с тем городом, о котором я веду речь.

Катабах слушал Саджа, точно ребенок, которому нянюшка рассказывает новую сказку. Я никогда прежде не видел моего хозяина таким воодушевленным. Обычно Катабах держался так, словно ему открыто нечто таинственное, нечто такое, что непосвященному знать не положено. Он никому не говорил о своих планах, только отдавал самые необходимые приказы.

А тут, очевидно, он догадывался о близости богатой поживы и ловил каждое слово своего собеседника.

Садж между тем объяснял, что тот заброшенный город был посвящен Черному Младенцу, одному из

самых непредсказуемых и богатых богов Вендии. Младенец этот невероятно толст: он весь покрыт жировыми складками.

Больше всего на свете он любит блестящие предметы, безделушки и украшения, особенно женские, которые напоминают ему о тех, что он видел когда-то на груди его матери.

Золотой божок, изображающий Черного Младенца, находится прямо посреди джунглей, но прикасаться к нему нельзя. Зато сокровищница божества — к услугам любого, кто посмеет запустить туда руку. Мести божка можно не опасаться — он ведь не знает всех драгоценностей, которые ему преподнесли люди за века поклонения. Храбрый человек вполне в состоянии забрать оттуда несколько мешков монет, золотых браслетов, ожерелий, диадем, ограненных камней и унести все это, и Черный Младенец не станет его преследовать. Он попросту не догадается о том, что его обокрали.

Другое дело — стражники на границах Вендии. Все караваны досматриваются, и если кто-то из стражей заподозрит, что чужаки обокрали кого-то из вендийских богов, то караванщикам не поздоровится. Поэтому-то и необходим проводник, необходим вдвойне: сперва — чтобы проводить к святилищу Черного Младенца, потом — чтобы безопасно вывести из Вендии.

Когда Катабах поделился со мной своими планами, я пришел в ужас. Катабах только посмеялся над моими страхами.

— Мы разбогатеем, — уверял он. — Ты получишь свою долю и проведешь остаток жизни в довольстве, это я могу тебе обещать.

Я плохо знал Катабаха, хотя тогда мне казалось, что я изучил его уже хорошо!

Перед тем, как отправиться в путь, мы попросили о помощи местную богиню. Садж странным образом сочетал в себе дерзость, доходящую до богоборчества, с самыми странными суевериями. В этом они с Катабахом тоже были похожи. Например, Садж считал, что богиня будет более благосклонна, если обещать ей отказаться от каких-либо благ, обычных для цивилизованного человека.

Сам Садж поклялся в случае успеха с ограблением сокровищницы Черного Младенца никогда не снимать с себя плащ, в котором он выйдет из Вендии. Что до Катабаха, то он обещал не пользоваться услугами рабов и держать у себя в доме только вольнонаемных работников.

«Я испытываю странную брезгливость в отношении рабов, — сказал он мне потом, посмеиваясь. — Меня всякий раз передергивает, если кто-то из них случайно дотрагивается до меня. Так что немногого же я себя лишил, поклявшись избавиться от того, что мне и так ненавистно!»

В этом был весь Катабах. Садж, по крайней мере, сохранял остатки искренности.

Мы вышли в путь, и поначалу обстоятельства складывались для нас благоприятно. С каждым днем мы все дальше углублялись в джунгли. В кон-

це концов зеленое море поглотило нас. Насекомые особенно нас донимали, а земля под ногами пружинила, что говорило о близости смертоносных болот.

Но Садж действительно хорошо знал дорогу — в этом он, во всяком случае, нам не лгал. И на пятый день пути перед нами открылось удивительное зрелище. Мы увидели город, весь оплетенный вьющимися растениями.

Тонкие зеленые нити густо обвивали стены и башни, крохотные белые цветочки усеивали их. Все это источало душистый аромат. Воздух казался таким густым, что его можно было замешивать, точно тесто.

От сильного запаха цветов у многих начала нестерпимо болеть голова, но я невольно залюбовался поразительной картиной. Казалось, сама природа выстроила эти дворцы и храмы, возвела эти статуи... Тонкое зеленое плетение не нарушило ни одной из форм, но тщательно повторило их.

Вы можете себе представить изображение вендийской богини, высотой в три человеческих роста? Шестирукая, застывшая в сложной танцевальной позе, с оленятами на раскрытых ладонях, с драгоценным камнем во лбу... И при этом вся она, казалось, была создана из листьев и ветвей — если не считать драгоценности на голове...

Это было восхитительно! Я часами бродил по пустынным улицам, где не жил никто, кроме обезьянок с ярко-зелеными мохнатыми мордочками и каких-то крохотных разноцветных птичек, питавшихся

нектаром белых цветов. Я позабыл о цели нашего путешествия. Мне хотелось одного — разглядывать чудеса, представшие нам в этом городе.

Неожиданно я наткнулся на колодец. Он был полон человеческих черепов. Этих белых шаров было так много, что они заполняли глубокую шахту колодца и даже «выплескивались» на поверхность.

Страшное зрелище немного отрезвило меня. Я понял, что обитавшие здесь люди, создатели всей этой красоты, отнюдь не были так кротки и прекрасны, как могло бы показаться на первый взгляд. Кем были те убитые, чьи черепа нашли успокоение в колодце?

Хотелось бы мне думать, что они умерли от естественных причин и были просто погребены! Но нет, каждый череп носил на себе след убийства: проломленную височную кость. Этих людей убили...

Я не стал ничего говорить ни Саджу, ни Катабаху. Они просто посмеялись бы надо мной, назвали бы излишне чувствительным.

Так или иначе, я вернулся к моим сообщникам, и вскоре мы действительно отыскиали глубокую яму, наполненную драгоценностями.

Джунгли не тронули сокровищницу. Камни и золото сверкали под солнцем так же ярко, как и в те дни, когда их только опускали сюда. Никто не прикасался к приношениям для Черного Младенца. Вендийцы боялись святотатства, а чужаки здесь не появлялись. До нас, во всяком случае.

— Мы не будем жадничать, — предупредил Садж. — Я верю в наказания богов.

— А я — нет, — заявил Катабах.

— Ты поступишь так, как я скажу, — заупрямился Садж. — Не забирай всего. Это бессмысленно. Тебе не увезти с собой всю сокровищницу. Да тебе столько и не потребуется. Для счастливой богатой жизни хватит и сотой доли того, что здесь накоплено. Не стоит гневить богов понапрасну.

— Глупец! — гневно воскликнул Катабах. — Золота никогда не бывает слишком много и никогда не бывает довольно. Я заберу столько, сколько выдержит спина моей лошади и моя собственная, не говоря уж о спинах моих телохранителей...

— Ты навлечешь на нас несчастье, — твердил Садж.

В конце концов они прекратили бесполезный спор и принялись за дело. Подручные Катабаха, попукаемые хозяином, быстро нагрузили десяток кожаных мешков камнями. Садж оказался прав: сокровищница почти не опустела, хотя взяли грабители немало.

Мы ушли из покинутого города еще засветло. Никому не хотелось задерживаться здесь на ночлег. Хоть Садж и твердил, что в городе никого не осталось, никто из нас не был до конца уверен в своей безопасности. Где заброшенные дома и могилы, там и призраки.

Обратный путь через джунгли оказался гораздо более трудным. Тучи насекомых набрасывались на нас с такой яростью и с таким рвением, словно получили от богов специальное задание — высосать из

нас всю кровь, а заодно и лишить остатков терпения. Было очень душно, мы с трудом переводили дух. Садж объяснял это тем, что приближается дождь, но почти никто не слушал голос рассудка: мы не сомневались в том, что это боги решили покарать нас за дерзость.

Садж постоянно ссорился с Катабахом. Наш хозяин кричал, что Садж обокрал его, что нужно вернуться и взять еще несколько мешков драгоценных камней.

— Ты ведь потребуешь свою долю, а после того, как я поделюсь с тобой, я уйду из Вендии нищим! — вопил Катабах, обезумев от всего пережитого.

Даже сейчас мне трудно винить моего хозяина. Я и сам, кажется, утратил рассудок, столько удивительного довелось мне повидать в Вендии!

Когда мы уже готовились покинуть страну, нас настиг отряд храмовой стражи. Эти солдаты служили той самой богине, которую мы просили о содействии, отправляясь на наш грабеж. Очевидно, богиня сочла наши действия не вполне правомочными, — а может быть, поступила как все бессмертные: проявила обычное в подобных случаях коварство. Так или иначе, стражники гнались за нами не с добром. Да мы и не ждали добра — сами-то мы сотворили самое обыкновенное зло и не питали никаких иллюзий касательно своих поступков.

Садж предлагал остановиться и договориться с капитаном стражи.

— Он такой же человек, как и все остальные, —

уверял Садж. — Ни один солдат не откажется от взятки, если предложить достаточно много.

— Сколько, по-твоему, он сочтет достаточным? — осведомился Катабах.

По его тону я понял: Катабах заранее решил, что делиться со стражниками он не намерен и лучше умрет, но сохранит свое богатство при себе.

Но Садж, очевидно, еще на что-то надеялся. Вероятно, он не слишком хорошо изучил Катабаха и не сообразил еще, что для моего хозяина деньги значили гораздо больше, чем собственная жизнь. Фраза «мертвецу не нужно золото» оставила бы Катабаха глухим и непонимающим.

— Ты глупец! — закричал Садж. — Ты обязан поделиться с ними и спасти всех нас. Они оставят нас в покое, если увезут с собой один из наших мешков. У тебя останется еще девять... Не жадничай, не будь кретином!

— Я нанял тебя, ублюдок! — заорал в ответ Катабах. — Ты будешь делать то, что я прикажу! А я приказываю тебе уводить нас от погони. Где здесь обходной путь? Мне нужна дорога, на которую стражники не ступят. Мне нужна опасная дорога!

— Она может оказаться слишком опасной для тебя, — предупредил Садж.

— Плевать, — ответил Катабах.

Садж посмотрел на него с ненавистью, но я и еще несколько охранников, повинуясь приказанию хозяина, — мы все обнажили мечи и пригрозили нашему проводнику смертью в случае неподчинения.

Так мы ступили на опасную дорогу.

Она и впрямь оказалась опасной! Справа и леса расстилались топкие болота. Казалось, выбраться отсюда невозможно, и все же Садж находил тропу по каким-то одному ему ведомым приметам.

Солдаты оставили нас в покое. Их капитан не осмелился преследовать нас в этих гиблых топях.

И снова Садж с Катабахом поссорились. Садж предлагал провести в болоте несколько дней, дожидаясь в безопасном месте, пока солдаты уйдут, а потом вернуться по старой тропинке на прежнюю дорогу. Но Катабах и слышать об этом не хотел.

— Я хочу поскорее вернуться домой, — заявил он. — Мои люди обезумеют в этом болоте. Нет смысла торчать здесь, если существует дорога вперед. Мы не вернемся назад. Веди нас дальше.

Я до сих пор не знаю, заблудился ли Садж на самом деле, или же то была роковая случайность, но почти все охранники из нашего каравана погибли. Трясина засосала их прежде, чем мы смогли что-то для них сделать.

Катабах бесновался в бессильном гневе. Он метался по тропе, заламывал руки и только об одном и заботился: чтобы ни один из вьючных мулов, нагруженных мешками с драгоценностями, не пострадал. И все-таки одного мула (и два мешка) мы потеряли.

После этого Катабах обезумел.

Они с Саджем подрались. Катабах налетел на него, точно молния, и принялся бить по голове, по щеке — не разбирая. Наконец мой хозяин выхватил

нож и ударил Саджа в грудь, а после столкнул в трясину.

— Пропади ты пропадом, проклятый предатель! — воскликнул он, глядя, как из глубины поднимаются пузыри. — Мне придется возвращаться и молить всех богов о том, чтобы солдаты уже ушли и не поджидали нас в засаде...

Нам повезло. До Тарантии мы добрались вдвоем, и никто так и не прознал, что именно мы везем в наших мешках. Мы говорили, что масло, и над нами посмеивались. Мы никому не открывали, что возвращаемся из Вендии. Катабах рассказывал, что мы, мол, были в Туране. Затем он врал, будто мы возвращаемся из Бритунии. В общем, мы выглядели достаточно глупо, чтобы нас не трогали.

Торговцы маслом вызывают немного интереса. Если масло разлить, то лошади и люди будут скользить и падать, а если его случайно поджечь — не спасется никто. Еще и поэтому нас обходили стороной...

В конце концов мы обосновались в Тарантии. Катабах купил здесь дом... Он и не подумал отдать мне хотя бы часть денег, но вместо этого предложил стать у него дворецким.

— Ты — негодяй, Веддет, такой же, как и я, — сказал он мне прямо, без обиняков. — Если ты потребуешь у меня сокровищ, я обвиню тебя в святотатстве. Ты не сможешь оправдаться, ведь свидетелей у тебя нет. А я уж сумею засунуть тебя в темницу, откуда не будет выхода. Деньги-то у меня, не забывай!

Дело было не в деньгах, конечно... Катабах всегда обладал этой внутренней силой, с помощью которой подчинял себе других людей. Он согнул меня в бараний рог.

Он выполнил клятву, которую дал вендийской богине Кали: никогда не держал в услужении рабов. Но свободные слуги, которым он платил мизерное жалованье, жили в его доме хуже рабов. Они боялись его до смерти, и он охотно запугивал их. Уйти от него они не смели, потому что Катабах обещал, что будет преследовать их, куда бы они ни скрылись.

И действительно, как-то раз от Катабаха ушел конюх. Храбрый парень! Он плюнул на порог дома и повернулся к хозяину спиной. Даже жалованья не взял. Заявил, что ради такого жалованья даже нагибаться не стоит — чтобы подобрать его с пола.

Через несколько дней парня нашли убитым. Никто так и не дознался, кем совершено убийство. Кстати, я не уверен, что это сделал сам Катабах. Возможно, просто случайность... Но с той поры никто даже не заикался об уходе.

Поэтому-то слуги и разбежались кто куда, едва Катабах закрыл глаза...

* * *

Старый дворецкий замолчал. Было видно, что долгое повествование совершенно измучило его. Он добровольно пережил заново все те ужасные приключения, которые выпали на его долю.

— Не повезло тебе, бедняга, — сочувственно произнес король Конан. — Я тоже побывал в Вендии и повидал там немало разных диковин. Но у меня не осталось столь мрачных воспоминаний. Хотя многое из того, что я вытворял в той стране, отнюдь не представляло собой прогулку по цветущему саду в окружении веселых принцев и принцесс...

Веддет сказал:

— Садж... Он остался жив.

Конан сразу насторожился:

— Это он пытался убить тебя?

— Да... Наш проводник не умер там, в болотах. Какие-то демоны спасли его жизнь, и остаток дней своих он посвятил поискам людей, жестоко оскорбивших его. Он преследовал Катабаха долгие зимы. Он побывал везде. Личина нищего калеки не позволяла ему проникать во дворцы, поэтому Садж проводил в каждом большом городе по нескольку лет, чтобы разведать — не здесь ли обитает тот, кого он ненавидит.

Лишь недавно Садж сумел разыскать Катабаха. Наш бывший проводник отправил моего хозяина в Серые Миры и сотворил злую магию, которая заставляет демонов мучить его и всех его наследников.

Садж очень опасен. Он гораздо сильнее, чем кажется. Внешне он выглядит старым, разбитым, но на самом деле его переполняет демоническая мощь...

Веддет закрыл глаза и замолчал. Было видно, что долгий разговор чрезвычайно утомил его.

Конан поднял взгляд на Илькавара:

— Ну, что скажешь?

— Скажу, что надвигается ночь, и я должен быть в склепе, иначе плакали мои денежки, — храбро отозвался юноша.

— Ты достойный племянник своего дяди, — хмыкнул Конан.

Илькавар побледнел.

— Нет, я совершенно не такой, — твердо произнес он. — Но мой дядя и его бывший сообщник выпустили на землю большое зло. Как наследник Катабаха, я обязан загнать это зло обратно в преисподнюю и как следует закрыть за ним дверь.

* * *

Перед входом в гробницу Катабаха Конан остановился и взглянул на Илькавара.

— Не хочется туда входить, верно?

Молодой человек поперхнулся. Менее всего ожидал он услышать от короля подобное признание. Вместо ответа Илькавар молча кивнул.

Мрак гробницы поглотил их. В первое мгновение Илькавара охватило отчаяние. Ему вдруг показалось, что он никогда больше не выберется наружу, никогда не увидит солнечного света.

Король как будто прочитал его мысли.

— Завтра все закончится, — сказал Конан. — Мне жаль твоего приятеля, которого мы сожгли сегодня в воровском квартале, но...

— Мой приятель был ничтожным человеком, —

Илькавар судорожно перевел дыхание. — Я должен был лучше заботиться о нем, но я и сам ничтожен...

Конан удивленно поднял бровь.

— Ты не ничтожен, если тебе приходят в голову подобные мысли. Пожалуй, ты действительно стоишь тех забот, которые я расточил на тебя.

— Разве вы сделали это не ради того, чтобы защитить свою столицу, ваше величество?

Конан тихо рассмеялся.

— Тебе палец в рот не клади, Илькавар. Да, я определенно рад тому, что ты останешься в живых.

— Правда?

Конан уловил иронию в тоне своего молодого собеседника и коснулся его плеча.

— Король никогда не говорит неправды, даже когда лжет. И даже если ты уличишь его во лжи, мой мальчик, это все равно не будет названо неправдой. Впрочем, ты останешься в живых, как я уже сказал. Я позабочусь об этом.

«Он хвастается, как мальчишка! — изумленно подумал Илькавар. — Кажется, у короля хорошее настроение... Но с чего бы это? Наверное, он почувствовал себя молодым. Еще бы! Это приключение как будто вернуло его в юность».

О ранних годах короля Конана рассказывали удивительные вещи, и теперь Илькавар склонен был верить большинству из услышанного. В склепе было очень темно, но из-за двери еще пробивался слабый свет. Вечер неохотно уступал права ночи. Наконец последний проблеск света погас.

Конан зажег факелы.

— Нужно, чтобы твои глаза привыкли к темноте, хотя бы немного, — заметил киммериец. — Факелы не столько рассеивают тьму, сколько сгущают ее. Но огонь нам необходим. Он — мощное оружие, особенно в битве с нежитью... Тише.

Он перебил сам себя и замолчал, подняв руку. Илькавар, следуя этому призыву, замер и прислушался. Но сколько он ни напрягал слух, ничего разобрань не удалось. Однако киммериец явно что-то почуял.

Теперь король выглядел совершенно иначе, чем днем: он стал как будто еще выше ростом, в его движениях появилась варварская грация, словно он из сравнительно цивилизованного человека превратился в великолепного дикого зверя, в хищника, готового в любое мгновение броситься на добычу.

— Жди здесь, — шепнул Конан и к ужасу Илькавара выскользнул из гробницы.

Юноша остался один. Он прижался к стене, сжимая в руке горящий факел, и попытался успокоить дыхание. Но шершавый ком застрял у него в горле. Только сейчас Илькавар понял, до какой же степени он полагался на поддержку короля. Присутствие Конана и только оно делало возможным существование в этом жутком склепе, где обитает какая-то убийственная тайна.

Как только Конан покинул Илькавара, юноша утратил последнюю надежду выжить и увидеть обещанное ему утро. Он погибнет здесь, превратится в

такое же уродливое бездушное существо, каким стал бедняга Кракнор.

Он всмотрелся в тени, колыхавшиеся в гробнице. Большинство из них было порождением неверного света факелов. Илькавар осознал это — но осознал лишь умом, а сердце его бешено отстукивало в груди совсем другое: любая из этих теней может оказаться ожившим проклятием Саджа... Она вот-вот накинется, чтобы уничтожить его, Илькавара!.. Здесь смерть повсюду, ею пропитан самый воздух.

Вот над гробницей как будто сгустился воздух. Илькавар заставил себя раскрыть глаза пошире и не отводить взгляда. Он должен быть готов. Огонь факела трещал в его руке, как будто собирался вот-вот погаснуть.

Илькавар шевельнул факелом, точно взмахнул дымным знаменем. Нет, огонь горит ярко. Вот так и должно быть.

Между тем мрак над каменным гробом делался все более ощутимым. Теперь Илькавар точно знал, что ему не почудилось. Тень поднялась над изваянием и тихо шевелилась над ним, как будто щупала его, водила по нему длинными пальцами. Камень закрипел о камень — крышка с изваянием начала потихоньку сползать с гроба.

Ужас парализовал Илькавара. Он понял, что вот-вот расплчется и бросится бежать, как ребенок. Но вместо этого он оставался на месте. Он даже не дрожал. Если уж нельзя с бежать, лучше превратиться в подобие изваяния. Безумная надежда роди-

лась в его смятленном уме: может быть, чудовище примет его за неодушевленный предмет, за камень, за выступ стены — и не тронет, оставит жить?

До восхода оставалась вечность.

И тут совсем близко от Илькавара раздался спокойный голос короля:

—... Ты что, не слышишь?..

Илькавар содрогнулся всем телом. Конан стоял рядом, полный жизни и тепла. Когда и как он вернулся в гробницу, Илькавар не понял. Это произошло, очевидно, в те мгновения, когда Илькавар потерял сознание.

— Нет, ваше величество, я вас слышу... А что вы сказали? — пробормотал Илькавар.

— Я сказал, что поймал кое-кого. — Король тряхнул нечто, похожее на тряпичный мешок. «Оно» болталось в руках короля, совершенно безвольное.

Илькавар понял, что это — какой-то человек.

— Вы убили его, ваше величество?

— Перестань обращаться ко мне «ваше величество» — на это нет времени, — сказал Конан (на эту фразу он время, тем не менее, нашел!). — Никого я не убил. Пока что.

Он снова тряхнул человека, которого держал за шиворот, точно собака крысу.

— Я догадался, кто слоняется возле гробницы, — продолжал Конан. — Помнишь, я приказал тебе молчать и слушать?

Илькавар попробовал было выдавить «разумеется, помню, ваше величество», но с его губ сорвалось

лишь невнятное мычание. Конан, впрочем, принял этот звук за утвердительное «да».

— Ну так вот, — судя по тону, король был чрезвычайно доволен собой, — до меня отчетливо донеслись чьи-то шаги. Кто может бродить по чужому саду, вокруг гробницы, да еще ночью? Либо вор — что сомнительно, ибо в гробнице нет никаких сокровищ, либо некто, занимающийся злым чародейством, — ибо никакое доброе чародейство не творится возле гробницы. Не говоря уж о том, что я не слишком-то верю в безоговорочно доброе чародейство.

Илькавар наконец догадался посветить факелом в лицо человека, пойманного Конаном. Это был тот самый нищий, что приходил к наследнику Катабаха в первый день. Тот самый, за которым Илькавар гнался через весь воровской квартал.

— Садж, — представил Конан нищего. — Проводник из Вендии. Человек, которого предали, и человек, который предал. Убийца и убитый. Существо, всецело принадлежащее миру зла, сперва в качестве жертвы, а затем и в качестве палача.

Конан посмеивался, как будто ситуация доставляла ему удовольствие. Очевидно, так оно и было. Наконец-то король стоял со своим противником лицом к лицу!

— Держи его крепче, — приказал он Илькавару и всучил ему пленника. — Не бойся, он сейчас очень слаб. Я немножко с ним побеседовал.

Нищий действительно выглядел не лучшим образом. Посветив еще раз факелом ему в лицо, Илька-

вар увидел, что нос у Саджа сломан, губы разбиты и одна рука странно свисает вдоль тела — очевидно, она была сломана. Король и впрямь «побеседовал» с колдуном.

Между тем черная тень была уже вызвана к жизни и продолжала свою страшную «работу». Крышка свалилась с надгробия, и тень испустила громкий ликующий грик. Каменная крышка разбилась со страшным грохотом, но гром этот потонул в визге и хохоте тени.

Конан одним прыжком переместился туда и выхватил меч. Боевой клич варвара загремел в склепе:

— Кром!

Он нанес первый удар.

Сталь прошла сквозь тень и звякнула о камень гробницы. Но тень уже почуяла вражескую атаку и набросилась на Конана. Но не пара рук, вполне живых и материальных, как вчера, вцепилась в киммерийца. Нет, десятки пар выросли вдруг по краям тени, как бахромы. И все эти руки казались совершенно реальными.

Они царапали киммерийца когтями, рвали на нем одежду и пытались впиться в его плоть. Он отрубал их от тени, к которой они крепились, но меньше их от этого как будто не становилось. В какой-то миг Конану почудилось, будто вместо каждой разрубленной руки вырастает новая пара. Он не стал вдаваться в подробности и выяснять, так ли это на самом деле. На подобные «исследования» не было времени.

Кровь текла по лицу киммерийца. Одна пара рук, особенно настойчивая, норовила выдавить ему глаз, и Конан оторвал их от себя, а затем и от тени и зашвырнул в угол. Он не знал, что случилось с этими руками — погибли ли они, лишенные опоры, или скреблись где-то на полу, слепые, но полные неистребимого желания убивать.

Киммериец вонзил кинжал в середину ладони очередной руки. Послышалось шипение, рука отдернулась, но другая вцепилась королю в волосы, и Конан, не раздумывая, полоснул лезвием по пальцам. Кровь хлынула ему на голову, пальцы посыпались вниз, как разрубленные овощи. Конан брезгливо отскочил в сторону.

Тень облепила его, точно мантия, и отовсюду к киммерийцу тянулись руки-убийцы. Пальцы забили ему нос, растягивали его губы, лезли в рот. Конан лягнул зубами, откусив сразу два пальца. Он выплюнул их, и они пролетели сквозь тень и упали на пол.

Некоторое время Илькавар искренне полагал, что король отлично справляется с нежитью, обитавшей в гробнице, но затем изменил свое мнение. Прошло уже довольно много времени, а Конан все еще бился с бесплотным врагом. А до рассвета еще долго. Король столько не продержится.

Неожиданная мысль осенила Илькавара. Он не стал медлить. Если король погибнет в склепе Катабаха, то Илькавару останется одно: бежать из Аквилонии, сломя голову и не оборачиваясь. Никакое из объяснений не поможет парню остаться в живых —

его казнят как убийцу короля и государственного изменника.

— Боги! — не то подумал, не то произнес вслух Илькавар. — Какие глупости лезут мне в голову. Конан спас мою жизнь... и не важно, признают меня изменником или нет. Король — мой друг.

Он удивился этой мысли — и еще больше тому, что она была истинной.

— Король — мой друг, — повторил он снова, как бы пробуя новые слова на вкус.

Садж захрипел рядом с Илькаваром и тем самым напомнил о себе.

Присутствие колдуна вдруг показалось Илькавару таким отвратительным, что юноша изо всех сил оттолкнул его от себя и швырнул прямо на ужасную тень.

Почувяв новую — и, очевидно, куда более лакомую добычу, — тень оставила Конана и набросилась на Саджа. В мгновение ока десятки рук принялись рвать тело лже-нищего на куски. Клочья мяса отлетали в стороны, повсюду брызгала кровь. Садж закричал высоким, дрожащим голосом. Этот крик был полон невыносимой боли. В нем звенели страх и отчаяние. К счастью, длился он недолго и оборвался так же внезапно, как и зазвучал.

Король, весь в крови, шатаясь, подошел к выходу из склепа и ударом ноги распахнул его. В помещение хлынул прохладный воздух, а вместе с ним — и первые серые лучи рассвета.

* * *

Год спустя его величество король Конан почтил своим присутствием бракосочетание Илькавара и Кимоны, дочери начальника дворцовой стражи. После поздравления молодых и участия в пышном пиршестве король изъявил желание прогуляться по прекрасному саду, окружавшему дом Илькавара. Хозяин именины лично сопровождал его величество.

Гуляющие остановились возле небольшого холма, густо засаженного цветами и пышным кустарником.

— Что это? — осведомился король, указывая на клумбу. — Похоже на какой-то горб на теле земли.

— Это холм, ваше величество, — с поклоном отозвался Илькавар. — Кажется, он искусственного происхождения. Возможно, его насыпали поверх какого-нибудь древнего строения, пришедшего в негодность. Или ненужного строения. Строение это намертво замуровано, ваше величество, и тщательно покрыто землей. Оно обложено дерном и обсажено, как вы изволите видеть, кустами, а сверху высажены благоуханные цветы. Все эти растения тщательно подобраны. Они обладают свойством цвести почти круглый год, а их белые пахучие цветки враждебны любой магии. Так сообщили мне специалисты. У меня превосходные садовники, ваше величество.

— Похоже, что так, — согласился король, весело улыбаясь хозяину дома.

Дом молодого Муртана в Кордаве пользовался заслуженной репутацией одного из самых богатых. После смерти старого Муртана, в тот же год, скончались двое его неженатых родственников, так что юный Муртан совершенно неожиданно для себя из никчемного беспечного юнца, на которого мало кто обращал внимание, превратился в уважаемого господина Муртана, богатейшего человека в городе. А уважаемый господин Муртан пожаловаться на недостаток внимания со стороны окружающих никак не мог.

Почти каждый день Муртан устраивал пирушки с танцовщицами и музыкантами. Выпив вина, он с удивлением замечал среди своих гостей подчас совершенно незнакомых людей. В конце концов, Муртан даже удивляться этому обстоятельству перестал. Все эти люди, кем бы они ни были, держались так дружески, относились к хозяину дома с таким почтением, что глупо было бы подозревать их в чем-либо дурном.

В глубине души Муртан знал, что стоило бы обречь себя, прекратить вести разгульный образ жизни и продолжить семейное дело — торговлю выде-

ланными кожами. Но каждый день, открывая глаза и видя свою роскошно убранную спальню и какую-нибудь красотку рядом, на шелковых покрывалах, Муртан говорил себе: «Не сегодня. Возможно, завтра. Жизнь так коротка! Кто знает, вдруг через луну я умру? Глупо было бы в таком случае отказываться от радостей, которые я могу себе позволить!»

И наутро все повторялось...

Муртан был привлекательным и, в общем, неглупым молодым человеком: смуглый, с коротенькой черной бородкой, окаймлявшей его узкое лицо с острыми скулами. Его темные глаза были большими и влажными — женщины при виде этих глаз млели и погружались в мечтательность.

Люди, знавшие Муртана по былым временам, утверждали, что разбогатев он сильно поглупел. Впрочем, большинство держалось мнения, что помутнение рассудка у Муртана скоро пройдет.

А пока молодой богач продолжал устраивать пирушки и чудить на всю Кордаву.

* * *

— Но ведь ты даже не знаком с ним, господин! — сказала девушка, с удивлением и страхом рассматривая человека, в чьем доме прожила несколько лет. — Неужели ты отдашь меня ему? Я отказываюсь в это верить!

И она заплакала.

Сквозь слезы она произнесла:

— А я-то думала, что знаю тебя!

— О нет, — медленно отозвался ее собеседник, мужчина средних лет, высокий, почти черный от загара, с блестящими темными глазами. — Нет, Галкарис, никто не может знать Гриста. Многие женщины до тебя допускали эту ошибку. Каждая полагала, будто она в моей жизни единственная, но это — прискорбное заблуждение.

— Но разве я не дорога тебе? — всхлипнула Галкарис.

— Дорога, — он обнял ее и прижал к себе. — Именно поэтому я и хочу подарить тебя Муртану. Будь умницей и перестань рыдать. Я не в бордель тебя отдаю и не на каменоломни — утешать рабочих. Ты отправляешься из этой лачуги, — тут он с ненавистью обвел взглядом свое небогатое жилище, — в богатейший дом. Будешь жить в роскоши. Твой новый господин — человек глупый и ласковый, а денег у него столько, что... — Он вздохнул. — Ты сможешь воровать полными горстями, и он даже не заметит.

Галкарис задрожала в его объятиях.

— О, нет, Грист! Я не стану воровать, даже ради тебя. Я знаю, как поступают со слугами, попавшими на краже.

Грист хмыкнул.

— А ты не попадайся.

— Нет, нет! — повторяла Галкарис.

Неожиданно ей на ум пришла спасительная мысль: ведь если Грист действительно подарит ее Муртану, она больше не будет обязана выполнять поручения

Гриста! У нее появится новый хозяин. И, кто знает, быть может, этот новый хозяин окажется куда более добрым и терпеливым, чем Грист.

Но Грист, казалось, читал ее мысли.

— Даже не думай о том, чтобы обмануть меня, малышка! Я доберусь до тебя в любом случае, даже если ты будешь сидеть за семью стенами и под надежной охраной, и тогда ты жестоко пожалеешь о своем предательстве!

Галкарис опять заплакала.

— Чего же ты хочешь?

— Пока — ничего. Ты будешь жить в доме Муртана и выполнять все его прихоти. Не бойся, — засмеялся он, увидев, что девушка вздрогнула, — по слухам, все его прихоти не заходят дальше овеивания опахалом или чесания пяток... Следи за своим новым господином! Узнавай о его новых увлечениях. Я должен знать, в чем его слабости.

— Но для чего тебе это? — осмелилась спросить девушка. — Разве Муртан причинил тебе зло?

— А кто тебя надоумил, что для подобных вещей непременно нужно, чтобы некто причинил тебе зло? — возразил Грист, пожимая плечами. — Ты глупа, как все женщины, Галкарис! Люди зачастую ненавидят друг друга без всякого повода. Ну а внезапно разбогатевший болван, не обладающий никакими достоинствами, вызывает не просто зависть, но ненависть и желание уничтожить, унижить, растоптать... — Грист помрачнел, сдвинул брови. Теперь он разговаривал, казалось, больше с самим собой, нежели с де-

вушкой. — Отчего так несправедливо устроили боги? Почему какой-то повеса и гуляка вдруг делается обладателем несметных богатств и транжирит их так глупо, что даже смотреть больно! В то время как человек больших достоинств, умный и не обделенный деловыми качествами, вынужден прозябать в бедности и безвестности! Почему у меня нет ни богатого дядюшки, ни состоятельного родителя? И никаких перспектив! Я даже не посмею ухаживать за богатой невестой — ее родители сразу прознают истинные причины моей внезапно вспыхнувшей любви! Это несправедливо — и если боги бездействуют, я сам возьмусь исправлять их ошибку.

Галкарис вздохнула и обняла Гриста. По своему опыту девушка знала, что господину следует угождать, в каком бы настроении он ни пребывал. Иначе можно поплатиться за свою невнимательность — и поплатиться довольно жестоко.

Он взял ее за подбородок, обратил к себе хорошенькое личико с заплаканными глазами.

— Я подарю тебя сегодня вечером. Ты послужишь мне пропуском в дом Муртана. Постарайся понравиться своему новому хозяину. Я уже говорил тебе об этом и повторю снова: он должен быть без ума от тебя. Добиться этого несложно. Для такой, как ты, во всяком случае. А через несколько дней я снова приду — и тогда ты ответишь на мои вопросы. Это все.

Она молча кивнула. Разговор был окончен.

* * *

— Она восхитительна! — искренне произнес Муртан, рассматривая Галкарис.

На девушке было длинное полупрозрачное платье из розового шелка. На этот наряд Грист потратил свои последние деньги, но дело, по его мнению, того стоило. Грист сильно рисковал и решился поставить на кон все, чем обладал. Выигрыш представлялся слишком заманчивым.

Сперва следовало произнести на Муртана впечатление человека щедрого и состоятельного, затем — подружиться с ним.

Длинные золотистые волосы Галкарис были распущены и прядями падали на грудь и спину. Муртан невольно протянул руку и коснулся их. По телу девушки пробежала дрожь, она вздохнула и взглянула на своего бывшего господина. Тот еле заметно кивнул ей.

— Я подумал, что такая красота должна стать принадлежностью твоего дома, — лениво проговорил Грист с видимым равнодушием. — Право же, когда я увидел эту девушку, я первым делом подумал о тебе!

— Как добры и внимательны люди! — восхищенно молвил Муртан. — Даже те, кто лично не был со мной знаком, думают о том, как бы порадовать меня! Неужели в мире действительно воцарилась любовь, как пишут некоторые древние тексты?

— Да? — Грист поднял бровь. — Древние тексты так пишут?

— Да, — ответил Муртан, отмахиваясь: сейчас его больше занимала девушка, нежели тексты. — Неско-

лько лет назад я занимался изучением храмовой библиотеки... Я даже подумывал о жреческой карьере.

— Не знал! — засмеялся Грист. — Но теперь, во всяком случае, вопрос о том, чем тебе заниматься, больше не стоит. Ты нашел свое призвание.

— И каково оно, мое призвание? — удивился Муртан.

— Быть богатым, — ответил Грист.

Муртан покачал головой.

— Как легко и просто ты формулируешь самые сложные вещи, Грист. В любом случае, от души благодарю тебя за чудесный подарок. Надеюсь, сегодня ты будешь гостем на моем пиру?

— Твое предложение весьма лестно, но сегодня я чрезвычайно занят, — поклонился Грист.

Его глаза сверкнули: ему очень хотелось остаться и понаблюдать за Муртаном в дружеском кругу, но он понимал — следует выдержать паузу. Если он придет сегодня, то Муртан представит его гостям так: «Вот мой новый знакомец. Сегодня он подарил мне красивую рабыню, и я пригласил его на наш пир».

Так не годится. Следует выдержать паузу. И тогда при новом появлении Гриста в доме Муртана молодой богач скажет что-то вроде: «А, это Грист, мой приятель. Я не видел его несколько дней и теперь очень рад его приходу. Кажется, все это время он был занят важными делами, но сегодня нашел для нас время».

А в том, что за пять-шесть дней Муртан начнет думать о Гристе как о давнем приятеле, авантюрист

совершенно не сомневался. Муртан достаточно наивен для этого.

* * *

Галкарис родилась в очень бедной семье, единственным достоянием которой были дети. В чем-чем, а в братьях и сестрах у нее никогда не было недостатка. Отец Галкарис был портовым грузчиком, человеком, любящим самые простые и грубые удовольствия. Его редко видели трезвым. Однажды он попросту исчез.

Никто так и не выяснил, что с ним случилось: то ли пьяный он свалился в море и утонул, то ли был убит в трактирной драке, то ли попросту ушел из города, решив коренным образом поменять свою жизнь и в первую очередь избавиться от назойливого семейства: от попреков жены, дерзости детей.

Мать недолго оплакивала свое вдовство. Скоро перед ней встал самый главный вопрос — как кормить семью без кормильца. И она, недолго думая, продала в рабство самую красивую из своих дочерей, четырнадцатилетнюю Галкарис.

О том, что случилось с остальными, Галкарис, рано разлученная с родней, не пыталась узнать. Семья отказалась от нее — а Галкарис отказалась от своей семьи. Теперь самым близким и главным человеком для нее стал Грист, привлекательный и властный мужчина, которому она служила душой и телом.

В доме Гриста Галкарис впервые увидела много такого, о существовании чего даже не подозревала:

бочку для купания, покрывала на кровати (в доме грузчика все спали вповалку на полу), посуду, разрисованную узорами. Грист научил ее носить изящные одежды и ублажать мужчину в постели.

Галкарис искренне считала, что нет никого богаче и лучше Гриста. И даже когда он преподнес ее в качестве дара Муртану, даже тогда Галкарис оставалась в прежнем убеждении.

Но затем весь ее мир снова рухнул и лишь постепенно начал выстраиваться заново.

Ибо то, что она увидела в доме Муртана, превосходило любые, даже самые смелые фантазии, какие приходили на ум бедной девушке.

Муртан благосклонно осмотрел подарок нового приятеля, рассеянно поцеловал Галкарис в лоб и передал ее служанкам с наказом «определить новую девушку». Это распоряжение прозвучало весьма расплывчато, как и многие другие из уст хозяина. Поэтому на несколько дней Галкарис осталась предоставленной самой себе. Ей показали комнату, где спать, — небольшую, но очень пышно обставленную, с множеством безделушек и одежд; после чего, кажется, забыли о ее существовании.

Галкарис перемерила все платья, остановив свой выбор на белом, очень простом, из изысканного блестящего атласа. Оно красиво облегло фигуру и придавало облику девушки поразительное благородство.

Муртан, кажется, не вспоминал об этой рабыне, и Галкарис принялась гулять по большому дому бо-

гача. Чего здесь только не было! Удивленному взору девушки представляли комнаты, одна за другой, и каждая новая казалась еще чуднее предыдущей. Картины из далекой Вендии, изображающие звероголовых божеств, инкрустированные драгоценными камнями и жемчугом, шкатулки, из которых вываливались нитки коралловых бус, статуэтки из черного дерева и слоновой кости — танцующие женщины с неестественно длинными шеями и тонкими руками при чрезмерно пышных бедрах, ковры, украшенные инкрустациями сосуды, шелковые подушки с кистями, низкие столики, заставленные алебастровыми чашами и медными лампами причудливой формы...

Грист был прав. Если Галкарис прихватит горсть золотых монет или десятков перстней, никто здесь не хватится пропажи.

Но какое-то суеверное чувство — быть может, страх спугнуть удачу, — удерживало Галкарис от необдуманного поступка. Она продолжала ходить из комнаты в комнату, бессильно свесив руки вдоль тела и медленно переставляя ноги. Иногда ей казалось, что вся эта роскошь способна убить, похоронить ее под сверкающими горами драгоценностей. «Для чего одному человеку столько богатств? — думала она смятенно. — Что он будет делать со всем этим? Боги, он, наверное, счастливейший из смертных! Многие люди почувствовали бы себя на седьмом небе, завладей они миллионой долей того, чем обладает Муртан!»

Она подумала о своей матери, об отце, о братьях, которые вечно голодали и вечно хныкали, требуя еще хлеба и похлебки, — всегда больше, чем могла позволить им родительница. Дрожь пробежала по телу Галкарис. «Хвала моей матери за предусмотрительность! — подумала девушка. — Лучше быть последней наложницей богатого господина, чем жить на свободе и помирать от голода. Ни за что, ни за какие блага мира я не согласилась бы вернуться обратно в семью!»

Она взяла со столика золотое кольцо с рубином и надела на указательный палец.

— Тебе нравится? — послышался за ее спиной голос.

Девушка обернулась и увидела Муртана. Когда и как он вошел и как давно наблюдает за ней — она не знала, слишком увлеченная своими мыслями и созерцанием.

Поблуднев от ужаса, Галкарис упала на колени.

— Я всего лишь хотела посмотреть, — пролепетала она. — Я не...

Он подошел и поднял ее. Девушка вся дрожала.

— Успокойся, — сказал Муртан ласково. — Никто не подозревает тебя в воровстве. Ты принадлежишь к моему дому так же, как и это кольцо. Одна собственность вполне может находиться рядом с другой — в этом нет ничего предосудительного.

— Ты не сердишься? — пробормотала она, не веря собственным ушам.

— Нет же, глупышка! — рассмеялся Муртан. — Даже если ты вознамерилась что-то украсть — я не

обеднею от пропажи одного колечка. Оно тебе нравится? Возьми, оно твое. Пока оно на твоём пальце, а ты — в моем доме, это не может считаться кражей. У женщины должны быть причуды, и я стараюсь удовлетворять каждую.

— Каждую женщину?

— Каждую причуду каждой женщины, — подтвердил Муртан. Он внимательнее взгляделся в лицо Галкарис. — Ты очень хорошенькая, — сказал он наконец. — Настоящее украшение. Не девушка, а букетик цветов... Но я совершенно не помню, как ты оказалась здесь.

— Я пришла из моей спальни, — сказала Галкарис.

— Я покупал тебя? — спросил Муртан, отмахнувшись от ее простого объяснения.

— Нет, тебе подарил меня мой бывший господин. Грист — его имя. Он желал сделать тебе приятное, — напомнила Галкарис.

— Ах да, Грист... — вспомнил Муртан. — Приятный малый. Я приглашал его в гости, и он обещал зайти на днях.

Галкарис вдруг стало холодно. Она поняла, что совершенно не хочет видеть Гриста. Как и мать, он продал ее. Но, вероятно, как и мать, он желал ей добра.

Однако это не означает, что она мечтает к ним вернуться. Напротив. Ей пожелали добра — и она возьмет это добро. И если ценой станет разлука с теми, кого она когда-то любила, — Галкарис готова платить эту цену.

Между тем Муртан продолжал:

— Ты, наверное, воображаешь, будто нет ничего роскошней и богаче всех этих драгоценностей, которые я собрал в доме, — он махнул на шкатулки, сундуки, картины и ковры. — Отчасти ты права. Немногие могут похвастаться таким собранием вендийской живописи или кхитайских миниатюр, как я. Но это мелочи по сравнению с подлинным сокровищем, которым я обладаю. Хочешь посмотреть?

Галкарис молча кивнула. Она была слишком потрясена происходящим, особенно после того, как на память для чего-то пришли картины из ее убогого детства. Слишком велик оказался контраст: босоногая, оборванная девчонка с голодными глазами и плоским животом, прилипшим к хребту, — и холерная молодая женщина в шелках, запросто ведущая беседу с образованным, утонченным господином.

Он засмеялся, весело, как мальчишка, и схватил ее за руку.

— Идем, посмотришь на то, что действительно стоит увидеть!

Муртан радовался, точно ребенок, возможности продемонстрировать предмет своей гордости. И кому? Глупой наложнице, которая вряд ли в состоянии оценить вещь по достоинству.

Галкарис, как замороженная, пошла за ним, и скоро они очутились в полутемной комнате с тяжелыми драпировками на окнах и дверных проемах. Несколько глубоких кресел, мягкий ковер на полу и низкий столик дополняли облик комнаты.

Муртан уселся в кресло и махнул девушке:

— Отодвинь шторы, иначе ты ничего не увидишь.

Она послушно подошла к окну и потянула за шнур. В комнату хлынул свет. Взору пораженной Галкарис предстали полки, на которых стояли плетеные корзины. В каждой корзине находилось по несколько свитков.

О том, что такие вещи существуют, Галкарис знала: на свитках записывают долги, налоги, акты купли-продажи. Когда мать продавала Гресту Галкарис, она тоже имела дело с подобным свитком.

— Здесь записаны все твои рабы? — спросила Галкарис, переводя взгляд с полок и корзин на своего хозяина. — Отсюда ты можешь наблюдать за ними, пока они об этом не подозревают?

Муртан ответил ей непонимающим взглядом, а затем рассмеялся.

— Нет, милая, это книги! Здесь записаны истории.

— Истории? — удивилась она.

— Да, истории. Разве ты никогда не слышала о том, что истории можно записывать?

— Какие истории?

— Любые. Вроде тех, что люди рассказывают друг другу. Впрочем, существуют и иные истории, куда более таинственные и важные. А в некоторых содержится опасное знание... и бывают люди, которые охотятся за этим знанием.

Галкарис жалобно моргала глазами. Она не понимала из речей своего господина почти ничего. Ей то-

лько было ясно, что он чрезвычайно увлечен своими свитками — вот и все. Но в чем ценность пергаментов и папирусов и почему ее бесконечно богатый господин считает эти странные предметы настоящими сокровищами — в отличие от драгоценностей и золотой посуды, — этого Галкарис не могла взять в толк.

Однако она никак не показала своего разочарования и терпеливо слушала все, что говорил ей Муртан.

— Посмотри! — Он подошел к одной из корзин и вытащил свиток. Несколько мгновений Муртан любовался изящными письменами, а потом сунул свиток обратно. — Эти документы принадлежали когда-то храму Бела. Я выкупил их, когда они стали слишком ветхими, и жрецы, сделав новые копии, вознамерились избавиться от старых. Считается, что ни у кого, кроме жрецов Бела, нет этих записей. Ну еще бы! Ведь по храмовым законам обветшавшие свитки следовало уничтожить. И так и произошло бы, если бы не я с моими деньгами. Жрец, которому поручили сжечь старые свитки, польстился на кошелек с золотом, и в результате бумаги — у меня. Пожалуй, я сделаю с них копию, а оригинал все-таки сожгу. Опасно держать у себя вещь, похищенную из храма...

Теперь на лице девушки был ужас.

— Ты оскорбил Бела? — пробормотала она. — Но ведь это ужасное святотатство!

— Я никого не оскорблял, — нахмурился Муртан. — Просто объясняю тебе на понятном примере,

что рукопись может быть дороже любого ожерелья. Но, кажется, все мои речи пропадают впустую. Ты просто не слушаешь.

— О нет, господин, — взмолилась Галкарис. — Не прогоняй меня и не сердись. Я глуповата, но это и не удивительно: никто даже не пытался научить меня грамоте, мой господин. Женщине нужна не образованность, а привлекательная внешность и готовность убажить мужчину в любой момент. Этой наукой я владею в совершенстве — ты можешь убедиться, если захочешь...

— Мы в библиотеке, женщина! — рявкнул Муртан. Он беспомощно огляделся по сторонам и затем вновь остановил взгляд на Галкарис. — Ты говоришь об оскорблении богов! Но разве твои речи не оскорбляют это святилище знания, которое я открыл перед тобой?

— Я не знаю... — Галкарис заплакала.

Муртан разволновался. Он терпеть не мог женских слез. В прежние времена, когда он был еще беден и проматывал немногие заработанные им гроши в кабаках, его подружки частенько плакали — то от обиды, то от ревности, то просто по женской глупости, выпив лишнего. И всегда Муртан так терялся, что начинал кричать на них, а одну даже ударил по лицу, лишь бы она прекратила источать влагу.

Так было раньше. И в те дни женщина могла ответить ему таким же злым криком, могла обругать его, а то и дать сдачи и тоже хлопнуть по щеке.

Теперь подобное стало для Муртана невозможным.

Одно дело — стукнуть в досаде подружку, равную тебе по положению, и совсем другое — наказать рабыню. Муртан просто не мог себе такого позволить.

Поэтому он заранее дал себе слово, что ни одна женщина не будет при нем плакать. Он просто не станет доводить до слез своих служанок и наложниц, вот и все.

Он будет следить за тем, чтобы они всегда были веселы и довольны. Захотят драгоценностей, нарядов, деликатесов к столу — пожалуйста. Придет им фантазия прогуляться — пусть гуляют. Лишь бы выполняли свою работу по дому, очень необременительную, и оставались постоянно готовыми к разговорам, песням, ласкам.

По мнению Муртана, такой образ жизни мог гарантировать отсутствие слез.

Но он плохо знал женщин. Он ошибался.

Галкарис, к которой он отнесся так хорошо, которой подарил колечко и, желая показать, что совершенно не сердится, отвел в свою святая святых, в библиотеку, — Галкарис заливалась слезами.

— Перестань! — сердито сказал Муртан. — Вытри лицо, немедленно. И никогда больше так не делай. Я хочу, чтобы ты всегда улыбалась. Поняла? Улыбнись. Вот так, хорошо.

Галкарис глубоко вздохнула. Кажется, она начала понимать своего господина. Но теперь он вызывал у нее почти молитвенный восторг. Такой умный, так много всего знает — и при этом столько доброты! Если бы Муртан сейчас вознесся на небеса к другим

божествам, пробив для этого головой потолок и крышу, — Галкарис ничуть бы не удивилась.

— Успокоилась? — нервно осведомился Муртан. — Ладно, покажу тебе еще кое-что. Тебе должно понравиться. С картинками.

Он вытащил очередной свиток и развернул его, держа на коленях.

— Гляди.

Перед глазами девушки появились ровные ряды значков — очевидно, букв или иероглифов, которыми записываются слова и цифры (волшебство, не иначе!), — и несколько искусно выполненных миниатюр. Одна изображал женщину с кошачьей головой. Женщина обладала пышными формами, изящными длинными ногами. Ее фигура была облачена в белое длинное платье с множеством складок. Платье оставляло руки обнаженными, и белоснежная ткань подчеркивала поразительно красивый бронзовый оттенок кожи.

Голова кошки была белой, с широко расставленными голубыми глазами с вертикальным зрачком. Пышные усы торпожились, треугольные уши были настороженно подняты.

В руке женщина сжимала изогнутый медный нож. Казалось, она куда-то шла, твердо вознамерившись применить оружие, как только встретится подходящий для этого объект.

— Кто это? — с содроганием спросила девушка.

— Это Бастет, богиня-кошка из Стигии, — ответил Муртан. — Много лет назад она охотилась на

змей в великом болоте южнее Стикса... Легенда об этом сохранилось очень мало — ведь змей в конце концов победил, и в Стигии царит его культ почти нераздельно. И все же кое-что удастся иногда узнать. Например, в этом свитке рассказывается о том, как у богини-кошки родились котята. Она зачала их от солнечного луча, когда бог-солнце проник в ее логово, сделанное на берегу реки из камыша. Хотя богиня и обладает телом человека и головой кошки, она устроила себе гнездо подобно тому, как это делают водоплавающие птицы. Там она, как говорит легенда, и спала в тот день, когда солнце нашло дорогу к ее лону.

Проснувшись, богиня-кошка поняла, что беременна. Некоторое время она металась по берегу, рыва и ломая камыши. Она пыталась понять, кто же пробрался к источнику, доселе закрытому для всех, — ведь она была очень горда, эта богиня-кошка! Она искала своего обидчика день и ночь, но никаких следов не было ни в камышах, ни на песке. Наконец на третью ночь, когда появилась предательница-луна, богиня-кошка нашла в воздухе след того солнечного луча, который и послужил причиной беды.

Женщина-кошка поднялась как можно выше и перегрызла острыми зубами след от луча. И тогда солнце лишилось одного из своих лучиков, но люди этого не видят. Спустя положенное время родились котята. Все они были рыжими, как их отец-солнце, и только один был белым, как предательница-луна, и он был зачат от перегрызенного луча, напоследок.

Враг кошки, змей, узнал о том, что она сейчас совершенно беззащитна, но главное — он понял, каким образом может навредить ей, совершенно сам при том не рискуя. Ведь кошки очень привязаны к своему потомству и очень страдают, если их котятam причиняют ущерб.

И вот кошка отправилась на поиски еды, а ее дети остались одни в гнезде. И только белый котенок ни за что не желал расставаться с матерью. Он был так мал и слаб, что кошка в конце концов согласилась взять его с собой на охоту. «Держись крепче за мою шерсть, — приказала она малышу. — Ты будешь сидеть на моей спине. Однако смотри, чтобы тебе не упасть. Я буду занята охотой и не смогу следить за тобой как следует, поэтому позаботься о себе сам».

Когда кошка вернулась с охоты, сытая и довольная, и уже облизывала свои усы, ожидая, как встретят ее котята, страшное зрелище предстало ее глазам. Она увидела, что в гнезде побывал змей. Все ее рыжие дети были убиты. Змей сожрал их, оставив только головы, чтобы кошка-мать могла их увидеть.

Кошка взвывала и принялась скрести землю лапами, а потом она каталась по камышу и царапала себе тело когтями, пока кровь не пошла из ее ран. Наконец, истощенная своим горем, она заснула.

А маленький белый котенок подобрался к ней поближе и принялся лизать ее щеки.

Среди ночи кошка пробудилась.

— У меня остался последний ребенок! — сказала

она громко. — Берегись, змей! Мое дитя вырастет и уничтожит тебя.

Боги живут вечно, и дети их растут очень медленно. В ожидании, пока белый котенок превратится в кошку-воительницу, люди, поклоняющиеся богине с кошачьей головой, выстроили храм Грядущей Богини и стали ожидать ее. Впрочем, все это случилось очень давно — и не исключено, что это просто легенда... Во всяком случае, никто не знает, существует ли подобный храм и если существует, то где.

— Но что случилось с белым котенком? — спросила Галкарис.

Муртан посмотрел на нее так, словно увидел впервые.

— Это все, что ты поняла из моего рассказа? — удивился он. — Белый котенок?

— Но разве это не самое главное? — робко поинтересовалась Галкарис. — Белый котенок. Единственный спасшийся ребенок женщины-кошки.

— Да, — невпопад ответил Муртан. — Он спасся, но никто не знает, где он теперь. И был ли это котенок мужского пола, или же на самом деле беленькой была кошечка. В предании об этом прямо не говорится. Там сказано «оно» — «дитя».

Муртан убрал свиток на место и направился к выходу.

— Можешь остаться здесь, — сказал он рабыне. — Посмотри еще на свитки. Кто знает, не захочешь ли ты в конце концов выучиться грамоте.

— Нет, мой господин, — поспешно произнесла

Галкарис, — все эти свитки страшат меня. Мне кажется, они безмолвно разговаривают со мной и сердятся оттого, что я не понимаю их языка.

— Я не хотел тебя пугать, — вздохнул Муртан. — Что ж, идем. Прими ванну с лепестками роз. Возможно, это занятие тебе придется больше по душе, нежели чтение.

* * *

Грист рассчитал правильно: в следующий раз, когда он счел возможным появиться в доме Муртана, его встретили, точно доброго старого друга и сразу же пригласили войти и разделить с хозяином пышную трапезу.

Впервые в жизни Грист очутился в таком роскошном покое, и ему пришлось призвать всю выдержку, чтобы ничем не выдать своего удивления. Драпировки, затканые золотом и серебром, мерцали в свете бесчисленных ламп. Два серебряных зеркала, установленных друг против друга, зрительно увеличивали комнату, так что она казалась бесконечной, и каждый великолепный предмет, украшающий ее, многократно умножался в своих отражениях.

Десяток разнаряженных мужчин сидели за пиршественным столом, угощаясь мясом, фруктами и распивая вино из огромных кубков. Кубки эти были выточены из полудрагоценных камней и оставались благодаря шлифовке прозрачными, так что хозяин дома всегда мог видеть, полны они или пусты. Таким образом, ни один гость не имел возможности

отказаться от выпивки под тем предлогом, что его бокал-де еще полон.

За столом прислуживали красивые девушки. Каждая была одета таким образом, чтобы ее костюм имитировал какой-нибудь цветок. Юбки в форме лепестков колыхались вокруг стройных бедер, полуобнаженная грудь была присыпана «пыльцой» — разноцветной пудрой. Прически также должны были вызывать в памяти элементы растений — листья-гребни, стебли-пряди... Все это было шелковым или атласным. Кроме того, прислужницы в доме Муртана носили бесчисленные браслеты на руках и ногах, их шеи и талии обвивали нитки жемчугов и кораллов.

Расположившись напротив хозяина дома, Грист весело поднял бокал, который тотчас был наполнен живительной влагой.

— Опоздавший пьет до дна! — закричали гуляки.

Грист охотно осушил бокал. Вино оказалось превосходным — никогда прежде Гристу не доводилось пробовать такого. «Проклятье, — подумал он, — да этот Муртан действительно умеет пожить в свое удовольствие. И ведь он ничего не сделал для того, чтобы заслужить подобное счастье.

Воистину, удача слепа. Нужно будет немножко поработать над ситуацией и вернуть в этот мир каплю справедливости. Наслаждаться богатством и роскошью должен тот, кто действительно этого заслуживает».

Грист широко улыбнулся и воскликнул:

— Пью за моего друга, за великодушного Муртана!

Муртан весело кивнул ему в ответ и тоже поднял кубок:

— И за моего друга, за... — Он замялся. Было видно, что имя Гриста вдруг выскочило из его памяти. Затем Муртан улыбнулся еще шире и с обезоруживающей простотой произнес: — Кажется, я пьян...

Среди прислужниц Грист вдруг заметил Галкарис. Он не сразу узнал ее, закутанную в ворох блестящего белого шелка. На голове девушки сияла диадема, две подвески качались у ее висков. Золотая пудра покрывала верхнюю половину ее лица, создавая нечто вроде маски. Галкарис была, скорее, похожа на волшебное существо, нежели на обычную земную женщину. Кто бы узнал в этой прелестной, уверенной в себе куртизанке перепуганную угловатую девочку-подростка, дочку бедняка?

Гристу показалось, что его бывшая рабыня даже немного расплнела за тот недолгий срок, который пробыла в доме Муртана.

Накануне они встречались. Грист приходил сюда под видом торговца зеленью. Его пропустили на кухню и скупил у него весь товар, не глядя. Пока кухарки разбирали лук и приправы, Грист успел осмотреться на половине слуг и скоро обнаружил Галкарис. Девушка куда-то шла по коридору. Он невольно залюбовался ею — стремительная походка, легкий шелест одежды, мелькающие из-под подола кожаные сандалии.

Завидев своего прежнего хозяина, Галкарис вздрогнула и побледнела, как будто перед нею вырос призрак.

Грист нехорошо усмехнулся.

— Что с тобой, Галкарис? Я ведь не убийца, и тебе это хорошо известно. Когда я решу убить тебя, ты узнаешь о моем намерении первая... А пока я пришел просто поговорить.

— Я... не испугалась, — проговорила Галкарис, хотя весь ее вид свидетельствовал об обратном. — Как я могу бояться тебя? Ты всегда желал мне добра.

— В первую очередь я желаю добра самому себе, — сквозь зубы вымолвил Грист.

— Чего ты хочешь? — осмелев, спросила Галкарис. — Ты теперь мне не хозяин. Ты больше не властен надо мной!

Он схватил ее за руку повыше локтя и стиснул пальцы.

— Слушай, ты!.. — прошипел он, приблизив свое лицо к ее глазам. — Глупая девка! Если ты считаешь надежно укрыться здесь, за этими стенами, — расстанься с надеждой! Я — твой хозяин, только я и никто иной. Муртан не защитит тебя, если я захочу тебя покарать.

— Нет, ты ошибаешься... — пробормотала она. — Муртан добр и великодушен.

Грист расхохотался.

— Муртан забывает о твоем существовании, едва ты выходишь из комнаты. Заруби это на своем дурацком носу, который ты считаешь очень красивым.

Галкарис вздрогнула и высвободилась.

— Чего ты хочешь?

Она потеряла руку. Придется надеть на предплечье широкий браслет, иначе не миновать объяснений — откуда следы мужских пальцев.

— Чего я хочу? — Грист рассмеялся. — Немного. Пока, — уточнил он, криво ухмыляясь. — Итак, ты наблюдала за Муртаном?

— Я даже разговаривала с ним, — ответила девушка. — Он тебе не чета. Он очень добр. Я никогда не предаю его.

— От тебя и не требуется никого предавать... Не воображай, будто сможешь причинить кому-либо настоящее зло. Оставь дело тому, кто на него способен, и оставайся собой: безмозглой игрушкой для чужих удовольствий... — Грист коротко хохотнул. — И что тебе сказал твой обожаемый Муртан?

— Он не такой, как ты считаешь, — дрогнувшим голосом ответила девушка. Она изо всех сил старалась сохранять достоинство. — Он очень умен. А сколько книг прочел! Он обожает книги. И даже нашел время рассказать мне одно предание.

— Предание? — Грист изобразил полное презрение к словам девушки.

Галкарис вскинула брови.

— Да, это древнее предание о богине-кошке. Он рассказывал, как в Стигии она сражалась со змеем, но змей оказался коварным и убил всех детей богини, кроме одного белого котенка... Теперь ты мне веришь?

— Верю, верю... — рассеянно пробормотал Грист. — Значит, Стигия и богиня-кошка... Любопытно.

Он метнулся к Галкарис, схватил ее за плечи и быстро, зло поцеловал в губы.

— Я — твой хозяин, — сказал Грист. — Я и никто иной. Помни об этом, глупая девка. Я еще вернусь.

И исчез так быстро, что Галкарис не успела заметить, куда он скрылся.

И вот сейчас он появился на пиру у Муртана и вел себя так, словно был давним приятелем хозяина дома, добрым приятелем, человеком, которому доверяют. Удивительно! Галкарис смотрела на своего нового господина во все глаза. Как он красив, как молод!.. И как щедр!

Рядом с Муртаном Грист казался недобрым гением. Неужели Муртан не замечает, какой злобой горят глаза его гостя? Впрочем, нехорошие огоньки вспыхивали и тотчас гасли под опущенными веками. Грист умел следить за собой. Нужно было очень хорошо знать его, чтобы угадать: сейчас Грист замышляет нечто жуткое.

Галкарис пыталась понять, как ей предупредить Муртана. Мысленно девушка проклинала себя за то, что не сделала этого сразу же после памятной встречи в коридоре. Но затем она снова и снова повторяла себе прежние доводы против подобного поступка. Как бы это выглядело? Неужели она набралась бы дерзости и проникла в спальню своего господина с тем, чтобы начать рассказывать ему то, что он явно сочтет небылицей?

«Господин, тот человек, который подарил меня, — он негодяй и затевает против тебя какую-то каверзу. Будь осторожен, не приглашай его к себе, а еще лучше — гони прочь, едва он только явится. Предупреди всех слуг. У тебя есть влияние — добейся от городских властей, чтобы его вовсе изгнали из Кордавы... Этим ты спасешь себя от неминуемой беды».

Да ее просто поднимут на смех! Муртан слишком добр, чтобы наказать ее, но столь дерзким поведением она навсегда уронит себя в его глазах, и он никогда больше не пригласит ее в библиотеку, не покажет ей свитки с рисунками, не расскажет историю о богине-кошке... и она никогда так и не узнает, что случилось с белым котенком.

Нет уж, лучше промолчать. В конце концов, Муртан — очень умный, образованный господин, мужчина. Он сам как-нибудь разберется, где его враги, а где — друзья.

Но все эти мысли разом вылетели из бедной головки Галкарис, стоило ей увидеть Гриста за пиршественным столом Муртана. По тому, как держался ее бывший хозяин, по его уверенным, наглым улыбкам Галкарис сразу догадалась: Грист уже составил для себя план и намерен действовать, не отступая от задуманного ни на шаг.

Ей сразу стало страшно. Что он хочет предпринять? И какую выгоду преследует?

Большинство гостей Муртана — это было слишком очевидно, — желали лишь одного: быть принятыми в богатом доме, где всегда подадут лучшие

еду и питье, да еще одарят чем-нибудь на память, а то и позволят уединиться с красивой девушкой в роскошной «спальне для гостей».

Гристу такого мало. Галкарис знала его достаточно хорошо, чтобы отдавать себе в этом отчет.

Скоро разговор за столом зашел о путешествиях в дальние страны. Приятели Муртана никогда не бывали за пределами Кордавы. Их вполне устраивала оседлая жизнь. Но у хозяина глаза разгорелись. Было очевидно, что экзотические странствия — волнующая для него тема. Он охотно повествовал о Черных Королевствах и подстерегающих там опасностях, Кхитае и его чудесах, о Вендии и ее таинственных богах...

— А что же Стигия? — перебил Грист довольно бесцеремонно, когда Муртан в десятый раз принялся описывать медную статую какой-то многорукой вендийской богини и толковать о том, что подобные существа должны, по идее, считаться не богинями, а самыми настоящими демоницами.

Едва прозвучало зловещее название Стигии, как за столом воцарилось молчание. Казалось, повеяло ледяным ветром.

— Стигия? — чуть изменившимся голосом повторил Муртан. — Но кто говорит здесь о Стигии?

— Я говорю, — заявил Грист бесцеремонно. Он щелкнул пальцами, и рабыня, повинувшись молчаливому приказанию гостя, тотчас налила ему еще вина.

Галкарис не сводила взгляда с лица своего нового господина. Муртан слегка побледнел.

— Стигия — вот истинная страна чудес, и только она достойна того, чтобы отправиться туда в поисках приключений, — продолжал Грист, ничуть не смущаясь общим молчанием, воцарившимся за столом. — Я знаю, о чем говорю, можете мне поверить!

— Стигия — темное, злое место, — наконец отозвался Муртан. — Мне делается не по себе, когда я слышу о ней. Представить жутко, что бы со мной случилось, если бы я осмелился туда отправиться.

— И тем не менее там есть на что посмотреть, — невозмутимо разглагольствовал Грист. — Я встречался с людьми, вернувшимися оттуда, и они рассказывали настоящие чудеса. Между прочим, лгут все те, кто утверждают, будто из Стигии нет пути назад. Это все ерунда, порожденная пустыми суевериями трусов.

— Трусы? — переспросил Муртан. Его красивые темные брови сдвинулись над переносицей, в глазах вспыхнуло пламя. — Кажется, ты произнес это слово?

— Да, — откликнулся Грист. — Впрочем, я не имел в виду никого конкретного. Среди моих друзей нет трусов. — Одним махом Грист осушил бокал и велел наполнить его снова. — Некоторое время я общался со стариком, который служил при храме одной богини... Старик, по правде говоря, был весьма жалок и производил неприятное впечатление. Он жил одиноко, в убогой лачуге. Но я... — Он помолчал, очевидно, не желая признаваться в том, что обитал в похожей лачуге неподалеку. — Я часто наве-

щал бедных и убогих, — нашелся Грист. — Однажды мне повезло в игре в кости, и я дал обет Белу не оспаривать тех, кому повезло куда меньше.

— Очень правильный обет! — подхватил Муртан.

Прочие гости также разразились одобрительными криками и выпили в честь Гриста.

— Всеми заброшенный, старый служка богини доживал свой век в большой бедности, — говорил Грист задумчиво. — Перед смертью он неожиданно повел весьма странные речи. «Коль скоро ты был добр ко мне, — так сказал старик, — то я отблагодарю тебя по-своему». — «Твоего повеселевшего взгляда мне было достаточно, и никакой иной благодарности мне не требуется», — ответил, помнится, я.

Галкарис вздрогнула от возмущения, ее пальцы сильнее сжали ручку кувшина, которую она держала. Рассказ Гриста с каждым новым словом звучал все более фальшиво, и девушка не понимала, почему другие слушатели этого не замечают. Очевидно, потому, что все они изрядн опьяны, решила она наконец.

— Но старик настаивал на своем, — продолжал «благородный» Грист, — и в конце концов я согласился, лишь бы не огорчать его. И что же? Он завещал мне все свое имущество. Мне, помнится, стоило больших усилий не засмеяться ему в лицо. Что он мог завещать мне, кроме блох, водившихся в его рваном матрасе? Но он объявил о своем намерении таким торжественным тоном, что поневоле пришлось подыграть бедняге и сделать вид, будто меня

так и распирает от восторга. «Я счастливейший из смертных, — так я сказал несчастному, — трудно переоценить твой дар, ведь ты отдаешь мне все, чем владеешь, а большинство людей трижды подумает прежде, чем отдать другому хотя бы тысячную долю своего имущества». — «Это правда, — ответил старик, — но ты заслужил большего. Ты поистине заслуживаешь всего...»

И с этими словами он умер. Душа его отлетела к богине, которой он служил все эти зимы, служил явно, а потом и тайно. Я многого так и не узнал о его жизни.

Грист выдержал драматическую паузу, выжидая, пока молчание за столом не сделается общим. Воцарилась полная тишина. Каждый из присутствующих затаил дыхание, ожидая продолжения истории.

— Итак, я остался полновластным хозяином всего имущества умершего нищего, — молвил Грист. — Незавидная участь, скажете вы? Ничуть не бывало! Я распорядился насчет похорон и в последний раз огляделся в хижине: Неожиданно мое внимание привлекла поленница, сложенная в углу. Казалось бы, ничего особенного: бедняк заранее заготовил дрова, чтобы топить у себя печь или готовить еду. Но все дело заключалось в том, что в хижине не было никакой печи! Зимой она обогревалась углями, лежавшими на маленькой жаровне, а летом в этом и вовсе не возникало надобности. Что до пищи, то старик никогда не готовил. Он питался тем, что подавали ему добрые люди. Иногда его корми-

ли на чьей-нибудь кухне или просто выносили ему отбросы...

— Мы в знатном доме! — не выдержал один из гостей Муртана. — Мы сидим за богатым пиршественным столом и нам не нравится, что нас пичкают историей о старике, который питался отбросами!

Он выглядел очень нервным. Грист мельком глянул на него, подумав: «Должно быть, я нарисовал перед тобой картину старости, которой ты страшишься с самых юных лет. Очевидно, страшишься ты этого недаром: ведь когда твои щеки увянут и глаза погаснут, тебя попросту выбросят на помойку. Денег у тебя нет, работать ты не приучен и как человек немного из себя представляешь. Шансов жениться на богатой красавице — или даже на богатой уродице — у тебя также немного... Да, приятель, я понимаю тебя. Понимаю — но сочувствовать никак не могу».

— Погодите немного, — сказал Грист. — Я приступаю к самому интересному. Итак, эти так называемые дрова привлекли мое внимание, и я взял в руки одно из поленьев. Оно оказалось на удивление легким. Тогда я осторожно снял с него кору и... Что бы вы думали? Это было вовсе не полено! Передо мной лежал свиток!

Муртан вздрогнул, краска залила его лицо.

— Свиток? — переспросил он.

— Да! — с торжеством ответил Грист. — Помните, я говорил о том, что старик всю жизнь служил одной стигийской богине? Честно признаться, неко-

торое время я считал все его рассказы о прекрасной богине-воительнице с кошачьей головой пустой болтовней выжившего из ума старикана, который попросту развлекает разговорами своего благодетеля. Расплачивается занимательными историями. Многие старики так поступают, если у них за душой больше ничего нет.

Но мой старик оказался правдивым. Он на самом деле состоял младшим жрецом или прислужником при храме и унаследовал кое-что из храмового достояния. Храм этот располагается в Стигии... Вот почему я взял на себя смелость утверждать, что не все происходящее из Стигии — дурно и скверно, не все ее выходцы отмечены печатью зла, и, кроме того, далеко не всякий человек, осмелившийся отправиться туда, пропадает бесследно.

Муртан выглядел чрезвычайно взволнованным. Наблюдая за ним, Галкарис кусала себе губы. Вышло так, что она все-таки предала своего любезного господина! Грист поистине умеет выжать воду из камня. Он не задал Галкарис ни одного вопроса, и все-таки она рассказала достаточно, чтобы Грист сумел извлечь для себя выгоду из ее вполне невинных слов.

Грист узнал о том, что Муртан интересуется древними свитками и собрал у себя дома целую библиотеку.

Грист выяснил также, что Муртан неравнодушен к истории стигийской богини-кошки. Неравнодушен настолько, что принялся рассказывать о ней ка-

кой-то глупой рабыне, — просто из удовольствия еще раз вернуться к любимой теме.

Что ж, с такими сведениями нет ничего проще, чем поймать Муртана на крючок. Нужно просто явиться к нему в дом с занимательной байкой, где фигурировали бы свитки и богиня-кошка.

Боги! Милосердная Иштар! Почему Галкарис не откусила себе язык прежде, чем с него сорвались эти неосмотрительные слова? И ведь она давала себе клятву быть осторожной! Но с Гристом это, кажется, невозможно...

— Эти свитки... они все еще у тебя? — дрогнувшим голосом спросил Муртан.

— Нет, — ответил Грист. — В моей жизни бывали периоды, когда я сильно нуждался в деньгах. Одно время я торговал посудой. Сперва дела мои шли недурно — в ту пору я как раз и посещал бедных и убогих, — но затем разбойники уничтожили караван с прекрасной вендийской посудой, и я почти разорился. Если бы не свитки из Стигии, я бы сейчас просил милостыню на площадях или жил бы в нищете, как мой старый знакомец. Я продал их и выручил столько, что хватило денег поправить мои дела.

— Жаль, я не знал об их существовании раньше, — произнес Муртан. Он досадливо сжал кулак и опустил его на стол с такой силой, что фрукты на блюде подпрыгнули. — Я купил бы их у тебя и дал бы лучшую цену, чем твой прежний покупатель.

— Что сделано, то сделано, — с улыбкой отвечал Грист.

— Кто их купил? — настаивал Муртан. — Может быть, мне удастся уговорить его продать их мне...

— Вряд ли, — покачал головой Грист. — Это был зингарец, и он явно покупал для того, чтобы потом перепродать. Он уехал из Кордавы вскоре после нашей встречи, и больше я о нем ничего не слышал.

— Какая досада! — искренне воскликнул Муртан. — Но ты, по крайней мере, прочитал их перед тем, как продать?

— Да, — сказал Грист. — Разумеется. Я ведь любопытен... Полагаю, это простительный недостаток?

Гости Муртана наперебой стали уверять, что это вовсе не недостаток, а напротив — самое великое достоинство. Пока длилась шутливая перепалка, всем снова налили вина, заменили блюда с фруктами на свежие, принесли сладости. Наконец, когда суета улеглась, Грист продолжил повествование.

— Вот что я узнал из свитков. В пустыне, что простирается за стигийским городом Птейоном, в месте, которое называется Песками Погибели, находится крохотный, всеми забытый храм богини-кошки. Это святилище возвели в незапамятные времена жрецы забытой богини — из числа тех, кто помнил о великих битвах между кошкой и змеем. Один свиток был полностью посвящен этой истории. В нем рассказывалось о том, как богиня-кошка родила своих детей от солнечного луча и о том, как змей убил их всех, кроме последнего — маленького белого котенка.

— Значит, это правда! — прошептал Муртан. — Свитки подлинные! Я читал подобную историю в другом свитке.

— Возможно, твой свиток менее древний и представляет собой копию, списанную со стигийского, — заметил Грист тоном знатока.

Этот тон как ничто иное убедил Муртана в искренности рассказчика.

— Говори дальше, умоляю! — воскликнул он.

Грист не заставил себя долго ждать.

— Богиня-кошка поведала белому котенку о том, кто их враг, и котенок стал ненавидеть змея. Много дней и ночей мать и дочь лелеяли планы мести змею. И вот однажды от птицы, которую они поймали для того, чтобы утолить голод, они узнали важную вещь: змей решил обзавестись потомством, и несколько его жен-нагинь уже отложили яйца. Кошки поняли: пришел их час. Они выпустили птицу, и та показала им дорогу к кладкам, где зрели новые змееныши. Обе кошки набросились на яйца и начали разбивать их и уничтожать содержимое.

Кошка была стара и умна. Она лишь разбивала скорлупу и разбрасывала лапами жидкий желток. Но котенок был еще глуп и к тому же голоден: они ведь выпустили птицу! И в конце концов белая кошечка не выдержала мук голода и вида столь обильного съестного. Она съела один из желтков.

К несчастью, все потомство змея оказалось столь же ядовитым, как и сам змей. И даже желток был полон яда, так что белая кошечка отравилась и ста-

ла умирать прямо на глазах своей матери, богини-кошки.

Увидев это, богиня зарыдала и принялась осыпать своего неразумного ребенка упреками. «Как ты могла не устоять перед соблазном? — кричала несчастная мать. — Ты ведь кошка, порождение богини и солнечного луча! Ты должна быть более осмотрительной. Муки голода и жажды для тебя — ничто, если ты видишь более важную цель. Кошки живут не сердцем и уж тем более не желудком, но разумом. Поэтому у нас такие холодные глаза и вертикальный зрачок. Ты же повела себя не как кошка, а как человек, не способный держать себя в руках...»

Она поспешно уничтожила последние яйца змея и убежала со своим котенком подальше, потому что боялась мести змея и нагинь.

— Я не знал продолжения истории, — признался Муртан. — Я даже не смог недавно ответить на вопрос, что случилось с белой кошечкой.

— Белая кошечка стала умирать прямо на глазах у своей матери, — спокойно рассказывал Грист. — Но богиня принялась вылизывать ее, как это делают все кошки, и в конце концов слизала с нее весь яд. К сожалению, яд змея пропитал божественную сущность белой кошечки, поэтому вместе с отравой богиня-кошка забрала у своего последнего отпрыска и ее бессмертное естество. Таким образом, белая кошка превратилась в обычное животное... Ну, не совсем обычное, потому что она прожила бесчисленное множество лет и дала жизнь бесчисленному

потомству. И все же это был зверек, лишенный разума. И сколько бы богиня-кошка ни пыталась пробудить в ней воспоминания о том, кто ее мать и кто ее отец, белая кошечка отвечала лишь мурлыканьем...

— Это история о вражде кошки и змея, — сказал Муртан. — Кое-кто считает ее просто сказкой.

— О, нет, если бы это была просто сказка, старик-жрец не стал бы прятать свиток в поленнице дров! — с жаром произнес Грист. — Здесь содержится история куда более серьезная. Вражда древних богов перешла в мир людей. Жрецы храма Сета всегда ненавидели жрецов богини-кошки и жестоко преследовали их. А когда Сет сделался главным божеством Стигии, то храмы богини-кошки были разрушены и разграблены. Все, кроме одного, — того, где некогда служил мой знакомец. Храма в Песках Погибели. Второй свиток содержал описание этого храма. Все, что касалось культа и самого здания, жрецы сохраняли в глубочайшей тайне. Знания о храме и богине-кошке передавались от одного поколения жрецов к другому — до тех пор, пока это сословие не вымерло. Все меньше людей приходило на поклонение к богине-кошке — ведь немногие о ней знали, а те, кто знал, боялся нарушать волю священного змея, бога-победителя в давней войне. И все меньше людей становились жрецами. Мой приятель был последним из них...

Грист понизил голос. Теперь тон рассказчика был таинственным и немного зловещим:

— Далеко в Стигии, в Песках Погибели, до сих пор стоит забытый людьми храм богини-кошки. Жрецы Сета охраняют все подступы к нему, чтобы никто из людей не осмелился проникнуть туда и провести обряд. Ведь достаточно одного ритуала, одного правильно произведенного жертвоприношения, чтобы культ богини-кошки ожил, а сама богиня обрела былую силу и вновь вступила в битву со змеем. Но не только страх перед возможными почитателями кошки заставляет жрецов Сета неусыпно следить за всеми, кто пытается пробраться в храм. Помимо свитков, там хранится одно удивительное сокровище, которое называется Кошачий Глаз. Никто толком не знает, в чем именно заключается великая магическая сила Кошачьего Глаза, но и сам по себе, как драгоценность, он обладает гигантской стоимостью. В обмен на этот камень можно заполучить целый город! Ценность его неизмерима. Но богиня-кошка тщательно оберегает свое достоинство. Сколько жрецы Сета ни искали Кошачий Глаз, они так и не смогли его обнаружить. Он надежно спрятан. Возможно, он даже невидим. Здесь необходимо глубокое знание магии и обрядов стигийских богов, чтобы сделать невидимое зримым...

— То, что ты рассказываешь, — поразительно, — медленно промолвил Муртан. — И я ничего так не желаю, как только очутиться в Стигии и прикоснуться к Кошачьему Глазу. Теперь я точно знаю, что все это существует в действительности. И пусть такое путешествие таит в себе немыслимые опаснос-

ти... Что ж, я готов! Я взял все радости, какие только может предложить человеку безбедное и мирное житье на одном месте. Но я хорошо знаю, что жизнь этим не исчерпывается. Жизнь слишком великолепна, слишком обильна, чтобы стоило всю ее провести в одном городе, в одном доме.

— Что ты хочешь сказать? — прищурился Грист.

— Я желаю завладеть Кошачьим Глазом! — воскликнул Муртан. — Вот что я хочу сказать. Кошачий Глаз должен стать моим. И я не буду покупать на него целый город. Что мне делать с городом?

— А что ты будешь делать с камнем? — рассмеялся Грист, однако Галкарис заметила, что глаза его при этом потемнели, а зрачки сузились: Грист с напряженным вниманием наблюдал за малейшими колебаниями в настроении своего собеседника.

— Я буду им любоваться, — просто ответил Муртан.

— Желание, достойное великой души, — улыбнулся Грист. — Что ж, я пожелал бы тебе удачи... если бы верил в нее.

— Ты считаешь, что я не сумею добиться желаемого? — нахмурился Муртан.

— Просто смотрю на вещи ясно и рассудочно, — ответил Грист. — Добраться до храма посреди Песков Погибели, обмануть стражу Сета да еще завладеть магическим самоцветом... Такое под силу лишь величайшим героям.

— Хочешь поспорить? — Муртан прищурил глаза и в упор посмотрел на собеседника.

— Да, — не стал уклоняться Грист.

— Хорошо. — Муртан хлопнул в ладоши, привлекая всеобщее внимание. — Господа, мы с этим господином решили поспорить. Я утверждаю, что отправлюсь в Стигию, побываю в храме Погибельных Песков и завладею магическим камнем под названием Кошачий Глаз.

— Ставки должны быть высокими, — подсказал Грист.

— Я как раз перехожу к этому, — сказал Муртан. — Сейчас я намерен написать завещание. Если я погибну, не сумею выполнить условия нашего спора, то все мое имение перейдет к господину...

— Гриту, — спокойно подсказал Грист.

— А если я вернусь с камнем, то господин Грист лишится жизни, ибо я сильно сомневаюсь, чтобы вся его собственность была хотя бы сопоставима с одной десятой того, чем владею я.

— Условия жестокие, — сказал Грист, — но справедливые, и я охотно принимаю их.

Принесли свитки, позвали писца, вытащили из постели представителя городских властей, дабы тот заверил подписи обоих участников и забрал свиток в городскую казну и спрятал там.

Пиршество закончилось, гости расходились, ошеломленные неожиданной развязкой столь веселого и легкомысленного вечера.

Грист один был в хорошем настроении. Уходя, он ущипнул Галкарис за щеку.

— Скоро ты опять будешь моей, — заявил он. —

Ты и весь этот роскошный дом со всеми его богатствами. Твой новый хозяин — полный дурак, если согласился на подобное пари. Но я рад, что он именно таков. Он отправляется на верную смерть. А я... я скоро разбогатею.

* * *

Караван Муртана поначалу напоминал о шествии легендарных владык. Можно было подумать, будто некий древний царь, собрав огромную свиту, драгоценные дары, целую армию наложниц, поваров, прислужников и солдат личной гвардии, движется по землям сопредельных царств и княжеств навстречу другому столь же могучему властителю — для обмена дарами, переговоров и, возможно, заключения брачных союзов.

Несколько десятков телег были нагружены «всеми необходимым», преимущественно предметами роскоши. В экипажах ехали девушки. Эти прелестницы только тем и занимались, что щебетали, выглядывали в окна, строили глазки охранявшим их солдатам и обменивались мнениями касательно всего, что видели.

Пятеро поваров ехали верхом. Два десятка солдат — на самом деле вооруженных слуг — шагали следом. Муртан верхом на белоснежном коне гарцевал сбоку, горделиво поглядывая на своих людей.

Они прошли по улицам Кордавы, нарочно сделав крюк, чтобы как можно больше народу получило возможность полюбоваться Муртаном Великолеп-

ным. Горожане высыпали из домов, не желая пропустить ни одного мгновения из представленного им зрелища. Повсюду звучали здравицы и добрые пожелания Муртану, хотя почти никто из жителей Кордавы толком не знал, для чего беспечный богач и кутила отправляется в далекое и небезопасное путешествие. Многие что-то слышали о пари, но в чем оно состояло и каков будет выигрыш в случае успеха — об этом ходили самые разные слухи.

Даже место назначения называли различное, и городской страже пришлось разнимать двух драчунов, один из которых утверждал, будто Муртан направляется в Куш, а другой — что цель путешествия вовсе не Куш, а Стигия.

— Да не может нормальный человек, в здравом уме, взять и просто так, ни с того ни с сего, отправиться в Стигию! — кричал в свое оправдание второй драчун, когда солдаты, награждая его ударами дубинок по плечам, тащили беднягу прочь с площади. — Пусть при мне не говорят ерунды, вот я и не полезу в драку!

Муртан не слушал криков и почти не обращал внимания на беспокойство в толпе. Он ехал верхом, веселый, красивый, беспечный, и ничто, казалось, не могло поколебать его уверенности в успехе.

Первый ночлег они провели в чистом поле, где разбили шатры и устроили настоящий лагерь, так что издалека можно было вообразить, будто к Кордаве приближается небольшая, но решительно настроенная армия.

Муртан намеревался пройти побережьем до устья реки Стикс, а затем подняться по течению и перейти границу таким образом, чтобы сразу очутиться в самом сердце Стигии.

Этот план был хорош тем, что можно было продолжать путешествие на лошадях и верблюдах и не возникало необходимости нанимать корабль. Кроме того, можно было больше увидеть и пережить больше приключений. Ну и главной причиной, по которой Муртан избрал сухопутное путешествие, являлось то обстоятельство, что на море молодой богач сразу же утрачивал всю свою победоносность. Его начинало тошнить в тот самый миг, когда он поднимался на борт корабля, и он пребывал в самом плачевном состоянии до того мгновения, когда плавание завершалось.

Впрочем, об этом он предпочитал не рассказывать никому.

Да и надобности в объяснениях не возникало! Господин приказал — и все повиновались, не задавая ненужных вопросов.

Галкарис была в числе тех, кого Муртан взял с собой. По правде говоря, Муртан даже не вспомнил о своей новой рабыне, когда отбирал девушек для путешествия. Он назвал тех, кто первыми попались ему на глаза.

Галкарис же после визита Гриста старалась скрываться и как можно меньше напоминать о своем существовании. Ей было и стыдно, и страшно.

Но накануне отбытия каравана она услышала,

как одна из красавиц плачет на кухне, и пробралась туда, чтобы узнать — в чем дело.

— Я боюсь, — призналась девушка, всхлипывая. — Я никогда не покидала города, а теперь наш господин хочет, чтобы я сопровождала его в таком дальнем пути! Что я буду делать? Я наглоталась пыли, заболела и умру. Я ведь певица! У меня такое узкое горло. Посмотри на мои руки! Они слишком нежные. От суровых ветров они растрескаются и покроются кровавыми трещинами! Я не переживу этого испытания и никогда не вернусь в Кордаву. Меня закопают где-нибудь на обочине дороги, и чужая земля скроет мое бедное тело.

В конце концов Галкарис сказала:

— Я заменю тебя. Вряд ли наш господин заметит, что вместо одной девушки с ним поехала другая.

Слезы на глазах наложницы мгновенно высохли. Она уставилась на Галкарис с надменным неудовольствием:

— По-твоему, я настолько дурна, что обо мне можно забыть?

— Вовсе нет, — растерянно ответила Галкарис. — Я хотела сказать, что господин наш добр и беспечен. Разумеется, он никогда не забудет о тебе, но, возможно, не слишком будет зол, обнаружив меня на твоём месте.

— Между прочим, я — превосходная певица, — молвила девушка.

— В таком случае я не смогу тебя заменить, и тебе придется ехать, — сдалась Галкарис.

В глазах ее собеседницы тотчас появилось прежнее испуганное выражение.

— О, нет, не оставляй меня! — взмолилась та. — Я готова уступить тебе даже мой титул самой прекрасной из наложниц, лишь бы ты избавила меня от этого кошмара...

— Я никогда не сравняюсь с тобой ни в красоте, ни в таланте, — поспешила заверить ее Галкарис. — Я считаю своим долгом сберечь тебя для нашего господина. Я охотно умру вместо тебя, надорвавшись в трудном пути.

Девушки обнялись, и наутро Галкарис заняла место, предназначенное для другой. Как и предполагала девушка, ее беспечный хозяин был слишком увлечен своей ролью великого путешественника и охотника за редкими манускриптами, чтобы обращать внимание на рабынь.

В дорожной одежде — шелковых шароварах, длинном шелковом халате, расшитом цветами и спиралевидными узорами, — Галкарис уселась в повозку вместе с другими красотками. Голову и лицо она обмотала широким полупрозрачным плащом, чтобы защитить себя от яркого палящего солнца и пыли.

Все было ей внове, все радовало глаз — и поля, и реки, и небольшие рощи. Когда караван выбрался к берегу моря, Галкарис с наслаждением рассматривала бесконечный морской пейзаж. Волны, скалы, корабли на горизонте, — ничто не казалось ей однообразным. Она жадно впитывала впечатления и дума-

ла: «Неужели мне так повезло? Я — самая простая, бедная девочка — еду в удобной повозке и спокойно разглядываю все эти удивительные картины, как будто я вовсе не прислуга, обреченная провести весь свой век на кухне, а знатная дама, живущая в свое удовольствие!»

Другие девушки не разделяли ее восторженного настроения. Каждое утро спутницы Галкарис просыпались в отвратительном расположении духа, все они дружно жаловались на головную боль и прочие недомогания.

Иногда Галкарис даже думалось, что они наперебой изобретают хвори, желая перещегоолять друг друга. Стоило одной сообщить, что у нее ломит виски, как другая тотчас восклицала: «Ах, а у меня сводит затылок, и это мучительно!» Третья же, хмуря хорошенькие бровки на гладком лобике, произносила: «Лично я и глаз не могла сомкнуть от болей в пояснице. Не знаю, как буду танцевать. Кажется, моя карьера окончательно погибла! Я утратила гибкость, и теперь каждое движение дается мне ценой мучительной боли!»

Впрочем, все эти беды и болезни не мешали красавицам подолгу просиживать перед зеркалами, накладывая краску на лицо. Кушали они тоже с отменным аппетитом, отдавая предпочтение сладкому.

Галкарис держалась особняком. Она была всем довольна, выглядела счастливой и здоровой, ни на что не жаловалась... К тому же она была в доме новенькой. Поэтому ее спутницы относились к ней с

недоверием и даже с презрением. Они пытались превратить Галкарис в свою служанку, требовали от нее услуг капризным тоном, а если та отказывалась или ссылалась на равное с ними положение, возмущенно пожимали плечами и громко обсуждали между собой «нахальную мерзавку».

Но само по себе путешествие было настолько интересным, что Галкарис старалась не обращать на них внимания. Никакие придирки не могли испортить девушке поездки.

Если по дороге попадался большой город, Муртан не отказывал себе в удовольствии зайти в него. Взяв с собой двух-трех телохранителей и одну из девиц, Муртан устраивался на отдых в лучшей гостинице, где проводил несколько дней кряду. Прочие его спутники ютились в палатках или находили пристанище в караван-сараях.

Галкарис вполне устраивали эти условия. Несколько раз ее посещала мысль о том, что она могла бы сбежать: стражники из отряда Муртана не слишком-то следили за поведением наложниц. Они справедливо считали девиц из дома Муртана слишком изнеженными и трусливыми для такого решительного шага, как бегство. Этим самоуверенным мужчинам и в голову не приходило, что среди наложниц их господина может найтись одна не похожая на прочих.

Галкарис обзавелась мужской одеждой. Утащить у Муртана запасной костюм из сундука не составило никакого труда. Ей понадобилось только укоротить

полы кафтана и потуже завязать пояс. Шаровары и сапожки Галкарис оставила себе прежние. Шарф, скрывающий лицо, и низко нахлобученная шапка с волчьими хвостами довершили наряд.

В таком виде Галкарис несколько раз отправлялась бродить по городам, где Муртан останавливался на отдых. Ее завораживало увиденное: базары, многолюдная толпа на улицах, высокие богато украшенные строения — и тут же нищие, уличные фигляры, убогие лачуги... Все это повторялось в каждом городе, но везде имело какой-то собственный, присущий только данному месту облик.

И вот в Асгалуне Галкарис попала. Она как раз любовалась на пляску уличных танцоров — мужчина дудел в длинную трубу, издававшую на удивление гнусавые, громкие звуки, а юная девушка, почти совершенно обнаженная, танцевала прямо на огромном барабане. Галкарис не завидовала этим людям, их свободе: у каждого своя судьба. Но на миг девушка позволила себе соединить свою судьбу с судьбой этих чужаков.

И тут ее грубо схватили за руки.

— Эй, ты! — воскликнул мужской голос. — Да это же девка нашего хозяина! Полюбуйся, Эвран, — обратился он к своему спутнику, — она хотела сбежать! Какая ловкая!

— Я не хотела... — пыталась объяснить Галкарис, стараясь освободиться. — Я просто...

— Идем, идем, — приговаривали воины, уводя ее прочь. — Ты попала, так лучше молчи!

Иначе тебе придется куда хуже. Моли нашего господина, чтобы он ограничился наказанием кнутом. Знаешь, что ожидает беглых рабов?

— Но я вовсе не... — лепетала Галкарис.

Ее никто не слушал.

Тычками и пинками ее гнали через весь город, в гостиницу, где находился Муртан. Один из стражников остался на улице, а второй крепче вцепился в локоть Галкарис и прошипел ей на ухо:

— Веди себя тихо, ты в приличном богатом месте. Нам не нужен скандал. Если ты будешь держаться прилично, тебе же лучше. А вздумаешь брыкаться и вырываться — я сломаю тебе руку.

Галкарис промолчала.

Стражник быстро провел ее по лестнице и остановился перед дверью в комнаты, которые занимал Муртан.

Муртан возлежал на широкой кровати (лучшей из всех, какие нашлись в гостинице) и кушал фрукты из огромного блюда. В ногах у него сидела полуобнаженная красавица и лениво играла на маленькой арфе.

При виде стражника Муртан поднял брови.

— Что случилось? — произнес он недовольно. — Ты помешал мне.

— Вот, — хрипло сказал стражник, указывая на Галкарис.

— По-твоему, я интересуюсь хорошенькими мальчиками? — еще больше удивился Муртан. Некоторое время он как будто размышлял, гневаться ему

или смеяться, но затем покачал головой. — Даже если бы это и было так, не припомню, чтобы я посылала тебя поискать для меня одного-двух.

— Это не мальчик, мой господин, — с поклоном проговорил стражник. — Это женщина и к тому же твоя рабыня.

— Сегодня я взял в постель другую, — заметил Муртан, указывая на девушку с арфой. — Надеюсь, ты еще не вообразил, будто имеешь право указывать мне, с кем я должен проводить время.

— Дело деликатное, мой господин, — сказал стражник. И со злостью посмотрел на голую девушку. Та ответила не менее злобным взглядом.

«Да они все тут грызутся между собой, — подумала Галкарис. — Каждый желает быть полезным господину, каждый рвется занять место поближе к нему».

Муртан махнул девице:

— Выйди, дорогая. Оденься, отдохни. Я скоро позову тебя.

Когда та, не скрывая своего неудовольствия, исчезла за портьерой, разделявшей апартаменты господина и слуг, Муртан перевел взгляд на стражника.

— Говори.

— Это одна из твоих рабынь, господин.

Стражник сдернул с лица Галкарис вуаль. Муртан нахмурился, пытаясь вспомнить имя девушки. Лицо ее действительно показалось ему знакомым, хотя он и не дал себе труд хорошенько рассмотреть его при первой встрече.

— Кто ты? — спросил наконец Муртан, обратившись прямо к Галкарис.

— Мое имя Галкарис, — ответила девушка тихо. — Ты не можешь вспомнить, откуда я взялась, господин? Меня подарил тебе мой прежний хозяин, Грист. Тот, что рассказывал на твоём пиру о храме богини-кошки. Тот, с которым ты поспорил на все свое состояние... которому ты обещал разыскать потерянный в Песках Погибели камень — Кошачий Глаз.

Лицо Муртана прояснилось.

— Поэтому ты и показалась мне приятной, — сказал он. — Ну конечно, я помню, как он подарил тебя. Как-то раз я брал тебя в мою библиотеку и показывал тебе свитки. Ты внимательно слушала и, кажется, даже понимала, о чем идет речь. Мне еще тогда ты представлялась довольно смышленной — для женщины, разумеется.

Стражник, повинувшись кивку Муртана, с поклоном удалился. Муртан опять повернулся к девушке:

— Теперь объясни мне, как ты обзавелась всеми этими вещами, Галкарис.

— Я взяла их в твоём багаже, — бесстрашно ответила она.

— Но ведь это кража!

— О нет, мой господин, — возразила Галкарис. — Ты сам говорил мне, что одна собственность не может украсть другую собственность того же хозяина.

— Верно! — Лоб Муртана разгладился. Хорошее настроение вернулось к нему, и он снова потянулся

за ягодами. — Я действительно говорил нечто в таком роде... Итак, ты обзавелась мужской одеждой. Для чего?

— Для того, чтобы свободно гулять по городу.

— Разве ты не собиралась сбежать?

— Сбежать? Но зачем?

— Чтобы быть свободной!

— Мой господин, женщина никогда не бывает свободна. Ей всегда требуется защитник и покровитель, так пусть это будешь ты, добрый и щедрый, а не какой-то неизвестный, который, возможно, не будет ко мне так добр.

— С чего ты взяла, глупая женщина, что я буду добр к тебе? Ты рабыня, вздумавшая своевольничать! Так для чего тебе шляться по городу?

— Из любопытства.

— Разве тебя не устраивает жизнь, которую ведут все остальные мои девушки?

Помедлив, Галкарис все-таки решилась сказать ему правду:

— Мой господин, никакая рабыня не могла бы желать лучшей доли. Но мне нестерпимо скучно с этими женщинами. К тому же они все время жалуются на воображаемые недуги и все они недовольны мной и путешествием.

— Мои люди? — недоверчиво переспросил Муртан. — Ты хочешь сказать, что мои люди могут быть чем-то недовольны?

— Люди всегда чем-то недовольны, даже те, о которых ты заботишься.

— Сядь рядом, — кивнул Муртан. — Угощайся. Хочешь вина? Расскажи обо всем, что ты думаешь, Галкарис. Сдается мне, ты вовсе не так глупа... для женщины.

Галкарис совсем не хотела говорить о неприятном — о болтливых служанках, о мрачных стражниках, о глупых и бесконечных жалобах, которые ей приходилось выслушивать по тысячу раз на дню. Вместо этого она принялась рассказывать о разных чудесах, постречавшихся ей во время прогулок. Она так увлеклась, что сама не заметила, как прошло время. Уже стемнело, пора было отходить ко сну. Галкарис заснула на постели Муртана, и его, казалось, вполне устраивало это обстоятельство.

На следующий день они вновь двинулись в путь. Галкарис пришлось вытерпеть немало нападок от своих «подруг» по путешествию: каждая пыталась вызнать, о чем Галкарис разговаривала с их господином и что она такого сказала или сделала, если ее так выделили из числа прочих.

Девушка отмалчивалась. Больше всего на свете ей хотелось бы сейчас остаться в одиночестве.

* * *

Берега Стикса со стороны Шема выглядели довольно приветливо. По реке плыли лодки и баржи. В небольших деревнях жили смуглые люди. Целыми днями их можно было видеть работающими на полях, с мотыгами в руках: они разрыхляли непокор-

ную землю и неустанно поливали ее водой, чтобы выгнать из ее недр урожай.

Люди эти не казались ни веселыми, ни приветливыми. Муртана это, впрочем, не удивляло: он знал, что крестьяне по своей природе недоверчивы, ворчливы и всегда погружены в какие-либо заботы. Прежде он читал об этом в книгах, теперь же получил возможность полюбоваться на них собственными глазами.

Как всякий путешественник и книголюб, Муртан не слишком высокого мнения был о людях, работающих на земле. Такова уж их участь. Кто-то должен трудиться, чтобы все остальные могли есть. Так устроили боги.

Большинство встреченных путниками крестьян носили легкие сандалии, сплетенные из пальмового волокна, набедренные повязки и яркие платки, обматывающие голову, дабы уберечься от палящего солнца. Многие казались невероятно, неестественно худыми: скелеты, обтянутые черной сморщенной кожей. Но оболящаться на их счет не стоило: при малейшем подозрении насчет чужаков — что они-де могут покуситься на их собственность, — эти «ходячие скелеты» обнаруживали недюжинную силу.

Один из стражников убедился в этом на собственной шкуре.

Стоило ему протянуть руку, чтобы сорвать с дерева фигу и закусить, как на него налетела тощая женщина. Где она пряталась до сих пор — оставалось загадкой.

На матроне была только набедренная повязка. Ее сморщенные груди болтались, свисая едва ли не до пояса, руки были похожи на палки, а лицо — на печеное яблоко. Однако онахватила незадачливого парня по голове с такой силой, что он упал и потом весь день ехал на коне в полуобморочном состоянии: чернота так и плавала у него перед глазами.

Муртан не сказал по поводу случившегося ни единого слова. Стражник сам был виноват — он оказался неосторожен и имел глупость попасться.

Галкарис наблюдала и делала выводы...

Кое-что из увиденного казалось ей знакомым. Она и сама росла в бедности и знала, что голод и страх перед будущим делают людей жестокими.

Караван не спеша двигался вдоль Стикса. Муртан неустанно любовался пейзажами и размышлял о том, что недурно было бы найти художника, который по заказу хозяина изображал бы все увиденное на свитке. К сожалению, среди местных жителей трудно было заподозрить кого-либо в художественных наклонностях: ни один из этих крестьян не умел держать стилос в руках, не говоря уж о том, чтобы рисовать пейзажи. Да подобная мысль просто не приходила никому в голову!

«Я набрал полный караван прислужников и не позаботился о художнике! — сокрушенно размышлял Муртан. — А ведь стоило бы написать книгу о нашем великолепном путешествии».

Он утешал себя мыслью о том, что, возможно, сумеет описать свои приключения так выразитель-

но, что у читателей его будущей книги сами собою сложатся в голове яркие «картинки».

Муртан был так погружен в свои раздумья, что не сразу услышал громкие крики, раздавшиеся в голове каравана. Он поморщился: кажется, поездка превратила его вышколенных слуг в настоящих дикарей! Ведь только дикари кричат на скаку, когда несутся сломя голову и не разбирая дороги. (Об этом Муртан тоже читал в книгах).

Но крики становились все громче и звучали все назойливее, так что Муртан в конце концов очнулся от своей задумчивости и направил коня к месту, ставшему источником беспорядка.

Там творилось что-то странное. Народу стало гораздо больше, чем было изначально. Какие-то непонятные личности крутились среди слуг Муртана и, более того, затевали с ними ссору.

Затем конь Муртана споткнулся, и хозяин каравана с ужасом увидел лежащее на земле окровавленное тело. Он с трудом узнал начальника своей домашней стражи, так обезображено было лицо погибшего. Страшный удар саблей буквально рассек тому голову пополам.

«Разбойники!» Эта мысль пронзила Муртана, точно стрела, попавшая прямо в сердце.

Разумеется, Муртан знал о том, что по пути на богатый караван могут напасть. Для того он и обзавелся охраной. Но до сих пор путешествие протекало совершенно мирно и безопасно, так что в конце концов Муртану начало казаться, будто все эти раз-

говоры о грабителях ведутся нарочно для того, чтобы запугивать путников и выманивать у богачей побольше денежек для оплаты никому не нужных защитников.

Оказалось, что Муртан ошибался, а все те люди, которые пичкали его страшными историями, были совершенно правы.

Муртан и оглядеться не успел, как оказался в самой гуще сражения. Ошеломленный, он вертелся на коне, и всей его воли и ловкости хватало лишь на то, чтобы вовремя уклоняться от ударов или уходить от атакующих бандитов.

Разбойников было человек пятнадцать и все они, как казалось, принадлежали к тому же народу, что возделывал здешние поля. Очень смуглые, почти черные, очень худые и при том обладающие недюжинной физической силой, они атаковали бесстрашно и разили без всякой жалости.

Эти люди не боялись проливать кровь и, как представлялось, не испытывали никакого страха перед болью и смертью. Их интересовали богатства Муртана, и они намеревались отобрать у странствующего богача все: коней, повозки с добром, наложниц.

Муртан увидел, как рослый худой человек в красном тюрбане подлетел к одному из стражников и замахнулся саблей. Сталь ослепительно сверкнула на солнце. Муртан на миг зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что всадник мчится дальше, а стражник лежит на шее коня, бессильно уронив

руки. Из груди человека обильно текла кровь. Конь пугался, хрипел и косил глазами, переступая с ноги на ногу: он как будто не решался пуститься в галоп.

Кругом царили шум и суматоха. Женщины визжали, пытаясь убежать. С громким смехом разбойники догоняли их, сбивали с ног, но старались не причинять вреда. Предводитель бандитов схватил одну из наложниц Муртана и посадил на коня позади себя. Чтобы не упасть и не разбиться, девушка вынуждена была обхватить своего похитителя за талию, а он, с дополнительной ношей на коне, продолжал свою кровавую охоту. Его невольная спутница вынуждена была смотреть, как ее новый господин убивает знакомых ей людей. Она не визжала, не кричала и не плакала, по своему опыту зная, что это не помогает, но лишь еще пуще сердит господ. А прогневать такого господина, как этот безжалостный убийца, означало обречь себя на верную смерть. Поэтому она крепко зажмурилась и прижалась к его горячей спине, постаравшись выбросить из головы все мысли.

Несколько девушек все-таки погибли — их на смерть затоптали кони в горячке битвы.

Муртан наконец очнулся от оцепенения. Сгорая от стыда за свою нерешительность, он выхватил меч — оружие, скорее, декоративное, нежели боевое, — и кинулся на бандитов.

Схватка была неравной. У Муртана не было ни опыта, ни умения. Он просто рубил налево и направо и по возможности избегал ответных ударов. Но он знал, что продержится так недолго. Скоро его

либо убьют, либо оглушат, и тогда его участью станет горькое рабство.

Разбойники уже уничтожили большую часть защитников каравана. Муртан был для них незначительной помехой. Пока один или двое сдерживали натиск разъяренного молодого человека, остальные преспокойно грабили караван прямо у него на глазах.

Многие, похватав добычу, уже скрылись, другие все еще копались в сундуках, бесцеремонно выбрасывая наружу яркие шелка, сверкающую посуду, украшения и красивое оружие.

Муртан вступил в поединок с молодым бандитом, который совершенно явно забавлялся этим боем. Для Муртана же речь шла о жизни и смерти. Однако игривое настроение противника оказалось для Муртана сейчас как нельзя кстати. Более опытный и мрачный бандит попросту покончил бы с этим щеголем одним ударом. Молодой же бандит давал Муртану шанс.

Игра продолжалась уже несколько терций. Бандит с широкой белозубой улыбкой на смуглом лице кружил вокруг Муртана, то уклонялся гибким, почти танцевальным движением от неловкого выпада, то сам наносил удар и смеялся, видя, что кончик сабли прочертил кровавую линию как раз там, куда прицеливался разбойник. То на щеке, то на плече, то на груди Муртана появлялись новые болезненные царапины. Вся его одежда пропиталась кровью.

От боли Муртан разъярился. Он ощутил вдруг, как красный туман застилает ему глаза. Он не су-

мел никого защитить! Он не спас ни одного из тех, кто последовал за ним. Что ж, по крайней мере, он постарается продать свою жизнь подороже.

Муртан вспомнил все те уличные драки, в которые он ввязывался в юные годы, когда был еще шалопаем, завсегдаем кабаков с сомнительной репутацией.

В те времена ему случалось драться довольно жестоко... Но все это осталось в прошлом. И к тому же в тех случаях противник не стремился непременно его убить.

Муртан с ужасом увидел, как на лице бандита появляется предвкушающая ухмылка. Очевидно, что игра уже надоела разбойнику, и он вознамерился покончить с Муртаном. Следующий удар будет последним, и Муртану не удастся ни увернуться, ни парировать.

Муртан еще попытался подготовиться. Он поднял меч, развернулся к бандиту боком. Но все было напрасно. В черных глазах своего врага Муртан прочитал собственный смертный приговор. Опытный боец будет точен и безжалостен.

И вдруг в мгновение ока все изменилось. Лицо разбойника исказилось, торжествующая улыбка сменилась гримасой боли. Сабля выпала из поднятой руки, задев при падении бок коня. Животное прянуло и присело на задние ноги. Бандит мотнулся в седле и откинулся головой на круп коня.

Тогда Муртан увидел, что из горла разбойника торчит кинжал.

А за спиной убитого Муртан разглядел и хозяина кинжала — рослого широкоплечего человека с расгребанными черными волосами. Синие глаза незнакомца взирали на картину смерти с удивительным хладнокровием. От него как будто исходил холод, и, несмотря на царившую здесь жару, Муртан ощутил, как ледяные мурашки побежали у него по коже.

Мельком глянув на Муртана, незнакомец одним прыжком приблизился ко второму разбойнику и ударом меча снес ему голову. Третий побросал награбленное добро и схватился за оружие. Незнакомец громко рассмеялся. В воздухе опять зазвенела сталь. Незнакомец оказался чрезвычайно стремительным и гибким. Подобная быстрота казалась неестественной, почти невозможной, особенно если учесть сложение незнакомца — массивное, тяжелое.

Третий противник смог оказать ему лишь короткое сопротивление. Незнакомец парировал несколько ударов саблей, а затем ударил своего соперника ногой. Тот не удержался и полетел на землю. Быстрый взмах длинного меча — и разбойник уже корчился в луже крови. Обе его руки, отрубленные по локоть, валялись поблизости, одна все еще сжимала саблю.

Чужак повернулся спиной к изуродованному, умирающему человеку и уставился на Муртана.

— Кто ты? — спросил он спокойно и властно.

Муртан назвал свое имя. Незнакомец терпеливо ждал, и Муртан понял, что обязан рассказать о себе большее.

— Богач из Кордавы, — задумчиво повторил незнакомец. — Далеко же ты забрался... И зачем ты взял с собой все эти ненужные вещи?

— Они помогали мне скрашивать путешествие, — ответил Муртан. Его зубы постукивали. Неожиданно его охватила дрожь: казалось напряжение последнего часа, да и раны вдруг разом дали о себе знать.

— Все твои люди погибли? — спросил чужак.

— Не знаю.

— Это банда Бейрана, — сказал незнакомец. — Странно, что ты не принял мер заранее. Разве ты не слышал о том, что путешественники подвергаются опасности? Тебя не предупреждали о разбойниках?

— Как тебя зовут? — Муртан с трудом ворочал языком, зубы его стучали.

— Меня зовут Конан из Киммерии, — был ответ. — Ты не ответил на мой вопрос.

— Мне холодно, — пробормотал Муртан.

Конан посмотрел на солнце, ярко пылавшее на мутно-фиолетовом от жары небосклоне, и ничего не ответил. Он отошел от Муртана и принялся бродить по месту побоища.

Зрелище было страшным, неутешительным. Повсюду валялись перевернутые повозки. Несколько лошадей бились на земле, и Конан быстрым ударом меча прекратил страдания животных. Другие лошади бродили с мертвыми всадниками в седлах или вовсе без всадников. Конан поймал всех и привязал. Тела погибших он собрал и сложил в кучу.

Один из стражников Муртана слабо пошевелился. Киммериец сразу заметил это и присел рядом. Человек умирал, но был еще жив. Конан взял его руку в свою и вложил в слабеющие пальцы рукоять меча.

Губы умирающего шевельнулись. Конан сказал, догадавшись о так и не заданном вопросе:

— Я друг. Твой хозяин жив, ты спас его.

Стражник глубоко вздохнул, его пальцы сильнее сжались на рукояти, и он затих навсегда.

Конан встал, огляделся. Все мертвецы были собраны. Теперь предстояло предать их тела огню. И сделать это следовало прежде, чем заботиться о живом: на такой жаре оставлять мертвецов было попросту опасно.

Конан взялся за дело. Муртан безучастно следил за тем, как киммериец обкладывает трупы хворостом и поджигает. Пламя огромного костра поднялось высоко в небо. Муртану казалось, что глаза его лопнут и вытекут, а волосы превратятся в прах, — таким мощным был жар. Но Муртан не двинулся с места.

Кони беспокойно двигали ушами. Их тоже тревожил костер.

Киммериец стоял возле самого костра, точно бронзовая статуя, невозмутимо наблюдая за тем, как погибшие навсегда исчезают в смутном сердце огня. «Возможно, он молится, — подумал Муртан. — Во всяком случае, он выглядит как человек, который точно знает, что нужно делать».

Но Муртан ошибался. Конан не молился. Он редко вспоминал о киммерийском божестве — Кроме, ведь и Кром нечасто обращал свое божественное око на людей. Лишь в момент рождения будущий мужчина получал от Крома все необходимые дары — силу, волю к жизни и способность владеть оружием; а затем человек оставался один на один с целым миром. И нет никакого смысла в том, чтобы взывать к божеству и о чем-либо просить его. Бог не услышит.

Муртан, незнакомый с суровой теологией киммерийцев, бормотал какие-то молитвы, обращаясь то к Белу, то к Бэлит... Но все это звучало неубедительно и жалко и в конце концов Муртан прекратил бессвязные монологи.

Как будто угадав это, Конан резко отвернулся от дгорающего костра и подошел к спасенному.

— Тебя зовут Муртан, — повторил киммериец, — и ты идешь из Кордавы. Кто еще был с тобой, кроме этих бедолаг?

— Женщины, — с трудом отозвался Муртан.

Киммериец поморщился, как будто раскусил что-то тухлое.

— Ну конечно, — буркнул он, — разве такой изнеженный дурак сможет путешествовать без женщин! И где теперь твои женщины? Я видел несколько мертвых.

— Оставшиеся — у бандитов, — сказал Муртан. — Их, вероятно, продадут. Для них в этом не будет ничего нового. Среди моих спутниц не было свободных.

Конан вздохнул.

— Снимай одежду, — приказал он. — Нужно посмотреть, сильно ли тебя поранили.

— Думаю, несильно, но болит.

— Снимай одежду! — рявкнул киммериец.

Муртан скинул пропитанную кровью рубаху. Киммериец обер его бок и грудь этой же самой рубахой, не обращая внимания на стоны, которые испускал раненый.

— В самом деле, просто царапины, — заявил наконец Конан. — Не понимаю, что это ты так трясешься. Уж не лихорадка ли у тебя? На, выпей.

И он сунул своему новому спутнику флягу с каким-то крепким отвратительным на вкус пойлом. Муртан глотнул и закашлялся. Однако спустя миг он понял, что напиток подействовал чудесным образом: дрожь улеглась, по жилам разлилось тепло, и даже как будто спокойствие и душевный мир вернулись к незадачливому богачу.

Конан отобрал у него флягу.

— Тебе полегче? Одевайся. Найди что-нибудь приличнее среди вещей. Тут много разбросано.

Муртан заставил себя встать на ноги. В одном из сундуков он отыскал чистый халат и с удовольствием набросил его на плечи. Прохлада шелка ласкала кожу после обжигающих лучей солнца.

Конан рассматривал оружие, сваленное им в кучу. Лишь немногие из погибших удостоились чести быть погребенными с их саблями и кинжалами, — только те, кто погиб не выпуская рукояти из руки.

Другие же, давшие себя зарезать, как телята, отправились в Серые Миры безоружными. Так они предстанут перед богами — и пусть боги гадают, кто им явился, мужчины или трусливые женщины!

Наконец киммериец выбрал длинный тонкий меч и протянул Муртану.

— Возьми. Мне кажется, тебе это по руке.

Муртан послушно взял меч, взмахнул несколько раз, улыбнулся.

— У меня болит все тело, — признался он. — Я не могу судить о том, подходит ли мне это оружие.

— Я могу, — сказал Конан. — О таких вещах я могу судить даже с закрытыми глазами. Ты должен научиться защищать себя. Куда ты направлялся?

— В Стигию.

— Ты глупец, — заявил киммериец.

— Возможно... Но в Стигии у меня важное дело.

— Таких, как ты, в Стигии ожидает только одно дело — смерть.

Конан повернулся с явным намерением уйти. Муртан отчаянно закричал ему в спину:

— Подожди! Не бросай меня! Раз уж ты меня спас, не дай мне умереть.

— Я оставил тебе коней, ты можешь продать их в любой из деревень и выручить достаточно денег, чтобы добраться до моря, — заметил Конан. — А там ничего не стоит наняться на корабль, который доведет тебя до Кордавы. По-моему, ты вполне в состоянии позаботиться о себе и сам, без няньки.

Муртан вздохнул и не произнес больше ни слова.

С видом обреченного на смерть он следил за тем, как киммериец отвязывает лучшего из коней, спокойно садится в седло и уезжает прочь. Скоро уже рослый варвар скрылся из виду, а Муртан все сидел на месте, возле постепенно остывающего погребального костра, и смотрел в одну точку.

* * *

Галкарис не закрывала глаз, когда кругом шла резня; напротив, она приказывала себе смотреть. Слезы подчас мешали ей, но она сердито смахивала их с лица. Она должна запомнить все, что произошло! Ей казалось, будто она не участник события, а сторонний наблюдатель, и страшные картины, разворачивающиеся сейчас перед нею, — нечто вроде театрального представления. Будоражит, пугает, но никак не задевает.

И вдруг, в одно мгновение, все переменялось. Из зрителя Галкарис превратилась в жертву.

Какой-то человек, совершенно незнакомый, с потным черным лицом, с мокрыми морщинами вокруг глаз и рта, с гнилыми зубами, оскаленными в усмешке, — все эти детали накрепко запечатлелись в памяти девушки, — наклонился над нею и схватил.

Она вскрикнула, пытаясь отбиваться, но он несколько раз ударил ее по лицу, и девушка обмякла, обвисла в железной хватке разбойника. Негодяй поднял ее на коня и устроил позади себя, а затем, ударив пятками скакуна, громко заверещал и кинулся в атаку.

Перед глазами пленницы замелькали картины безжалостного избиения. Люди падали один за другим. Один раз похититель Галкарис, не рассчитав в горячке боя (а может быть, и просто от прирожденной жестокости), зарубил женщину. Это была та самая наложница, которая играла на маленькой арфе в спальне Муртана, когда туда привели Галкарис. Женщина даже не вскрикнула, когда сабля опустилась ей на голову и буквально снесла половину ее лица.

Разбойник не стал останавливаться для грабежа. Казалось, он заполучил то, ради чего и ввязался в это нападение.

Вместе с избитой, перепуганной девушкой он умчался прочь, и скоро Галкарис очутилась в небольшой роще. Там разбойник спешил и снял с коня свою добычу. Он действовал не торопясь, уверенно. Галкарис показалось, что он не в первый раз занимается подобным делом.

Сперва он швырнул свою пленницу на землю и, вбив в почву четыре колышка возле ее рук и ног, накрепко привязал ее ремешками. Тонкие сыромятные ремни впились в кожу. Малейшее движение причиняло боль, поэтому Галкарис после нескольких тайных попыток освободиться лежала очень тихо.

Казалось, разбойник прекрасно знал все, что с ней происходит. Конечно, сперва она попробует выдернуть колышки, а затем — порвать ремни. Что ж, каждый такой поступок будет жестоко наказан.

А он тем временем займется ужином.

Разбойник снял со своего коня седло и узду и пустил животное пастись, а сам развел огонь и вытащил из седельных сумок флягу с водой и половину лепешки.

Галкарис следила за ним голодными глазами. Впрочем, она страдала сейчас не столько от голода, сколько от жажды. Разбойник, разумеется, знал и об этом.

Он спокойно ел и пил на глазах у своей пленницы. Покончив с трапезой, он повернулся наконец к ней.

— Что ж, дорогая, ты, как я вижу, проголодалась. Я понимаю твое нетерпение. Но вот я, твой новый господин, утолил свои главнейшие желания. Ты осталась мне на закуску. Будь со мной ласкова, и получишь питье. А если ты мне понравишься, то, пожалуй, я угощу тебя лепешкой. Тем, что от нее осталось.

Он спустил штаны и навалился на пленницу. Она едва не задохнулась. Его прикосновения были отвратительны и грубы, но хуже всего оказались его поцелуи: слюнявые губы разбойника жевали щеки и рот девушки, от них пахло гнилью, как будто ее пытались целовать труп. Она закатила глаза и потеряла сознание.

Когда Галкарис пришла в себя, все уже было кончено. Разбойник сидел на земле, не удосужившись одеться как следует, и пил из фляги. Как ни мучилась Галкарис от жажды, сама мысль о том,

чтобы пить из той же посуды, что и ее отвратительный мучитель, была невыносима. Она отвернулась.

Он не развязал ее. Галкарис поняла, что он собирается ночевать в этой же роще. А пленнице придется спать на земле, так, как привязал ее похититель, — с раскинутыми руками и ногами.

Она закрыла глаза. Если ночью кому-нибудь придет фантазия перерезать ей горло, она не сможет даже крикнуть.

Галкарис провалилась в крепкий сон. Испытания минувшего дня совершенно измучили ее, и она чувствовала себя обессиленной.

Среди ночи, однако, сон ее прервался. Она открыла глаза, боясь лишний раз пошевелиться, и увидела чей-то силуэт на фоне звездного неба. Огромный мужчина бесшумно двигался по роще. Несколько раз он останавливался и как будто оглядывался. Галкарис слыхала о том, что существуют люди, способные видеть в темноте, но сама она прежде никогда таких людей не видела. Очевидно, незнакомец — из числа этих немногих. А может быть, он не человек, а какой-нибудь дух. Близость Стигии делала появление подобного демона — или бездомного божества — вполне возможным. Если верить рассказам, Стигия просто кишит чудовищами.

От ужаса у Галкарис пресеклось дыхание. Но человек — если только это был человек — уже услышал ее. А может быть, и увидел.

Он еле слышно прошептал:

— Лежи смирно.

Как будто она имела возможность лежать как-то иначе! Она еле слышно выдохнула и снова затаила дыхание.

Человек осторожно пересек поляну и остановился над спящим разбойником. Затем наклонился на миг, как будто хотел проверить, глубоки ли его сон, и снова выпрямился.

— Ну вот, — неожиданно в полный голос заговорил незнакомец, — а теперь, пожалуй, можно тебя освободить.

Галкарис вздрогнула, и ремешки тотчас впились в ее запястья. Она не удержалась и простонала сквозь зубы.

Незнакомец ловко перерезал путы и предупредил:

— Не вставай сразу, не то будет больно.

Он взял ее руки в свои и начал растирать.

— Как тебя зовут?

— Галкарис.

— Мое имя Конан, — представился чужак. — Кажется, я видел твоего бывшего хозяина. Муртан — так его имя?

— Он жив? — спросила девушка.

— Когда я уходил от него, он был живехонек, только немного поцарапан, — сообщил Конан. — Глядел на десяток лошадей и думал, как бы ему не помереть с голоду.

— Ты оставил его?

— Разумеется. Но вместе с ним я оставил пару дельных советов.

— Как тебе показалось, — тихо спросила Галкарис, — он сумеет воспользоваться твоими дельными советами?

— Вряд ли это должно меня беспокоить, — отозвался Конан. — Он не уберет ни одну из своих женщин. Если бы я не забрел в эту рощу, тебя ожидала бы очень печальная участь.

— Она и так... достаточно печальна, — сказала Галкарис.

— Теперь уже нет. — Конан выпустил ее руки. — Легче? Попробуй пошевелить пальцами.

Девушка повиновалась.

— Руки слушаются, спасибо тебе.

— Теперь растирай себе ноги, а я поищу съестное.

— Я не стану доедать за ним, — с содроганием произнесла Галкарис.

— Почему? — в тоне киммерийца прозвучало искреннее удивление.

— Потому что он... слюнявый.

Конан расхохотался. Его здоровый веселый смех спугнул какую-то ночную птицу, и та с недовольным пронзительным криком улетела. У Галкарис отлегло от души. Ей показалось, что киммериец спас ее не в тот миг, когда зарезал спящего бандита, а именно сейчас, когда рассмеялся — так беспечно и радостно, как будто на земле никогда не происходило ничего печального или грязного.

— Я найду такую еду, к которой он еще не прикасался, — обещал наконец Конан. — Тут поблизос-

ти есть родник. Когда сможешь встать на ноги, я отведу тебя к воде. Умоешься и напьешься.

Чуть позднее киммериец спросил:

— Ты влюблена в этого Муртана?

Галкарис задумалась. Вопрос показался ей серьезным. Наконец она сказала:

— Он мой хозяин.

— Это не ответ! — запротестовал Конан. — Я интересовался другим: хочешь ли ты, чтобы он стал твоим мужчиной.

— А ты... можешь это устроить? — нерешительно спросила она.

— Разумеется, — бросил Конан небрежно. — Я ведь только тем и занимаюсь. Подбираю любовников для девчонок, которых украли и изнасиловали слюнявые разбойники. Что-то вроде странствующей свахи. У нас есть даже своя богиня, и храм, и мы приносим ей в жертву неудавшихся женихов...

— Все гораздо серьезнее, — произнесла девушка. Разговоры о богинях и храмах вернули ее мысли к цели путешествия, предпринятого Муртаном. — Мой хозяин — хороший человек. Он изнежен и немного капризен, но это понятно, ведь он ужасно богат и живет в собственном дворце. Зато он очень добр и щедр. И еще он любит читать. Он даже рассказывал мне об одной стигийской богине...

Слово за слово — девушка поведала киммерийцу историю спора, возникшего между Гристом и Муртаном.

— Грист коварен и подл, — горячо говорила Гал-

карис. — Я уверена, что он давно обдумывал, как ему стать наследником какого-нибудь богатея. И он нашел способ.

— А тебе не все ли равно? — удивился Конан. — Ведь это не твои богатства.

— Муртан мне нравится... — призналась девушка.

— Итак, мы вернулись к тому, с чего начали наш разговор, — заявил Конан. — Муртан тебе нравится, он тебе дорог, и ты хотела бы стать его женой.

— Это уж слишком! — девушка вспыхнула, и Конан догадался об этом, несмотря на темноту. Она услышала, как киммериец хмыкнул.

— Не слишком. Ты красива, отважна и, полагаю, сообразительна, — сказал киммериец. — Так и быть, поищем завтра твоего Муртана. Мне самому интересно, что он выбрал: вернуться назад, как ему посоветовал знающий человек, или все-таки пойти вперед, невзирая ни на какие опасности.

Галкарис схватила его за руку и прижалась к ней лицом.

— Скажи, что ты решил? — прошептала она.

— Если он двинулся к морю, я пожелаю ему доброго пути, — ответил Конан. — А если он все-таки ищет дороги в Стигию, я... я помогу ему. Как, ты сказала, называется этот драгоценный камень? Кошачий Глаз? Как, по-твоему, дорого ли за него дадут в Кордаве?

* * *

Как ни странно, он хорошо и крепко выпался. Муртан пробудился с первыми лучами солнца. Есть ему не хотелось, поэтому он ограничился несколькими глотками воды и уселся на одного из коней. Второго он повел в поводу.

Начался новый день, и этот день был совершенно не похож на все предшествующие. Теперь Муртан путешествовал один. Никто не защищал его, никто за ним не ухаживал, никто не ссорился из-за его благосклонности. Он ни за кого не отвечал и был предоставлен сам себе.

«Наверное, это свобода, — думал Муртан. — Однако мне что-то страшновато... Полагаю, к этому нужно привыкнуть. В юности со мной случалось нечто похожее. Но все-таки тогда я находился в родном городе, среди людей, и у меня были друзья и родственники, к которым я мог бы обратиться...»

Теперь берега Стикса не казались ему такими уж живописными, и мысли о художнике, который нарисовал бы для него пейзаж, больше не приходили Муртану в голову. Он был озабочен куда более простыми вещами: где достать пищу, где переночевать, как перебраться на противоположный берег и достичь, наконец, цели путешествия. Словом, из богача с причудами Муртан превратился в самого обыкновенного странника, такого же незащищенного перед невзгодами и злыми людьми, как и любой бездомный путник в этом мире.

Муртан осознавал это превращение и не слишком печалился из-за него. Если что-то и огорчало

молодого человека, так это гибель его слуг. Ему было жаль людей, умерших из-за него.

«С другой стороны, — подумал Муртан, — я не могу позволить себе роскошь долгой печали. У меня есть куда более насущные заботы. И к тому же все эти люди нанялись ко мне совершенно свободно. Что до женщин — что ж, участь наложниц такова. Иногда они меняют хозяев, но никогда — судьбу и образ жизни...»

Лучшим утешителем в подобных случаях всегда служат новые невзгоды. Муртан ехал на коне, выматривая, нет ли поблизости хорошей переправы. Река неустанно катила свои мутные воды по равнине, и что-то зловещее чудилось в ней. Там, на другом берегу, простиралась Стигия, страна таинственных богов, жестоких жрецов, кровавых жертвоприношений, тайн, погребенных в заброшенных храмах.

Ни на одно мгновение у Муртана не возникло желания отступить от первоначального замысла. Он не сдастся, не откажется от своего плана! И дело вовсе не в том, что Муртану жаль богатств, оставленных в Кордаве. И уж точно не в том, что ему хотелось лишить жизни коварного Гриста — а в злонамеренности этого «приятеля» Муртан уже давно не сомневался.

Нет, просто Муртан был упрям и не привык к поражениям. Да и к чему обзаводиться столь дурными привычками?

Он остановил коня, потому что ему вдруг показалось, что кто-то следит за ним, следуя по пятам.

Муртан огляделся по сторонам, но никого не заметил. Это было странно.

Впрочем, что в путешествии по долине Стикса не было странным? Уже одно то удивительно, что Муртан сумел забраться так далеко.

Если верить старой карте, которую Муртан тысячи раз рассматривал в своей библиотеке, то двигаясь к югу он доберется до города Луксур. Напротив Луксура наверняка существует хороший надежный мост, так что можно будет покинуть Шем и очутиться наконец в Стигии.

Что ж, лучше такой неопределенный план, чем вовсе никакого. Муртан снова двинулся в путь.

Он проехал совсем немного, когда стало очевидным, что его все-таки выслеживают. Чей-то взгляд непрерывно буравил его затылок. Муртан ощущал этот взгляд на себе так явственно, как будто некто прикасался к нему рукой.

Он остановил коня и обернулся. Никого. Но теперь путник уже не даст себя обмануть.

Привстав в стременах, Муртан громко крикнул:
— Кто здесь?

Ответа не последовало. Муртан вытащил из ножен длинный тонкий меч, который предложил ему Конан, и приготовился защищаться. Он не сомневался в том, что нападение последует в любое мгновение.

Почуяли неладное и забеспокоились кони. Порыв ветра, очевидно, донес до них какой-то чуждый запах.

Это насторожило Муртана куда больше, чем взоры невидимого соглядатая. Если бы лошади уловили присутствие человека, они не тревожились бы так сильно. Нет, кто-то другой скрывался в прибрежных кустах.

Муртан спешил. Он не чувствовал себя достаточно умелым наездником, чтобы управлять перепуганной лошастью и одновременно с тем разить врага. Лучше уж встретить опасность уверенно стоя на земле.

Кони бросились бежать, едва лишь их отпустили. Муртан закрылся мечом и приготовился.

Небо как будто потемнело, яркое солнце на миг скрылось за мимолетным облачком. И тут кусты сильно зашумели, и прямо перед Муртаном очутились два странных существа.

Они были крупными, раза в полтора больше обычного человека. Издалека их можно было бы принять за горилл, стоящих, опираясь на мускулистые руки, сжатые в кулаки. Их спины были покрыты жесткой шерстью, а вдоль хребта росли черные, торчащие вверх иглы.

Их длинные хвосты, также покрытые иглами, мерно ударяли по земле. Зловещее гудение распространилось вокруг. Самый воздух вибрировал и дрожал, наполняя душу безотчетным ужасом.

Муртан стиснул зубы и услышал, как они хрустнули. Он — образованный, цивилизованный человек! Он не позволит каким-то жутким существам запугать себя.

Но ему было страшно, и ничего не свете он так сейчас не желал, как возможности очутиться у себя дома, в Кордаве. О, если бы между ним и этими чудищами легли Рабирианские горы и сотни лиг пути!

Он избегал смотреть на морды своих врагов. Черные, сморщенные, с белоснежными клыками, наползающими на губы, с большими, круглыми, удивительно светлыми глазами, — эти «лица» до странного напоминали человеческие. И в то же время ничего человеческого не было в их взгляде — холодном взгляде хищника.

Удары шипастыми хвостами по земле становились все сильнее и чаще, и вдруг один из шипов вырвался из хвоста. словно пущенный из катапульты дротик, он полетел прямо в Муртана.

Тот не ожидал подобного способа атаки. Игла пробила Муртану плечо, к счастью, не задев кость, и выскочила наружу.

Муртан ошеломленно смотрел на кровь, бегущую из его левой руки. Только этого не хватало! А если эти стрелы еще и ядовитые? От одной мысли о яде Муртана бросило в дрожь. В таком случае он обречен: никто здесь не найдет его, никто не придет ему на помощь. Местные крестьяне, как и любые другие, не жалуют чужаков. А в том, что Муртан чужак, сомнений ни у кого не возникает: оливковый цвет кожи, разрез глаз, манера подстригать бороду — все выдает в нем зингарца, а не шемита.

Превозмогая боль, Муртан увернулся от следующей стрелы. Он упал на землю и покатился, а там,

где только что находился человек, тотчас вырос целый лес острых игл. Если бы Муртан не сумел уйти от атаки, он бы сейчас лежал, буквально пришитый к мягкой прибрежной почве. И только богам известно, как поступили бы с беспомощным пленником клыкастые существа.

Ловкость жертвы, которая, как считали монстры, уже находилась полностью в их власти, разъярила их. Они яростно застучали кулаками и хвостами. До Муртана донеслось грозное горловое рычание.

Он в отчаянии сжал рукоять меча. Это оружие, как представлялось Муртану, было сейчас полностью бесполезно.

Но тут он сделал одно открытие: запас игл, созревших достаточно для того, чтобы их метнули в предполагаемую жертву, был у чудовищ ограничен. И сейчас, похоже, таких игл у них больше не оставалось.

Муртан приподнялся, стоя на коленях, и почти возле самого лица увидел оскаленную морду. Чудовище подобралось к нему незаметно, сделав единственный бесшумный прыжок. Второе поджидало в отдалении, постукивая по земле хвостом и наполняя воздух гудением и тихим рыком.

Прямо в глаза Муртана смотрели тихие светлые глаза, и в глубине зрачков человек вдруг разглядел собственное отражение: дрожащий, скособоченный рот, беспомощно мигающие веки... Жалкое зрелище!

Муртан вскрикнул и ударил чудище мечом. Но оно, проявив поразительную ловкость, увернулось и

в свою очередь ответило Муртану тычком, от которого человек покатился по земле еще дальше. Он стукнулся головой о выступающий корень какого-то растения и на несколько мгновений потерял сознание.

А затем увидел, что оба чудища склонились над ним. Длинная тягучая слюна кашнула с синеватого языка, показавшегося между клыками...

* * *

— Он прошел здесь, — показал Конан.

Галкарис наклонилась в седле, рассматривая след, затем перевела взгляд на своего спутника.

— Он все-таки смелый, — произнесла она тихо. — Решил продолжать путь в одиночку.

— По правде говоря, выбор у Муртана был небогатый, — заметил Конан небрежно, — и двигаясь вперед он рискует ничуть не больше, чем возвращаясь назад. Здесь каждый шаг может стать последним.

Варвар призадумался и прибавил:

— Впрочем, это касается не только путешествия в Стигию. Я знавал нескольких богачей, которые не покидали собственных домов и всегда появлялись в окружении надежной охраны. И что же? Один из них сломал шею в своей спальне, а другого зарезал ловкий вор, которому нипочем были ни стены, ни засовы, ни стражники...

Он не позволил Галкарис высказать предположение о том, кем на самом деле мог оказаться этот «ловкий вор», и продолжил:

— А здесь Муртан остановился... Наверное, заподозрил что-то неладное.

Девушка вдруг обеспокоилась.

— А разве происходило что-то неладное?

— Еще как! — подтвердил киммериец. — Взгляни на эти кусты. В них кто-то прятался. Кто-то довольно массивный. Возможно, грабители... если не что-нибудь похуже.

Галкарис посмотрела на киммерийца недоуменно. Кажется, ей трудно было представить себе что-то, что было бы хуже грабителей. Но Конан хорошо знал, о чем говорит.

— Полюбуйся лучше на эти следы, — показал он. — Их оставил не человек. И не конь. Это какое-то другое существо...

— Леопард? — замирающим голосом предположила Галкарис.

— Леопард не охотится днем... Твой хозяин не рассказывал тебе, девочка, о том, что Стигия кишит чудовищами?

Конан ухмыльнулся и вытащил длинный широкий меч, который возил в ножнах за спиной.

— Сдается мне, сейчас ты с ними встретишься... Что бы ни случилось, не выскакивай вперед и постарайся удержаться в седле. Если ты побежишь, то — кто знает? — можешь угодить в лапы других монстров. Держись рядом со мной. Поняла?

Галкарис смотрела на Конана широко раскрытыми глазами, в которых плескал ужас.

— Ты поняла? — настойчиво повторил он.

Она кивнула.

— Вот и хорошо.

Киммериец тронул коня и двинулся вперед. Теперь он ехал очень осторожно, постоянно останавливался и прислушивался.

Затем на лице варвара показалась хищная, предвкушающая улыбка. Он блеснул зубами, синие глаза его вспыхнули.

— Вперед!

Галкарис задохнулась при виде картины, открывшейся перед ней: пропитанная кровью земля и десятки острых игл, торчащих из травы, говорили о том, что здесь было совершено нападение и что нападение это увенчалось успехом.

Кругом виднелось множество следов. Какие-то существа топтались на месте... возможно, пожирая добычу.

Девушка ахнула, слезы побежали по ее щекам. Теперь она плохо видела... может быть, временная слепота оказалась к лучшему.

Она услышала боевой клич киммерийца:

— Кром!

Конан во весь опор мчался навстречу двум чело-векоподобным существам. Они с неестественной скоростью бежали к нему навстречу. Галкарис потрясенно видела, что передвигаются они не на двух ногах, а на четырех, опираясь на руки при каждом прыжке и сильно отталкиваясь от земли хвостом. Иглы на их загривках и вдоль хребта стояли дыбом, глаза пылали адским огнем.

С диким криком киммериец ударил одного из них мечом. Раздался оглушительный звон. Сталь лишь слегка поцарапала шкуру зверя. Зарывав, не хуже чудища, киммериец развернул коня и снова понесся на своих врагов.

Теперь он метил в глаз чудовищу. Как будто угадав намерение человека, оно вдруг остановилось, присело и резко стукнуло хвостом по большому твердому корню, торчащему из земли. Одна из игл выскочила наружу и со свистом устремилось к киммерийцу.

— Берегись! — закричала Галкарис.

Она сама не знала, почему у нее вырвался этот возглас: киммериец и сам понимал, что требовалось быть очень осторожным и что чудовища крайне опасны. Но девушка просто не могла оставаться в стороне. С пронзительным криком — больше похожим на обычный женский визг, нежели на грозный боевой клич, — она поскакала к монстрам.

Второе чудовище развернулось к ней навстречу. Оно явно понимало, что перед ним — более слабый противник. И к тому же, кажется, оно видело, что Галкарис — женщина. Галкарис могла бы поклясться, что морда чудовища поменяла выражение. Сви-репая ухмылка сменилась сладострастной, из углов рта потекли слюни. Монстр явно погрузился в мечты о том, что он сделает с этой «самкой».

Мысль передалась Галкарис. Картины, возникшие при этом в ее сознании, были такими отвратительными и ужасными, что девушка закричала, точно от

боли. Красные вспышки замелькали у нее перед глазами. Она едва не падала без чувств. И все же последним усилием воли она все-таки бросила камень/откуда он взялся?/, который сжимала в кулаке, и угодила монстру в переносицу.

Зверь зарычал, припадая к земле. Игл у него у же, по счастью, не оставалось, но и лапы с когтями, и зубы, и мускулистые руки были достаточно страшны. Впрочем, убивать Галкарис не входило в намерения монстра. Он желал похитить ее, чтобы вдоволь насладиться обладанием.

С трудом добившись повиновения от перепуганного животного, Галкарис развернула коня и поскакала прочь. Монстр побежал следом, с каждым новым прыжком приближаясь к своей жертве.

Между тем Конан спрыгнул на землю и принялся кружить вокруг своего противника. Монстр знал, где у него уязвимое место, и потому постоянно опускал веки, так что Конану никак не удавалось поразить его мечом.

Киммериец присел перед чудовищем на корточки и зарычал, не хуже дикого зверя. Монстр отпрянул, явно растерянный. В то же мгновение левой рукой Конан вырвал из земли одну из игл и с силой метнул ее прямо в зрачок монстра.

Киммериец отдавал себе отчет в том, что одна игла, даже вонзенная в глаз, не убьет чудовище. Но она мешает ему моргать.

Так и произошло. Испуская душераздирающие вопли, от которых, казалось, вот-вот лопнут бара-

банные перепонки, монстр лупил вокруг себя руками и ногами и слепо вертел мордой в поисках противника. Его челюсти лязгали, хватая воздух.

Конан громко хохотал, выкрикивая свой боевой клич:

— Кром!

Затем он схватил меч обеими руками и вогнал его в глаз чудовища. На сей раз лезвие вошло в живую плоть. Сталь пробила мозг чудовища и застряла в голове. Конану пришлось упираться ногой в голову мертвого монстра, чтобы освободить свой меч.

Он огляделся и увидел, что Галкарис пытается ударить от второго монстра, который вот-вот настигнет беспомощную девушку. Киммериец вскочил и понесся по траве.

Он бежал очень быстро, но догнать монстра было не под силу даже ему. Тогда Конан остановился и закричал:

— Галкарис! Скачи сюда! Сюда!

Как ни странно, девушка услышала этот призыв. Кажется, она не теряла головы даже в разгар самой кровопролитной и опасной схватки. Очень хорошо, одобрил Конан. Он не ошибся, когда предложил этой красотке стать его спутницей. И если Муртан еще жив, то ему очень повезло: его любит замечательная женщина.

Галкарис теперь приближалась к Конану — и, следовательно, второй монстр также мчался к нему... и к своей гибели.

Конан ожидал его с мечом наготове.

Монстр резко остановился и развернулся одним прыжком, невероятно грациозным для такой неуклюжей с виду и громоздкой твари.

Конан вдруг бросился на землю, перекатился и очутился прямо под животом чудовища. На миг зверь растерялся — он явно не ожидал, что человек окажется таким стремительным. Этого оказалось достаточным, чтобы киммериец успел нанести удар. Он вспорол брюхо монстру и выбрался из-под туши прежде, чем она рухнула, погребая его под собой.

Кровь хлынула из широкой раны. Зверь был еще жив. Он бил вокруг себя лапами и хвостом и испускал оглушительные вопли, похожие на скрежет металла по стеклу, только в десятки раз громче.

Конан поднялся на ноги. Он был покрыт царапинами, но ни одна из них не казалась серьезной. Галкарис остановилась рядом с ним.

Конан поднял голову и глянул на всадницу. Она не без удивления поняла, что киммериец вот-вот рассмеется.

— А ты ему понравилась, — заметил он.

— С чего ты взял? — девушка покраснела, чем доставила Конану еще большее удовольствие.

— Я побывал у него под брюхом, — сказал Конан и плюнул. — Если бы ты попалась к нему в лапы, тебе бы не поздоровилось. Впрочем, в этом он мало отличается от некоторых работорговцев.

Девушка зажала ладонями уши.

— Не могу поверить, что слышу подобные вещи!

Конан расхохотался.

— Ты храбрая девчонка, — сказал он, одобрительно кивая. — Ты не испугалась этого уroda, пока он был жив и гонялся за тобой. Тем более не стоит бояться теперь, когда он мертвее мертвого.

— Я не боюсь, просто неприятно...

Конан подошел к своему коню и забрался в седло.

— Поищем Муртана, — предложил киммериец девушке. — Сдается мне, он не ушел далеко.

— Разве он... разве его не... — Она не смогла договорить.

Киммериец сделал это вместо своей спутницы — с той же пугающей непринужденностью, с какой только что рассуждал о похотливых намерениях монстра:

— Ты предполагаешь, что они его сожрали? Такое возможно, но не в данном случае. Я рассмотрел их клыки, поверь. Такими зубами удобно рвать добычу на части, но вот насчет того, чтобы дробить кости — они явно слабоваты. В любом случае, даже если бы они и слопали твоего хозяина, остался бы череп.

Галкарис покачала головой.

— Ты нарочно меня пугаешь?

Конан ухмыльнулся, так что у девушки не осталось ни малейших сомнений в его намерениях: одержав победу над двумя монстрами, киммериец действительно позволил себе повеселиться. И Галкарис вдруг успокоилась. Настроение Конана как будто передалось и ей: если бы киммериец был уверен в

гибели Муртана, вряд ли он пришел бы в столь безмятежное расположение духа.

И действительно, скоро они обнаружили хозяина Галкарис. Весь в крови, дрожащий, с несчастным лицом, он сидел в прибрежных кустах и тихо всхлипывал. Весь его облик выражал полную покорность судьбе: поникшие плечи, закрытые глаза, опущенные уголки рта. И тем не менее заслышав за спиной шум, Муртан взялся за меч и повернулся навстречу предполагаемым врагам.

Галкарис хотела было броситься к нему в объятия, но Конан удержал девушку.

— Подожди. Ты испачкаешь одежду.

Это простое соображение так удивило Галкарис, что она застыла на месте.

Конан снова спешил и приблизился к Муртану. Он наклонился над зингарцем.

— Ты жив?

— Как видишь, — сквозь зубы ответил Муртан.

— Они ранили тебя?

— В руку.

— Я убил обоих, — произнес Конан, предупреждая вопрос. — Они нас больше не побеспокоят.

— Почему ты пошел за мной?

— На самом деле я пошел не за тобой, а вдоль берега, — возразил Конан. — Ну, если говорить уж совсем честно, то мы с Галкарис поспорили. Я предположил, что ты послушал моего совета и направился к морю, но она верила в тебя... И она не ошиблась.

— Если эти стрелы отравлены, то никакого смысла мое геройство не имеет, — пробормотал Муртан. — Я все равно умру. И какая разница, где это произойдет...

— Кто говорит о геройстве? — хмыкнул Конан. — Речь шла лишь об упрямстве.

— Это одно и то же... — вздохнул Муртан.

Конан присел рядом на корточки и коснулся раненой руки. Муртан успел кое-как перетянуть руку повыше раны, чтобы остановить кровотечение, но выглядела рука ужасно.

Конан наклонился поближе и лизнул рану, а затем сплюнул.

— Если яд и есть, то несильный, — произнес он. — В любом случае, лучше бы это промыть и прижечь. Ты готов?

Муртан выпучил глаза и не ответил. Киммериец велел ему улечься удобнее и отдыхать. Галкарис устроилась рядом. Муртан удивленно наблюдал за девушкой. Она больше ничем не напоминала ту робкую красавицу, которая впервые появилась в богатом кордавском доме. Теперь Галкарис, скорее, напоминала хорошенького длиноволосого мальчика на пороге взросления. Отважного мальчика, готового встретить лицом к лицу любую опасность.

«На самом деле она — женщина-воительница, — думал Муртан. — Как я мог ошибаться в ней? Она совершенно не годится для роли наложницы. Она — спутник, друг, соратник. И, пожалуй, более храбрый, чем я...»

Галкарис спокойно сидела рядом, время от времени машинально касаясь волос Муртана. Жест этот был ласковым, почти сестринским, но теперь Муртан больше не сомневался в том, что Галкарис любит его. Любит по-настоящему, не так, как продажная рабыня любит своего хозяина.

Все эти мысли и чувства были для Муртана совершенно нове и он настолько увлекся ими, что совершенно упустил из виду киммерийца.

А Конан между тем готовился к медицинским процедурам — в своем понимании. Понимание это было полностью в духе варвара. Киммериец развел небольшой костер и положил в огонь большую заостренную палку. Затем отвязал от седла бурдюк с водой, снял с пояса фляжку со спиртным и приблизился к раненому.

Несколько мгновений киммериец рассматривал простертого перед ним Муртана, затем поднес к его губам флягу.

— Выпей, — приказал он.

Муртан полагал, что сейчас его напоят водой, и сделал большой глоток, в чем тотчас же раскаялся. Напиток обжег ему язык и десны, он закашлялся и едва не подавился. Конан засмеялся.

— Никогда не жадничай, — назидательно произнес варвар.

Муртан только вздохнул. Когда киммериец вбил в землю колышек и привязал ноги раненого, Муртан не нашел в себе сил даже для простого возражения. Киммериец явно знал, что делает.

Здоровую руку Муртана он также привязал — к выступающему петлей из земли корню дерева. Затем вынул из костра заостренную палку с пылающим углем на конце и обратился к Галкарис:

— Сядь у него в головах и держи его плечо, чтобы не дергался.

Раненый, прижатый к земле и совершенно беспомощный, раскрыл рот, чтобы крикнуть, и тут Конан сунул ему между зубов ременный пояс:

— Зажми и не кричи. Мало ли кто окажется поблизости — услышит. Могут быть неприятности.

И без всякого предупреждения прижег открытую рану пылающим угольком.

Боль оказалась настолько сильной, что Муртан прокусил ремень почти насквозь, а затем потерял сознание.

Конан выдернул палку и дал Галкарис знак освободить раненого. Когда Муртан очнулся, его руки и ноги уже были отвязаны, а плечо нестерпимо горело.

— Хочешь? — Конан снова протянул ему флягу.

На сей раз Муртан пил более осторожно, и спиртное помогло ему. Он сумел перевести дух.

— Надеюсь, огонь выжег все следы яда, да и кровь свернулась. Ты скоро поправишься, — ободрял его Конан.

— Что мы будем делать? — спросил Муртан.

— Переждем несколько дней, чтобы ты окреп и мог сесть в седло, а потом двинемся в сторону Луксура. Там есть паром. Пора нам перебираться в Стигию.

* * *

Трое путников шли по улицам Луксура, стараясь поменьше привлекать к себе внимание. На них и вправду никто не смотрел. Это были самые обыкновенные воины из пустыни, закутанные до самых глаз в широкие белые плащи. Все трое шагали враскачку, как будто ходьба по земле была им в диковину, — ведь они привыкли передвигаться на конях.

Один из них все время вертел головой, не в силах оторваться от зрелища, которое раскрывалось перед ним на каждой новой улице, на каждой площади.

— Поверить не могу, что я наконец в Стигии! — говорил он своим спутникам. — Столько раз я читал об этой стране, и вот я — здесь.

— Не выражай свои восторги так открыто, — предостерегал его другой, рослый и широкоплечий. Даже белый плащ, почти совершенно скрывающий путника до самых скул, не мог замаскировать ярко-синих глаз, горящих на смуглом лице.

— Мне здесь не по себе, — признался третий путник, невольно ежась.

— Галкарис — женщина, немудрено, что она испугана, — снисходительно произнес Муртан.

Конан покачал головой:

— Едва тебе стало лучше, как к тебе вернулось твое обычное высокомерие. Не совершай этой ошибки, Муртан. Многие воины заплатились жизнью за то, что недооценивали женщин. Галкарис — истинный воин духом. Я уже встречал таких.

— Прощу прощения, — тотчас извинился Муртан. — Должно быть, я все еще в плену старых представлений... Но здесь так красиво! А все эти слухи о том, что Стигия — зловещий край и вся так и кишит кровожадными жрецами, мне кажется, сильно преувеличены.

В этот самый миг перед ними на узкой улочке вырос, как будто из-под земли (точнее, из-под булыжников мостовой), целый отряд храмовой стражи. На бронзовокожих воинах красовались позолоченные фартуки и широченные воротники, закрывающие грудь до середины. Воротники эти были богато украшены эмалью и символами стигийских божеств, среди которых выделялись крылатый глаз и коронованный змей.

Возглавлял этот отряд старик с очень белым лицом. Его голова была совершенно лысой и украшал ее массивный золотой обруч с двумя подвесками, болтающимися у висков. Обруч производил впечатление женского украшения.

Длинная белая одежда дополняла это впечатление: жрец казался переодетой женщиной. Но в лице его не было ничего женского: это было лицо пожилого мужчины, утомленного множеством забот.

— Остановитесь, незнакомцы, — властно произнес он. — Что вы делаете в Луксуре?

— Кто ты? — Конан вышел вперед.

— Я — Ха-Пта, — был ответ. — Жрец великого бога Себека, и мне не нравится, что по Луксуру бродят поклонники шакала из пустыни.

— Шакала? — переспросил Муртан.

Жрец даже не повернул головы в его сторону. Он признал Конана за старшего и желал разговаривать только с ним.

— Вы ведь шакалопоклонники? Вы воете с ним на луну и тьякаете на барханы песков, когда вам кажется, будто они надвигаются на вас?

Конан понимал, что его пытаются оскорбить. Что ж, пусть лучше жрец принимает его за человека из пустыни и оскорбляет именно таким образом. Если этот Ха-Пта прознает, с кем имеет дело на самом деле, неприятности могут быть гораздо большими.

— Зато мы не чтим крокодила, — сказал он вызывающе. — И если крокодил окажется в наших песках, то он сразу издохнет.

— Вам лучше вернуться в ваши пески, — молвил жрец. — Там вы будете кстати. А здесь вас может ожидать озеро, кишящее крокодилами, которых вы так презираете.

Краем глаза Конан заметил движение и понял, что стражники готовятся схватить чужаков. Муртан был еще слишком слаб после ранения, чтобы драться, да и Галкарис, несмотря на всю свою храбрость и боевой дух, вряд ли в состоянии оказать солдатам достойное сопротивление.

Конан прикинул: противников было человек пятнадцать. В такой ситуации лучше отступить.

— Бежим! — крикнул он своим друзьям, и они бросились прочь, петляя по узким улочкам.

Стражники помчались в погоню.

Жрец остался на месте и только подбадривал своих людей криками:

— Держите богохульников! Принесем их в жертву!

Конан прорывался к южным воротам: им предстояло двигаться дальше на юг, к Птейону, затем к горам и пустыне.

Несколько раз ему и его спутникам удавалось вывернуть в правильные улицы, но затем они безнадежно заблудились в лабиринтах и неожиданно увидели впереди громаду храма. Массивные колонны с высеченными на них барельефами громоздились впереди. Среди колонн виднелись колоссальные статуи, изображавшие звероголовых богов.

При виде этих каменных чудовищ Галкарис невольно замедлила шаг.

— Я боюсь, — призналась девушка. — Кто это?

— Злые демоны, — буркнул Конан. — Мы ведь в Стигии, стране зла. Здесь поклоняются чудовищам. Пора бы привыкнуть к этой мысли.

— Милосердная Бэлит, мы ведь не собираемся остаться здесь навечно! — воскликнул Муртан. — Для чего нам привыкать к подобной мысли?

— Хватит болтать, бежим! — Конан нырнул в каменный лес, и его спутники невольно последовали за ним.

Они миновали несколько каменных саркофагов, гигантских гробов с крышками, в точности повторяющими очертания человеческого тела. Мертвецы следили за беглецами своими слепыми глазами.

Неожиданно Конан споткнулся. Он мог бы поклясться в том, что еще мгновение назад на этом месте не было никаких препятствий, но вот препятствие возникло. Киммериец выругался и опустил глаза.

На полу сидела кошка и вылизывала себе заднюю лапу.

— Что за демон наслал сюда это животное?

Галкарис подбежала, тяжело переводя дыхание. Последним приблизился Муртан.

Кошка к тому времени уже исчезла.

Конан не стал интересоваться, куда она подевалась, и возобновил бег. Они миновали каменный «лес» колонн и выскочили на берег пруда.

Стражники, очевидно, безнадежно заплутали среди колонн. Иногда до беглецов доносился топот их ног и крики, а иногда все смолкало и воцарялась поистине зловещая тишина.

Конан мрачно уставился на гладкую воду пруда.

— Вот и крокодилы, — пробормотал он. — Не нравится мне все это. Кажется, выхода отсюда нет.

Он еще раз огляделся по сторонам. Сзади высились колонны. Храм не имел крыши. Он был распахнут к небу и к городу, потому что стен как таковых также не имел. Страх охранял храмовые святыни гораздо надежнее любых стен. Ни один человек, не причастный к культу бога-крокодила (или бога-змея, Конан не давал себе труда разбираться в этом), не станет рисковать и заглядывать в это жуткое место.

Прямо перед беглецами расстился пруд.

Галкарис сжала руку Конана.

— Смотри!

Из-под воды поднялась фигура молодой девушки. Она была обнажена, ее длинные черные волосы намокли, а лицо удивительной красоты, с удлинёнными голубыми глазами, выражало глубочайшее отчаяние.

Она высунулась из воды до пояса и простерла руки к киммерийцу. Губы ее шевелились, но она не издавала ни звука. Совершенно очевидно было, что эта красавица молила о помощи.

Галкарис вздрогнула.

— Она погибает! Должно быть, одна из жертв бога-крокодила! Конан, неужели мы оставим её здесь на верную смерть?

Киммериец глянул в глаза девушки и встретил ответный холодный взор вертикальных зрачков.

— Разумеется, мы бросим её здесь, — заявил киммериец.

По лицу красавицы пробежала дрожь, и вдруг весь ее облик исказился. Прекрасные женские черты смазались, превращаясь в уродливую маску крокодильей морды.

— Демон! — взвизгнула Галкарис и в ужасе отпрянула.

— Здесь почти все иллюзия, — сказал Конан. — Я чувствую эти вещи. Ненавижу магию. У меня от нее волосы дыбом встают.

Он встряхнулся, как сделал бы это дикий зверь.

— Попробуем обойти пруд, — предложил он. — Может быть, нам повезет.

Они побежали вперед, оставляя пруд с ^{левой} стороны, но не успели сделать и десятка шагов, как перед ними выросла фигура бритоголового жреца в белом одеянии.

— Я ведь велел вам убираться, — спокойно произнес он.

— Мы и стараемся сделать это, — ответил Муртан, задыхаясь. Как ни странно, Муртан был благодарен жрецу за возможность остановиться и перевести дух. Погоня очень утомила раненого и он ничего так не желал, как очутиться на каком-нибудь жестком тюфяке, а то и на ложе из травы, чтобы можно было передохнуть.

— Вы забрались в святилище и осквернили его.

— Твои люди загнали нас сюда, — возразил Конан, отстраняя Муртана. — Чего ты добиваешься?

— Я хотел показать тебя супруге бога-крокодила, — сказал жрец, широко улыбаясь и показывая вызолоченные зубы. — Вы понравились ей. Теперь вы отправитесь к ней. Не следует заставлять богиню ждать. Она нетерпелива и от слишком долгого ожидания впадает в ярость.

Краем глаза Конан заметил, что стражники выступают из-за колонн. Они все-таки настигли беглецов! Что ж, возможно, стигийцам придется горько пожалеть о подобной «удаче». Те, кого они преследовали с таким упорством, — отнюдь не безобидные жертвы, как, вероятно, мнилось стражам.

Теперь Конан готов был дать им отпор. На стороне киммерийца — лабиринт колонн и близость пруда, в котором сидит смертоносное существо, жаждущее добычи...

Без всякого предупреждения киммериец выхватил меч, развернулся и нанес первый удар. Ближайший к нему стражник с громким жалобным криком повалился на землю. Конан пнул его ногой, сталкивая тело в пруд.

Жрец отскочил назад.

— Святотатство! — воскликнул он. — Вы осквернили чистые воды!

Лицо жреца покрыла смертельная бледность, испарина выступила на его лысине. Он поднял костлявые руки и произнес какое-то заклинание. Труп стражника бесследно исчез, и вода вновь стала чистой. Сквозь прозрачную голубоватую толщу со дна водоема проступило лицо супруги бога-крокодила, сперва в образе прекрасной женщины, а затем и в ее истинном обличье зубастого чудища.

Она разочарованно лягнула зубами и ушла на глубину.

Конан метнул кинжал, целясь жрецу между глаз, но жрец ловко поймал нож за лезвие и отправил обратно.

Конан едва успел уклониться, так что кинжал, звякнув, упал на каменные плиты пола.

Еще двое стражников накинулись на Конана. Им трудно было сражаться здесь, среди колонн, где для хорошего замаха длинным мечом или копьем не бы-

ло достаточно места. Киммериец легко уходил от их атак.

Галкарис держалась так, чтобы ни один из стражников не мог до нее добраться, — между жрецом и киммерийцем. Муртан был менее ловок, но он старался орудовать своим тонким мечом и несколько раз ему даже удавалось поразить противников. Правда, все нанесенные Муртаном раны не были опасны.

Вскоре однако Галкарис заметила, что у ее хозяина есть какой-то план. Муртан упорно пробивался как можно ближе к жрецу. Поскольку и сам жрец, и храмовые воины считали опасным противником киммерийца, а на Муртана почти не обращали внимания — так он был неуклюж и слаб, — то в конце концов зингарцу удалось добиться своего.

Он получил удар по голове и упал на колени прямо у ног Конана. Киммериец споткнулся о своего товарища и в результате не сумел дотянуться до очередного стражника.

— Кром! — заревел Конан. — Неужели ты не можешь держаться в стороне? Прочь!

Он оттолкнул Муртана ногой, нimalo с ним не церемонясь, так что зингарец вдруг очутился прямо возле жреца.

Все произошло так быстро, что жрец даже не успел осознать случившееся. С диким криком, совершенно невозможным, казалось бы, в устах изнеженного богача, Муртан вдруг вскочил и вонзил в сердце жреца одну из отравленных игл. Он бил изо

всех сил, и игла вошла в грудь одетого в белоснежные одежды жреца почти целиком.

Совершив свое нападение, Муртан растратил последние силы. Он рухнул на пол и остался лежать неподвижно.

Жрец некоторое время еще удерживался на ногах, а затем повалился на колени. На его лице появилось выражение дикого ужаса. Он попытался произнести новое заклинание, но слова как будто застыли у него на губах.

Галкарис видела, как над водой опять поднимается женское лицо. Большие, широко раскрытые, залитые влагой глаза пристально следили за жрецом. Он не мог оторвать от них взора. Теперь весь облик жреца выражал полную обреченность и жалкую покорность судьбе. Он понимал, что его ждет.

«Все-таки иглы чудовищ содержали яд, — подумал Муртан, тяжело переводя дыхание. — Если бы не Конан с его варварскими «медицинскими» приемами, я был бы, наверное, уже мертв. Но жрецу никто не станет прижигать рану. А эта тварь в пруду чувствует скорую смерть. Ее притягивает близость смерти...»

Из пруда высунулась женская рука. Она с силой шлепнула о край водоема и тотчас превратилась в лапу чудовища с перепонками между пальцами и острыми когтями. Затем показалась и вторая лапа.

Конан не стал ждать, пока монстр выберется на поверхность весь целиком. Сильным ударом он сбросил жреца в воду, прямо на голову чудовищу.

Казалось, пруд закипел. В мутной псне, плескавшей на берег, мелькали руки и ноги, огромный хвост бил по воде, и то спина, то зубастая Насть крокодилицы поднимались над поверхностью. Пена окрасилась кровью... а затем все стихло, и только розовые разводы далеко расходились по поверхности гладкой воды.

Казалось, будто в пруду отражается свет далекого заката.

Стражники замерли, точно замороженные страшным зрелищем. Никто из них не мог оторвать глаз от происходившего. Этим людям сотни раз приходилось видеть, как происходит жертвоприношение. Связанных, беспомощных людей украшали гирляндами цветов, умащали благовониями и под громкое пение обнаженных жриц и стук маленьких барабаничков сбрасывали в пруд. И всегда посреди поющих и танцующих находился жрец, с его суровым лицом и пронизательным взглядом. Мудрый, властный, он казался вечным.

И вот он бесславно сгинул в пасти чудовища! В такое трудно было поверить.

Конан повернулся к стражникам и, оскалившись, поднял свой меч. Теперь киммериец готов был заняться любым, кому по душе поединок с варваром.

— Ну что? — с вызовом закричал Конан. — Кто-нибудь из вас желает отомстить за старого мошенника?

Он сделал шаг вперед, и стражи бросились бежать. Их гнал безотчетный страх перед человеком,

который сумел совершить святотатство и остаться невредимым.

Стигийских храмовых стражей с детства воспитывали в страхе перед древними богами. Они привыкли считать, что человек не смеет бросать вызов богам и их слугам. Демоны, монстры, любые другие существа, обитающие при храмах, — никто из них никогда не простит человеку богохульства. Каждого, кто дерзнет посягнуть на бесспорную власть таинственных владык Луксура, ждет ужасная участь.

Варвар оказался человеком, способным одолеть жреца. Это означает, что он сам — либо демон, либо жрец. Но даже если он и простой человек, осмелившийся на кощунство, то находиться рядом с ним опасно.

Поэтому стражи бежали.

Конан не стал их преследовать. Он повернулся к своим спутникам.

— Что ж, — произнес киммериец, вкладывая меч в ножны, — полагаю, мы увидели и сделали достаточно. Пока эта тварь там, на дне, закусывает нашим лысым приятелем, у нас есть время, чтобы убираться отсюда.

— Мне трудно идти, — подал голос Муртан. — Кажется, рана открылась.

— Рана не может открыться, я ее прижег, — заметил Конан. — Просто ты перетрудишь больную руку. Такое бывает. Ничего страшного. Вставай и иди, иначе тебя ждет та же участь, что и этого глупого жреца. Ты ведь не хочешь превратиться в закуску?

* * *

Конан считал, что им стоило бы убраться из Луксура немедленно, однако Муртан ссылался на слабость и боль в руке, да и Галкарис хотела бы передохнуть. Она слишком устала и чересчур была напугана всем случившимся, чтобы сразу же пуститься в трудный путь.

— Я так и знал, — проворчал варвар, когда его спутники начали наперебой жаловаться и просить об отдыхе. — Как бы вам обоим не пожалеть о том, что вы не бежали отсюда сломя голову. Нас будут разыскивать и храмовые стражники, и городские власти. Местные жители тоже не производят впечатление дружелюбных людей. Чужаков нигде не любят, а в Стигии это правило выполняется с гораздо большим рвением, нежели в других странах.

— Хорошо бы нам найти наших лошадей, — сказала Галкарис. — Ведь предстоит идти по пустыне.

— В пустыне трудно и пешком, и верхом, — ответил Конан. — Кроме того, лошадь придется поить. Расход воды увеличится во много раз... Это же не верблюды. Впрочем, я попробую отыскать коней. Если их не прибрали к рукам храмовые служки.

Они выбрались на окраину Луксура, и здесь им стало спокойнее. Бедные кварталы города, где селились самые простые люди, оказались в Луксуре точно такими же, как и в других городах. Хижины, построенные из глины и камыша, крытые травой, лепились друг к другу. Бедно одетые босые люди возились по хозяйству. Женщины в прямых платьях,

едва закрывавших колени, жарили лепешки на огне, разведенном не в самом доме, а во дворе.

Запах съестного дразнил проголодавшихся путников, но по собственному опыту Конан знал: никто здесь не продаст чужакам и куска хлеба.

— Можно только украсть, — прибавил варвар. — В трактиры мы не пойдем, чтобы нас не нашли стражники. Обычно стража разыскивает таких, как мы, по трактирам и постоялым дворам. В этом есть смысл... Но мы — не обычные беглецы. Мы не станем прятаться там, где нас отыщут.

— Как можно украсть лепешку из-под носа у этих женщин? — недоверчиво спросила Галкарис. — Они не сводят глаз с жаровен. Мы помрем с голоду прямо у них на глазах, и они даже не заметят этого!

— Придется их отвлечь, — хмыкнул Конан. — Потасовкой, скандалом, ссорой на улице никого не удивишь. Нужно изобрести что-нибудь поинтереснее.

Он подмигнул Муртану.

— Таких людей беспокоит одно — их драгоценная собственность. Ты храбрый человек, Муртан?

Тот пожал плечами.

— Полагаю, да.

— Сейчас тебе предстоит доказать это, — заявил Конан. — Ты подойдешь к одной из этих женщин и попробуешь что-нибудь украсть. Сними горшок с изгороди или попытайся утащить полотно, которое она разложила сушиться.

— Я же попадусь!

— Именно. Она поднимет крик, начнет звать на помощь, бросится тебя ловить и отбирать у тебя свое добро. Сопровитвайся и удирай, только не слишком далеко. Пусть она побеждает за тобой по двору. Тем временем Галкарис должна будет забрать весь хлеб и все продукты, до каких сумеет добраться. В кладовки лезть не нужно, там легко оказаться в ловушке. Просто возьми уже испеченный хлеб и овощи, если окажутся рядом.

— Красота! — иронически произнес Муртан. — Ну а ты чем будешь заниматься?

— Я? — Конан пожал плечами. — Я буду отнимать тебя от разъяренной толпы, которая соберется почти мгновенно и попытается разорвать тебя на куски.

Ограбление прошло как по маслу. Муртан, хромя и держась за раненую руку, заглянул во двор, где тощая женщина с горящими черными глазами стряпала обед. Гора уже поджаренных лепешек лежала на чистом платке, расстеленном прямо на земле. В котелке, подвешенном над огнем, булькало варево.

Муртан уставился на котелок. В животе у него бурчало. Он вдруг осознал, насколько голоден. Владелец одного из богатейших домов Кордавы не мог оторвать взгляда от бедной похлебки и ничего на свете так не хотел, как зачерпнуть из этого котелка.

Женщина вдруг завопила:

— Нечего здесь шлаться! Я не кормлю бродяг! Убирайся, пока я не позвала мужа!

Муртан, чувствуя себя полным дураком, схватил какой-то кривобокий горшок, на дне которого оставалось еще немного скисшего молока, и помчался по улице. Женщина бросилась в погоню.

Помня наказ Конана — далеко не убежать — Муртан принялся петлять по кварталу. Он очень быстро заблудился. Женщина оглашала окрестности громким визгом. Она почти догнала Муртана, когда он юркнул в какой-то переулок. Почему-то преследовательница не побежала за ним следом.

Муртан огляделся по сторонам. Увиденное сильно не понравилось ему.

Очевидно, спасаясь от жилистых кулаков домохозяйки, Муртан случайно забежал в «дурной квартал». Здесь тоже царил бедность, но отнюдь не такая «безобидная». Если ограбленная особа принадлежала к числу так называемых честных бедняков — способных, конечно, при случае и убить, и ограбить, и уж тем более помародерствовать, но все-таки занимающихся каким-нибудь ремеслом или торговлей, — то здешние обитатели явно промышляли делами куда более опасными.

Глиняные хижинки перемежались каменными домами, но те и другие имели одинаково обшарпанный, грязный вид. Вызывающе одетые женщины выглядывали из окон или стояли возле дверей. Старухи в невообразимых лохмотьях шмыгали взад-вперед, из дома в дом. Мужчины, облаченные в роскошные и вместе с тем грязные и рваные одежды, явно с чужого плеча, слонялись по переулку.

Один из них приблизился к Муртану и заглянул ему в лицо. Затем чужак медленно ухмыльнулся.

— А ты хорошенький и, сдастся мне, был сытно кормлен, пока не попал в беду.

— Пусти! — дернулся Муртан и тотчас скривился: он неловко задел больную руку.

— Что, неприятности? — человек обнажил в ухмылке гнилые зубы. — Может быть, я сумею тебе помочь?

Он схватил Муртана с таким расчетом, чтобы задеть рану. Муртан закричал и скорчился на мостовой. Украденный горшок выпал из его пальцев и разбился.

— Бедный воришка, — с издевкой продолжал человек. — Ну ничего. Я тут приторговываю живым товаром, так что ты попал туда, куда нужно. Скоро у тебя не останется никаких забот. Послушай, не надо брыкаться, я ведь добра тебе желаю. Мои овечки попадают только в хорошие дома. И всякое беспокойство остается для них за порогом. Ты больше не должен ни за что отвечать. Ты делаешь то, что тебе приказывают. Будешь вести себя хорошо — и получишь сытную еду, теплую одежду, крышу над головой. Может быть тебе даже дадут женщину. Разве это не благо для такого, как ты? Посмотри на себя! Ты ведь даже позаботиться о себе как следует не можешь. Что у тебя с рукой? Поранился? Дай посмотреть!

— Пусти! — хрипло выкрикнул Муртан. Он попытался встать.

Его мучитель дождался, чтобы Муртан кое-как поднялся на ноги, а затем сильным пинком опять швырнул на грязную мостовую.

— Что это с тобой? — воскликнул чужак. — Ты даже на ногах держаться толком не можешь! Куда уж тебе жить самостоятельно!

Из двух близлежащих домов вышло еще несколько человек. Никто из них не вмешивался — они просто стояли и глазели, радуясь новому развлечению.

— Поддай ему хорошенько, Хармахис! — выкрикнул один из соседей. — Он еще слишком прыткий для тебя!

— Прыткий? — захохотал Хармахис. — Хочешь сказать, как ящерица? Я выдерну этой ящерице хвост — и погляжу, быстро ли она побежит без хвоста и скоро ли отрастит себе новый!

Кругом смеялись. Муртан корчился на земле, стараясь не слушать громких голосов и не смотреть по сторонам. «Проклятье, — думал он, — эдак они действительно захватят меня и продадут... А я ведь никогда не обращался с рабами жестоко. Да что там жестоко — я даже груб с ними никогда не был. И воровать им позволял, не наказывал. Если бы я был злым работником, тогда бы я счел, что боги карают меня... Но ведь я не такой! За что же мне так не повезло?»

Он снова приподнялся и встал на четвереньки.

— Вот так и будешь передвигаться, — сказал Хармахис. — Все животные ходят на четырех ногах.

Не притворяйся человеком, тебе все равно не поверят.

— Эй, — слышался новый голос, — что тут происходит? Что-то интересное, а меня не позвали?

На мгновение стало тихо: все присматривались к новому действующему лицу. Затем Хармахис хмыкнул:

— У нас тут свиные бега. Мое имя Хармахис, и я говорю тебе: добро пожаловать. Моя свинья хочет побегать по переулку, а мои друзья пришли на это посмотреть.

— Стало быть, мне можно присоединиться? — продолжал тот же голос.

Муртан сжался: он узнал киммерийца.

Хармахис не ответил. Неожиданно рядом с Муртаном очутилось лицо его мучителя. Лицо это было искажено болью, а из угла рта Хармахиса вытекала струйка крови.

Муртан отпрянул, но Хармахису явно стало не до «свиных бегов». Он стонал и корчился.

Затем прямо над головой Хармахиса навис киммериец.

— Эй, Муртан, — проговорил он. — Тебя опять изувечили?

— Я думал, ты никогда не придешь.

— Когда тебя бьют, мгновения кажутся вечностью, — со знанием дела ответил Конан. — А вот когда бьешь ты сам, мгновения пролетают так, что и не замечаешь.

Он подхватил зингарца за подмышки и водрузил на ноги.

— Это мой человек, — объявил Конан, — я забираю его. Приятно было поболтать, Хармахис.

Он ударил ногой простертого на земле стигийца. Слышался хруст и дикий вскрик.

— Ой, прости, кажется, я сломал тебе ребро, — извинился Конан.

Он быстро пошел по переулку, волоча за собой Муртана.

Тот отплевывался кровью. Губа у него была разбита, под глазом красовался синяк.

— Я нашел одну из наших лошадей, — сообщил Конан. — Случайно.

Он подвел Муртана к коню, которого держала Галкарис, и усадил в седло.

— Скорее. Нам нужно уйти из Луксура прямо сейчас.

Они направились к южным воротам. Конан велел Муртану вытащить из седельной сумки плащ и закутаться с головой.

— Обрати внимание на то, чтобы твое лицо было спрятано как можно лучше, — добавил киммериец. — Проклятый работородец разукрасил тебя во все цвета радуги.

Муртан отозвался скорбным стоном, однако подчинился приказу. «Чем я, собственно, сейчас отличаюсь от раба? — подумал он мрачно. — Все происходит совершенно так, как и расписывал Хармахис. Я ни за что не отвечаю и просто повинуюсь, когда мне отдают распоряжения. И, о боги, кто мной командует? Какой-то варвар, киммериец, с его дикими пред-

ставлениями о жизни и смерти, о богах, чести и прочем... Но если бы не он, я бы уже был мертв».

— А еда? — услышал вдруг Муртан собственный слабый голос.

Голос этот дрожал и звучал до ужаса жалобно.

— В седельных сумках, — ответил Конан. — Галкарис — прирожденный воришка. Женщина-воин, женщина-вор — у нее большое будущее.

Галкарис негромко рассмеялась. В этом смехе Муртан уловил грудные нотки: так смеется женщина, которая знает, что возлюбленный рядом и слышит ее.

Возле южных ворот путники остановились. Конан пустился в переговоры со стражниками. Те осматривали путешественников с пристальным интересом. Весть о том, что произошло в храме, уже распространилась по городу, и преступников выискивали повсюду.

— Кто вы? — допытывались у Конана.

— Я навещал родню в Луксуре, — отвечал киммериец. — Со мной моя жена и прислужница. Трудно путешествовать с двумя женщинами.

— Почему на лошади сидит женщина, а не ты? — удивился стражник.

— Она ждет ребенка. Я не хочу рисковать.

Муртан вдруг сообразил, что роль «жены» Конан отвел ему, и взбесился. Что он себе позволяет? Когда прекратятся эти издевательства?

— Зачем же ты потащил свою беременную жену в путешествие, если так беспокоишься о ней? —

продолжали стражники. — Это по меньшей мере неразумно.

— Я должен был доставить ее в храм для поклонения богине, — не моргнув глазом объявил Конан.

— Наша богиня вовсе не покровительствует беременным женщинам.

Конан засунул руку под плащ и вытащил туго набитый кошелек. Он дернул завязки, и перед стражниками просыпался дождь из серебряных монет.

— Полагаю, этого достаточно, чтобы ваша богиня начала покровительствовать беременным женщинам? — спросил киммериец.

Он махнул рукой, и Галкарис вместе с Муртаном прошли через ворота. Последним из Луксура выбрался Конан. Стражники увлеченно делили монеты.

— Поверить не могу, что ты выдал меня за свою жену, да еще в тягости! — воскликнул Муртан, едва лишь город остался позади.

— Что тебя возмутило — что ты «жена» или твоя предполагаемая беременность? — фыркнул Конан.

— Тебя просто веселит то обстоятельство, что я ранен и беспомощен и полностью от тебя завишу, — сказал Муртан.

— Это меня не веселит, а, скорее, тяготит... Я предпочитаю здоровых и сильных спутников, способных не только постоять за себя, но и прикрыть мне спину. Галкарис, кстати, справляется с этим превосходно.

— Откуда у тебя серебро, Конан? Ты ведь не отдал свое? — нерешительно спросила Галкарис.

— Разумеется, нет. Я стянул кошелек в городе, пока мы ходили по богатым кварталам. Люди — настоящие ротозеи. Даже стигийцы.

— Наверное, ты мог бы и лепешки у женщины украсть, не прибегая к таким сложным фокусам, — укоризненно произнес Муртан.

— Здесь ты ошибаешься, — ответил Конан вполне серьезно. — Я могу снять кошелек с пояса слуги из богатого дома, могу вытащить из спальни какого-нибудь вельможи сундук с драгоценностями, да так, что никто вокруг не проснется... Но украсть еду у хозяйки из бедняцкого квартала не под силу даже мне.

* * *

Следующим большим городом к югу от Луксура был Птейон, но его решили обойти стороной. Воспоминания о том, что случилось в храме, где содержалась «супруга крокодила», были еще слишком свежи в памяти.

Конан увел своих спутников в безлюдную местность, где можно было передохнуть и немного прийти в себя. Если не дать Муртану возможности провести хотя бы несколько дней в покое, его рана может воспалиться — и тогда неизвестно, останется ли он жив. Бессмысленно проделать столь долгий путь и погибнуть почти возле самой цели, считал Конан.

Они разбили лагерь в густых зарослях тростника, где можно было поохотиться на диких уток или пой-

мать рыбу. Разговоров о том, что произошло в Луксуре, больше не возникало, хотя Конан видел: Муртан продолжает на него сердиться. Настроение молодого зингарца, впрочем, не слишком-то беспокоило варвара. Посердится и перестанет.

Конан учил Галкарис стрелять из самодельного лука по уткам. Он был доволен успехами, которые делала девушка в этом ремесле.

На второй вечер Муртан почувствовал себя лучше. Рука почти перестала болеть, рана явно затягивалась. Царапины, такие болезненные, тоже начали заживать. Съев дикую утку, приготовленную на углях, Муртан окончательно развеселился.

Конан лениво обгладывал косточки и бросал их в костер. Казалось, что на свете не в силах поколебать благодушное настроение варвара. «Вот человек без прошлого и будущего, — подумал Муртан, рассматривая его. — Живет одним днем, и ничего, кроме настоящего, для него не существует».

Но когда он высказал эту мысль вслух, Конан рассмеялся ему в лицо.

— Ничего подобного! Ты, как многие «цивилизованные» люди, — это слово киммериец буквально выплюнул, — полагаешь, будто у варваров нет ни памяти, ни способности планировать жизнь. Это глубочайшая ошибка. Я знаю всех моих предков до десятого колена... погоди-ка, нет, до пятнадцатого. А ты?

Муртан вынужден был признать, что на прапрадедушке его сведения обрываются.

Конан пожал плечами.

— Что до моего будущего, то запомни: когда-нибудь я стану королем.

Глядя на киммерийца, сидевшего на земле скрестив ноги, невозможно было представить его на троне. Как вообразить вместо грубых кожаных штанов и рубахи роскошные парчовые одеяния? Как представить себе королевскую диадему на этой необузданной копне черных спутанных волос, падающих на глаза? А манеры? Да разве этот дикарь когда-нибудь научится есть не руками и пить не залпом, а после еды и питья — не рыгать?

Но Конан оказался далеко не так прост, как мнилось Муртану. Он прищурился и с ехидцей глянул на зингарца.

— Небось, думаешь сейчас, что варвару никогда не занять престола? Ошибаешься. Я стану королем — и получше, чем многие из нынешних владык. Свое королевство я не унаследую, а завоюю собственным мечом, и о моей власти будут слагать легенды.

Он расправил плечи и отбросил волосы с лица. Неожиданно Муртан увидел то, что мгновение назад полагал невозможным: киммериец действительно обладал королевской осанкой, и в его синих глазах горело величие.

— Может быть, ты и прав! — вырвалось у Муртана. — В таком случае, желаю тебе удачи.

— Пожелай лучше удачи самому себе, — буркнул Конан. Видение грядущего исчезло, растворилось в

ночи. Киммериец вновь стал самим собой — варваром с неприятным характером, изобретательным, жестоким, вороватым, насмешливым, хмурым.

— Пески Погибели находятся где-то за горами, — Муртан махнул рукой, указывая на юг. — Нам предстоит перейти горы. Но я уверен, что храм кошачьей богини находится где-то там.

— «Где-то там». Весьма точное определение, — сказал Конан.

— Если тебе не нравится или если ты мне не веришь — то почему же ты идешь с нами? — спросил Муртан.

Конан пожал плечами.

— Убиваю время в ожидании, пока подвернется подходящий престол. Такой ответ тебя устраивает?

Киммериец встал и отошел в сторону. Скоро до слуха Муртана донесся шорох тростника — Конан устраивался на ночлег.

Галкарис напротив перебралась поближе к Муртану. Он обнял ее. Долго еще они смотрели на угасающие угли костра и молчали, каждый думая о чем-то своем, но согреваясь теплом друг друга.

* * *

... Женщина с кошачьей головой и ярко-желтыми глазами шла по улицам Луксура. Красный шелк окутывал ее фигуру, позволяя любоваться прекрасными изгибами бедер. На голове она несла кувшин с драгоценным маслом. В кувшине была трещина, и масло проливалось на волосы и одежду женщины,

распространяя дивное благоухание. Каждый след ее узкой босой ножки также источал аромат этого масла.

Неожиданно из всех домов, из всех переулков бежали люди. Людей этих было больше, чем камней в мостовой. Они прыгивали с крыш, выскакивали из окон, даже выбирались из-под земли. Пользуясь большими деревянными ложками, они выковыривали следы этой женщины и уносили их, прижимая к груди, как величайшую ценность.

На каждый след набрасывалось сразу десяток, а то и более человек. Между соперниками вспыхивали драки. Они отбирали друг у друга вынутые следы, иногда рвали их на кусочки. Растрепанные женщины ползали под ногами у дерущихся, пытаясь под-обратить хотя бы крохотный обрывок следа.

А женщина с головой кошки шла, не обращая никакого внимания на суматоху, поднятую ее появлением...

* * *

— Как ты думаешь, она очнется? — тревожно спросил Муртан, наклоняясь над Галкарис.

Конан легко держал бесчувственную девушку на руках, как будто она ничего не весила.

— Нужно выбираться отсюда, — сказал варвар, не отвечая на вопрос. — Не знаю, что с ней случилось, но произошло это здесь.

— Может быть, это чары?

— Хватит болтать! — рявкнул Конан. — Пока мы не уберемся с этого болота, надежды для нее нет. Она надышалась чего-то... или, может быть, съела.

— Но ведь мы дышали одним воздухом и ели одно и то же, — продолжал Муртан. — Почему же никто из нас не погрузился в мертвый сон?

— Если ты не замолчишь, — сообщил варвар, — я сверну тебе шею.

— Не свернешь, — парировал Муртан. Он успел уже немного изучить своего спутника. — Ты слишком часто спасал меня. Как все дикари, ты эконом. Ты не будешь убивать того, на кого потратил столько сил и времени.

Вместо ответа Конан фыркнул.

Он почти бежал с Галкарис на руках. Муртан без труда поспевал за ним. Зингарец вел в поводу лошадь, которая шагала за своими обеспокоенными хозяевами с таким видом, будто ее забавляла вся эта суматоха, поднятая неизвестно из-за чего.

Заросли тростника казались бесконечными. Путники уже отчаялись выбраться на дорогу, но, как оказалось, этого и не потребовалось. Галкарис пошевелилась на руках у Конана и пробормотала что-то.

Конан остановился, прислушался.

— Белый котенок, — говорила девушка в забытьи. — Ты так красива! Белая кошка с желтыми глазами. Ступни твои благоухают, ладони твои источают благодать.

— Похоже на храмовый гимн, — определил Конан. — Интересно, откуда она его знает? Может быть, твоя девочка бывала в Стигии? Или это ты научил ее?

Муртан покачал головой.

— Нет, я никогда не слышал этого гимна... Да я только одну историю ей и рассказал, когда мы оба еще жили в Кордаве. В моих свитках не содержалось никаких гимнов.

Конан с отвращением посмотрел на девушку.

— Магия! — выдохнул киммериец.

Он положил свою ношу на землю. Тростник с равнодушным сухим шорохом раскачивался вокруг них. Муртан уселся рядом с Галкарис, положил ее голову себе на колени.

— Ей снятся пророческие сны, — произнес он.

— Скорее, она просто бредит, — ответил Конан. — Но сон этот действительно магический, и нам хорошо бы знать, каким ветром его принесло. Возможно, совсем близко от нас творится магия. Ненавижу колдунов!

— Моя мать ищет своих убитых детей и плачет по ним, — нараспев произнесла Галкарис.

Муртан погладил ее по волосам и вдруг ахнул, уставившись на свою ладонь.

— Смотри!

Конан нехотя подошел ближе.

— Что там такое?

Муртан протянул ему свою руку. К его ладони прилип маленький белый волосок. Этот волос не мог принадлежать Галкарис. Он вообще не принадлежал человеку. Судя по всему, он был оставлен каким-то небольшим животным.

Например, белой кошкой...

* * *

Несмотря на все усилия Муртана и Конана, Галкарис не приходила в себя. Она то пела священные гимны, то вдруг принималась плакать, а несколько раз она замолкала и лежала, как мертвая. Даже дыхание ее замирало, и только прислушавшись можно было разобрать, что девушка не умерла и все еще дышит.

Муртан был близок к отчаянию. Конан ждал развязки с терпением, присущим всем варварам. Он не сомневался, что рано или поздно загадка будет разгадана. Кое-какие мысли на сей счет посещали киммерийца, и Конан находил все эти соображения малопривлекательными. Как он уже говорил, магия вызывала у него ненависть и страх. А в том, что поблизости действовала какая-то магия, у Конана не было ни малейших сомнений. Оставалось только выяснить — какая и отыскать ее источник.

Наступила ночь. Тростник по-прежнему шелестел вокруг, как ни в чем не бывало. Несколько раз крикнула и тотчас замолчала ночная птица. Неожиданно над головой хлопнули крылья — Конан успел заметить на фоне звезд крупный силуэт. Должно быть, очередной летучий хищник с наступлением темноты вылетел на охоту.

И тут Галкарис поднялась. Глаза ее широко раскрылись. В свете звезд видно было, что они слепят перед собой и видят, вероятно, совершенно другие миры, не те, что представляли ее спутникам.

— Тише, — предупредил Конан Муртана. — Посмотрим, куда она направится.

Девушка шагнула, вытянув перед собой руки. Ее раскрытые ладони, повернутые к небу, вдруг наполнились кошачьей шерстью. Клочки шерсти клубились, как туман, струились между пальцами. Тихо напевая сквозь зубы какую-то странную мелодию без слов, Галкарис шла и шла сквозь тростник. Она пошатывалась, спотыкалась, но все-таки продолжала путь.

Двое мужчин крались за ней. Впрочем, Конан быстро понял, что они могли бы и не приглушать шагов — Галкарис все равно ничего вокруг себя не замечала. Она целиком была погружена в мир своих грёз.

Она шла, рассыпая волоски кошачьих волос. Не успев коснуться земли, они исчезали.

Теперь уже не было никакого сомнения в том, что Галкарис находилась во власти таинственных чар.

— Не нравится мне это, — пробормотал Конан. — Лучше уж сражаться с дюжиной разъяренных монстров, чем иметь дело с одним колдуном...

Они сами не заметили, как выбрались из зарослей тростника и теперь шли по песчаной равнине, лишь кое-где заросшей травой. Ноги утопали в песке по щиколотку. Галкарис двигалась так, словно скользила по поверхности, зато оба ее преследователя просто вязли в песке. Особенно трудно приходилось Муртану, который совершенно не привык к подобным дорогам.

— Не отставай! — приказал киммериец. — Здесь может быть опасно. Держись ближе ко мне.

Девушка остановилась, как будто почувствовала перед собой какую-то опасность. Киммериец воспользовался этой заминкой, чтобы догнать ее.

Муртан тащился следом, бормоча проклятия, не столько потому, что ситуация его раздражала, сколько в тщетных попытках придать себе мужества.

Конан увидел, что на песке перед Галкарис сидит шакал. Черный силуэт животного четко вырисовывался в лунном свете. Острые уши были подняты, лапы вытянуты. Зверь как будто охранял что-то, не желая пускать девушку дальше.

Галкарис вытянула вперед руку и осыпала шакала ворохом сверкающих серебристых кошачьих волос. Глаза шакала вспыхнули дьявольским красным пламенем. Он вскочил и зарычал, взьерошив загривок.

— Сейчас он бросится на нее! — крикнул Муртан, подбегая.

Конан опередил его. Выхватив меч, киммериец закрыл своим телом девушку, и шакал внезапно увидел перед собой совершенно другого противника, гораздо более опасного. Он присел на задние лапы и оскалился.

Из глотки киммерийца вырвалось рычание, способное устроить даже хищного зверя. Шакал ответил свирепым тьяканьем, но теперь в голосе зверя звучала растерянность. Конан сделал шаг вперед и одним взмахом меча перерубил шакалу хвост. С отчаянным жалобным визгом шакал устремился прочь и скоро скрылся среди барханов. В лунном свете отчетливо были видны кровавые следы.

Галкарис снова пошла вперед. Она держалась так, словно не было никакой опасности. Возможно, она забыла о шакале сразу же, как только тот исчез.

Они миновали маленькую пальмовую рощицу и вдруг перед путниками выросла небольшая пирамида. Высотой она достигала всего трех человеческих ростов. Ее грани ярко блестели в свете лунных лучей. Она была покрыта отполированным черным камнем. Вход в пирамиду был завален камнями.

Галкарис прижалась к пирамиде всем телом и принялась громко петь. И — странное дело! — изнутри кто-то отвечал ей протяжным печальным голосом.

— Это невыносимо! — воскликнул Муртан. — Мы должны положить этому конец!

— Но как? — пробормотал Конан, рассматривая девушку. — Проклятая магия! Если бы я знал, кто навел на нее это наваждение, я быстро разобрался бы с негодем...

— Колдовство невозможно разрушить ударом меча, — заметил Муртан.

— Колдовство — нет, но колдуна — запросто, — возразил Конан. — Я проделывал это десятки раз. Поверь мне, дружище, нет такого колдуна, которому нельзя было бы отрубить голову. А без головы не слишком-то поколдуешь. Да и духи таких не слушаются.

Вдруг один из камней, закрывавших вход в пирамиду, отвалился. За ним со стуком упал другой, третий... Камни падали как будто под воздействием

тайной силы. Не было видно, кто их отбрасывает. Очевидно, это делал скрывающийся в пирамиде.

— Подождем, — прошептал Конан, вытаскивая меч и готовясь к атаке.

Галкарис отошла теперь в сторону и смотрела, как нечто высвобождается из пирамиды.

— Как ты думаешь, это храм или гробница? — спросил Муртан.

Конан пожал плечами.

— Я не изучал стигийские древности, откуда мне знать? — ответил варвар. — Если мне и попадались древние гробницы, я их обворовывал. И то же самое я проделывал с их храмами. Поэтому для меня нет существенной разницы между тем и другим.

— Жаль, потому что сейчас, возможно, эта разница станет очевидной...

— Нет, Муртан. Запомни: врага нужно уничтожать, а не исследовать. Если ты будешь поступать иначе, тебя уничтожат раньше, чем ты завершишь свои ученые труды.

Конан не договорил. Из пирамиды выступила белая фигура. Теперь было очевидно, что это женщина, молодая и гибкая, одного роста с Галкарис. Она стояла на пороге, оглядываясь по сторонам с радостным изумлением.

Затем шагнула вперед, к свободе. Галкарис двинулась навстречу незнакомке. Они обнялись, как две сестры при радостной встрече... А затем белая незнакомка как будто вошла внутрь тела Галкарис и растаяла.

Девушка молча осела на песок и застыла, как мертвая.

Муртан бросился к ней.

— Галкарис!

Она не отвечала.

Конан отстранил Муртана и поднес ухо к груди девушки. Сердце ее билось ровно и спокойно. Конан снял с пояса флягу и плеснул ей в лицо. Девушка вскрикнула и открыла глаза.

— Где я? — прошептала она.

— Ты в Стигии, — ответил варвар. — Ты узнаешь меня?

— Ты Конан... А Муртан? Он жив?

— Я здесь, — выступил вперед Муртан.

— Хорошо... — Она приподнялась на локтях и с удивлением осмотрелась по сторонам. — Как я здесь оказалась?

— Хороший вопрос, — проворчал Конан. — Мне бы тоже хотелось знать на него ответ. Ты пришла сюда во сне. Что-то пела, кого-то звала... Чья это пирамида?

— Не знаю. — Девушка смотрела на черный вход, зиявший перед ней, и от страха мурашки бежали у нее по коже. — Это место нагоняет на меня ужас.

— Стало быть, это гробница, — констатировал Муртан.

— Возможно...

— Что ты видела, когда шла сюда? — продолжал допытываться Конан.

— Говорят же вам, я не знаю!

— Может быть, ты что-то видела во сне? — подсказал Муртан.

— Во сне? — Она облизала пересохшие губы, задумалась. — Да, — медленно произнесла наконец Галкарис, — мне что-то снилось... Но я не могу вспомнить, что.

* * *

Они решили вернуться в тростники — чтобы забрать лошадь и те скудные пожитки, которые были необходимы им в путешествии. Галкарис шла с трудом, силы оставили ее, так что в конце концов Конан просто перебросил ее через плечо и дотащил на себе, как наемник — военную добычу.

До рассвета еще оставалось время, так что все трое в конце концов заснули и проспали несколько колоколов.

Конан внимательно присматривался к девушке. Ему не слишком понравилось их ночное приключение. Какая-то странная магия коснулась Галкарис, и теперь киммериец пытался понять, не превратилась ли их спутница в неприятное, а то и опасное существо.

Внешне никаких изменений в девушке не произошло. Она по-прежнему оставалась привлекательной, дружелюбной, заботливой. Но иногда, особенно когда Галкарис погружалась в задумчивость, в глубине ее глаз вспыхивал желтоватый огонь. Конан мог бы дать клятву, что ничего подобного он прежде не наблюдал.

— Ты не замечаешь, что Галкарис сделалась ка-

кая-то другая? — сказал наконец киммериец Муртану, выбрав удобный момент для разговора наедине.

Муртан удивленно пожал плечами.

— Она такая же, как обычно. Тебе что-то почудилось, киммериец.

— Мне никогда ничего не чудится, — огрызнулся Конан. — И я, как правило, не ошибаюсь. Именно поэтому я до сих пор жив.

Муртан вдруг почувствовал себя усталым. Его изрядно вымотало это путешествие, а тут еще Конан с его подозрениями, намеками и самодовольством. И что хуже всего — обвинять во всем случившемся Муртану было некого, кроме самого себя. Это ведь он затеял поездку в Стигию, это ему пришлось на ум отыскать заброшенный храм кошачьей богини и завладеть ее величайшей драгоценностью.

Поэтому Муртан угрюмо отмолчался.

Но Конан продолжал настаивать:

— Приглядишься к ней. Неужели ты действительно считаешь, что та колдовская ночь прошла для нее без последствий? В ней поселился дух, прежде заточенный в пирамиде-гробнице. И что-то я не видел, чтобы этот дух покинул ее тело. Нет, говорю тебе, неведомое существо до сих пор находится внутри Галкарис. Оно управляет ею.

— Я не понимаю тебя, варвар, — сказал Муртан. — Как это оно управляет Галкарис? По-моему, ничего особенного не происходит. Мы просто идем вперед. И Галкарис идет наравне с нами. По той же самой дороге. У нее даже улыбка осталась прежняя.

— Все это до поры, — отозвался киммериец мрачно. — Как только существо решит, что время пришло, оно даст о себе знать. И ты не будешь готов ни к одной из неожиданностей, которые оно тебе преподнесет! Помяни мое слово.

— Как можно быть готовым к неожиданности? — удивился Муртан. — Она на то и неожиданность, что ее не ожидаешь.

— В нашем деле главное — быть начеку, а враг пусть считает, что ты беспечен и что тебя можно захватить врасплох в любой момент, — пояснил Конан. — На этом строятся все хитрости.

— Ты рассуждаешь так, будто Галкарис — наш враг, — рассердился наконец Муртан.

— Она не враг, — прозвучал ответ киммерийца, — но тот, кто в ней поселился, вполне может оказаться нашим врагом.

* * *

Из тростника они вышли на караванную дорогу, ведущую через пески. Однако скоро дорога свернула к Птейону, а путники решили обойти город западнее и оказались в конце концов посреди пустыни.

Здесь еще ощущалась близость обжитых земель: то и дело попадались куски пригодной для растений почвы. Там можно было видеть кустарники и пучки травы, а поблизости — грязноватые пятна среди желтого песка.

Как ни странно, эти скудные островки растительности только прибавляли пустыне уныния. Здесь

было тоскливо и однообразно, а колючие кусты и ядовито-зеленые растения с мясистыми листьями вызывали у людей безотчетную тревогу.

Песок под ногами пел при каждом шаге. Там, где не было серых пятен земли, пустыня сияла бледным золотом. На гранях крохотных кристаллов солнце сверкало ослепительным блеском.

— Какое странное место! — сказала Галкарис, оглядываясь по сторонам.

Конан отмолчался. Он не сомневался в том, что в девушке сейчас существуют одновременно две личности: сама Галкарис, милая и доброжелательная, и некое таинственное существо, которое они видели ночью. Поэтому киммериец держался по отношению к Галкарис отчужденно.

Она заметила это.

— Я обидела тебя? — спросила она у киммерийца прямо.

Конан покачал головой.

— Будет лучше, если ты оставишь меня в покое, женщина. Я не расположен сейчас к беседам.

— Как и всегда, впрочем, — прибавил Муртан, деланно смеясь. Он попытался сгладить неприятное впечатление и отчасти ему это удалось. Галкарис удивленно отошла и больше с Конаном не заговаривала.

Во второй половине дня начал собираться ветер. Конан первым заметил на горизонте легкие тучки и указал на них своим спутникам.

— Вот и хорошо, — сказал Муртан беспечно. — А

то все жара да жара. Пора бы уж и спрятать это колючее солнце за каким-нибудь облаком.

Он пытался пошутить, но никто из его товарищей не поддержал веселья.

— Непогода в пустыне может обернуться куда большей бедой, чем жара, — заметил Конан. — И это облако мне очень не нравится. Оно приползло сюда вовсе не для того, чтобы мы насладились прохладой, поверь мне. Будет буря.

— Буря? — Галкарис нахмурилась и посмотрела на коня, который шевелил ушами и косил на Конана укоризненным глазом.

Животное явно не одобряло поведения своих хозяев. Оно как будто интересовалось: долго ли люди еще намерены бродить по этим неприятным землям и не собираются ли они найти в конце концов пристойный оазис, где можно было бы напиться и отдохнуть?

— Нам остается только идти вперед, — сказал Муртан. — Может быть, нам повезет, и мы отыщем убежище прежде, чем буря разразится.

Конан скептически огляделся вокруг. Никакого убежища — на много лиг кругом. Только пески. Даже малого кустика не видать.

Они пошли дальше навстречу облаку, молясь всем богам о том, чтобы буря прошла мимо, а если и задела бы их, то только краем.

Но скоро сделалось очевидно, что избежать столкновения со стихией не удастся. Впереди небо почернело, пустыня изменила цвет — теперь она сде-

лалась темной, почти синей, и только изредка пробивавшийся сквозь тучи солнечный луч заставлял песок вспыхивать яркими искрами.

Галкарис невольно воскликнула:

— Как красиво!

Муртан мысленно согласился с ней: несмотря на все опасности, которые сулила надвигающаяся буря, красота пейзажа завораживала. Казалось, боги желали, чтобы перед смертью люди вволю насладились дивными картинами.

Один только Конан остался совершенно равнодушен к чудесам пустыни. Он приметил небольшой овраг — русло пересохшей реки, протекавшей здесь в незапамятные времена.

— Туда! — скомандовал киммериец. — Попробуем спрятаться от бури.

Они направились к оврагу. И вовремя! Буря настигла их неожиданно. Казалось, только что она была далеко — и вот уже песок, поднятый в воздух сильными порывами ветра, бушует вокруг путников. Конь отчаянно ржал и бился. Конан с трудом удерживал перепуганное животное.

Затем целый столб песка навалился на путешественников, и мир в их глазах почернел.

* * *

Галкарис очнулась от того, что кошка быстро вылизывала ее лицо маленьким шершавым языком. Девушка открыла глаза и ахнула. Она лежала посреди совершенно черной пустыни. Ни крупинцы золо-

того, который запомнился ей по предыдущему путешествию. Все вокруг было черным-черно, на зубах скрипело, глаза пощипывало, как бывает, когда в них попадает песок.

Девушка села, потеряла щеку. Кошки поблизости она не увидела, но ощущение от прикосновения звериного язычка оставалось. Галкарис могла бы поклясться, что кошка здесь только что была!

Но где же ее спутники? Внезапная паника охватила Галкарис. Она точно знала, что ни Конан, ни Муртан не могли уйти от нее. Они бы ее не бросили. И все же... Где она? Почему рядом никого не оказалось?

Галкарис медленно покачала головой в слабой надежде, что наваждение вот-вот рассеется, и она снова увидит желтые пески и двух мужчин рядом с собой.

Однако все оставалось по-прежнему.

В отчаянии она принялась разгребать песок рядом с собой и вдруг наткнулась на человеческую руку. Рука была вялой, как у мертвеца, но все же в душе Галкарис вспыхнула радость. Это не наваждение! Они действительно попали в бурю и оказались занесены землей. Все сходится.

Быстро разгребая песок, Галкарис освободила лицо человека. Это был киммериец. Казалось, он мертв. Сколько ни трясла его девушка, сколько ни пыталась пробудить в нем искру жизни — все было напрасно: Конан не шевелился и не открывал глаз.

Галкарис приложила ухо к его груди. Еле слыш-

ное дыхание донеслось до нее и слабый, замедленный стук сердца. Что бы ни случилось с Конаном, он был жив, а это главное. Галкарис оставила его лежать и принялась разыскивать Муртана.

Муртану, как оказалось, повезло меньше: он не просто был зарыт в песок, на нем сверху лежала лошадь. Галкарис пришлось тяжело. Она освободила животное, тщательно сдула песок с морды коня, особенно с ноздрей и глаз, а затем уже взялась за ноги Муртана, которые торчали из-под лошадиного крупа.

«Как он оказался под лошадьё? — недоумевала девушка. — Он ведь не сидел верхом! Вечно его угрождает — он ведь невезучий... Хотя, — возразила она самой себе, — как посмотреть. Любой другой давно бы уже погиб от всех этих неприятностей, а Муртан жив-живехонек, только наполучал царапин».

Она ухватила своего хозяина за ноги и принялась тянуть изо всех сил, надеясь освободить его из-под тяжелого груза.

«А самое его большое везение — это я», — заключила Галкарис, когда ей наконец удалось извлечь Муртана на поверхность.

Девушка совершенно выбилась из сил. Она едва не плакала от усталости, очищая лицо Муртана от песка и грязи. В углах его глаз она заметила засохшие полоски слез. «Он плакал! — подумала она потрясенно. — Ему было больно и страшно, и он заплакал!» И, пользуясь тем, что оба ее спутника крепко спали и ничего не могли ей сказать, Галка-

рис наклонилась и осторожно поцеловала Муртана в глаза.

Он вдруг улыбнулся во сне и что-то пробормотал, однако не пробудился.

Девушка уселась рядом и стала ждать.

Что же произошло? Почему они все так крепко спят?

Пески вокруг медленно смещались под порывами ветра, и до слуха девушки постоянно доносился тихий тонкий звук. Пустыня продолжала «петь».

Постепенно сонливость одолевала Галкарис. Ей было лень шевелиться, лень стряхивать с себя песок. Ее спутников опять начало заносить. Ни один из них не проснулся. В конце концов Галкарис обняла Муртана и погрузилась в крепкий сон.

... На сей раз перед ней стояла женщина. Невысокая, плотная, с длинными белыми волосами, в белоснежных одеждах, украшенных перьями... или то были ленты? Женщина хлопала Галкарис по щекам, по рукам и повторяла одно и то же слово на непонятном языке. Девушка не понимала значения этого слова и не смогла бы его повторить. Серия цокающих и свистящих звуков, для слуха Галкарис абсолютно лишенных смысла.

Но это слово обладало неким значением, чрезвычайно важным, иначе женщина не стала бы твердить его столь упорно. Наверное, то было какое-то заклинание.

Галкарис вскрикнула — ее тело вдруг пронзила судорога — и открыла глаза.

Пустыня опять изменила цвет. Теперь она сделалась багрово-красной.

— Что происходит? — смятенно вскрикнула Галкарис.

Ни следа таинственной женщины рядом она не увидела. Конан, Муртан и лошадь по-прежнему спали, наполовину занесенные песком. И снова Галкарис трудилась, освобождая их ноздри от земли и грязи.

Неожиданно она поняла, что пыталась сказать ей женщина. Это пришло как озарение, без всяких раздумий и попыток осознать случившееся. У Галкарис как будто открылись глаза, и она стала видеть то, чего прежде не замечала.

Пустыня была живой. Она представляла собой некое одушевленное существо, наделенное разумом и судьбой. И это существо было весьма недобрым. Оно ненавидело людей и всякую плоть. Оно поглощало воду и испаряло ее без остатка. Только сухое, мертвое, рассыпающееся в прах — только такое было приемлемо для существа.

«Пески Погибели! — думала Галкарис. — Так вот что это означает»

— Нет, — прозвучал голос в ее голове, — ты неправильно поняла. Это вовсе не те Пески Погибели, где находится храм богини-кошки. Не те Пески Погибели. Это — Сонная Пустыня, место смертельного сна. Она простирается на несколько лиг перед отрогами гор. Вам нужно лишь приблизиться к горам, и опасность отойдет в сторону. Но для этого ты должна...

Голос замолчал.

Галкарис сама понимала, что ей предстоит трудная работа. Может быть, невыполнимая. Она должна вытащить своих спутников отсюда, иначе они так и не проснутся, и пески погребут их под собой.

Она решила начать с Конана. Некоторое время она была занята тем, что освобождала лицо киммерийца от песка и пыли. Она даже смочила платок и протерла его ноздри, чтобы ни одной песчинки там не оказалось, а затем проделала то же с его губами.

«Если не работает, то мне придется тащить его на себе, — подумала девушка. — Я не справлюсь. А если сработает... Он поможет. Но как я могу быть уверена?»

В ожидании, пока Конан очнется, Галкарис проделала ту же операцию с конем. Может быть, животное менее чувствительно к здешней магии. Лошадь может пригодиться. Только бы встала на ноги! Галкарис как-нибудь изловчится и взгромоздит бесчувственного Муртана в седло. Она увезет его в горы, где он очнется и будет в безопасности, а сама вернется за Конаном.

И тут киммериец пошевелился. Галкарис испытала такое облегчение, что едва не расплакалась. Она прикусила губу, глядя, как Конан открывает глаза, чихает и, ругаясь, растирает себе онемевшие руки и ноги.

Наконец из горла девушки вырвался сдавленный смех, больше похожий на рыдание.

— Что это с тобой? — буркнул киммериец.

Кажется, он проснулся в очень плохом настроении. Очевидно, потому, что попал в глупое положение, к тому же на глазах у молодой девушки.

— Я счастлива тебя видеть! — не подумав, Галкарис ответила первое, что пришло ей на ум.

— Не могу сказать о себе того же, — проворчал Конан и осмотрелся по сторонам. Наконец его взгляд остановился на девушке: — Тебе не кажется, что пустыня как-то изменилась?

— Песок стал красным, — ответила она. — И еще... все спят. Кроме меня.

— И меня, — добавил Конан, вставая. — Впрочем, может быть, ты мне снишься?

— Нет, это не сон. Я уже думала об этом, — произнесла Галкарис. — Все происходит наяву.

— Ты уверена?

— Да.

— Откуда такая уверенность? — продолжал допытываться Конан.

— Потому что когда я сплю, то приходит она, — ответила девушка.

— Кто?

— Она. Богиня. Кошка. Иногда в образе белой кошки, иногда — в образе женщины в белых одеждах. Она всегда разная, но я узнаю ее в любом обличье. Как будто она знакома мне тысячу лет.

— Или как будто она — это ты, — добавил Конан, вполголоса, внимательно рассматривая Галкарис.

Девушка немного смутилась.

— Вокруг нет никаких следов, и все-таки она

здесь побывала, — добавила Галкарис негромко. — Она и разбудила меня. Она спасла мне жизнь.

Внезапно заржала и стала биться на песке лошадь. Разговор оборвался. Конан помог животному подняться на ноги и успокоил его, лаская дрожащие лошадиные ноздри. Но все равно лошадь продолжала фыркать и время от времени норовила взбрыкнуть. Конан потратил немало усилий на то, чтобы животное снова сделалось послушным и спокойным.

Галкарис все это время пыталась сообразить, что еще она забыла. Она рассеянно смотрела то на песок у себя под ногами, то на Конана с конем, то на горы, уже видневшиеся на горизонте.

— Что с тобой? — спросил киммериец, заметив, наконец, ее растерянность. — Тебя что-то беспокоит?

— Да, — промолвила девушка, — но я никак не могу понять, что именно. Я что-то упустила. Забыла.

— Что ты забыла? — нетерпеливо осведомился Конан.

— Если бы я знала, то я бы это не забыла! — воскликнула девушка с досадой. — В том-то все и дело! Я забыла. Какая-то важная вещь. Очень важная.

— Не такая уж важная, если она вылетела у тебя из головы.

— Нет, нет, она ужасно важная.

Они препирались, чувствуя, что спор давно и безнадежно зашел в тупик и оттого раздражаясь все больше и больше. Затем Конан сел на коня и поскакал в сторону гор. Галкарис смотрела ему вслед. Он стал совершенно чужим и непонятным. Он даже

кричал что-то на языке, который оставался для Галкарис абсолютно пустым звуком.

Пустыня вокруг нее пела, и ее речь была для девушки куда более внятной.

— Ты забыла, забыла, — монотонно твердила ей пустыня, — твоя голова пуста, твоя жизнь уже рассыпалась...

Галкарис рывком села и встряхнула головой. С ее волос и одежды посыпался золотой песок. Девушка щурясь посмотрела на солнце: высоко в небе пылал раскаленный шар. Галкарис не могла определить по положению светила, сколько прошло времени. Ей казалось, что минуло не более мгновения... Но, может быть, уже наступил новый день? Или Галкарис проспала вечность?

Прохладные руки легли на ее виски — кто-то подошел сзади и коснулся головы девушки. Она улыбнулась, заранее зная, кого увидит.

Женщина в белых одеждах стояла за ее спиной. Лицо женщины было прекрасным. Длинные зеленые глаза с вертикальными зрачками внимательно смотрели на Галкарис. Нежные губы шевельнулись. Женщина облизала их розовым язычком и проговорила очень тихо:

— Теперь пески улеглись. Разбуди мужчин.

Она обняла Галкарис еще крепче — и пропала. Девушке показалось, что видение не исчезло, а растворилось у нее внутри.

Оно как будто вошло в нее бесплотным духом и упокоилось прямо в ее сердце.

Галкарис наклонилась над Конаном и растолкала его, а когда киммериец распахнул свои яростные синие глаза, сказала:

— Муртан. Я забыла о Муртане.

— Что? — отрывисто бросил киммериец и вдруг вскочил. — Где мы?

— Была буря, потом нас занесло песком, — объяснила Галкарис, чувствуя, что голос ее звучит фальшиво. — Нужно найти Муртана. И откопать коня.

Конан взялся за работу. Все происходило совершенно как в первом сне Галкарис: сперва на свет явился конь, засыпанный песком, и Конан принялся сдвигать песок с ноздрей и глаз животного. Затем под крупом коня обнаружились ноги Муртана, и Конан с усилием выволок зингарца наружу.

— Странные вещи здесь творятся, — проворчал киммериец, встряхивая Муртана, чтобы тот наконец очнулся. — Меня замучили сновидения. Пустыня изменила цвет. Была черной, потом красной... И горы как будто приблизились. Их ведь раньше не было видно?

Муртан чихнул, заворочался, застонал и наконец пробудился.

— Галкарис! — воскликнул он, протягивая к девушке руки и хватая ее за волосы. — Ты не ушла! Ты вспомнила обо мне!

— Что случилось? — спросила она. Галкарис наклонилась к Муртану и подставила ухо его губам, чтобы он мог ответить ей тихо, если пожелает.

— Ты бросила меня спать в песках, — ответил Муртан с печалью. — Ты ушла, и Конан ускакал на коне навстречу горам. А я так и остался лежать здесь, погребенный под толщами земли. Красный песок затекал в мои глаза, черный песок забил мои ноздри, но я не мог ни заснуть, ни проснуться, и все глубже погружался в магию.

— Это и была магия! — сказал Конан. От чуткого слуха киммерийца не ускользнуло ни одно слово. — Всех нас околдовала пустыня. Очевидно, здешний песок смертелен для путников. Всякий, кто вдохнет его, засыпает здесь навеки и видит очень тревожные сны. Что не удивительно, учитывая обстоятельства.

— Но ведь прежде мы шли спокойно, и ничего с нами не случилось, — возразила Галкарис.

Конан повернулся к ней и несколько мгновений рассматривал девушку в упор.

— Да, с нами ничего не случилось, пока не подул ветер, — медленно, задумчиво отозвался он. — Но ветер все изменил. Ветер заставил нас дышать песком. Мы — если можно так выразиться — наглотались колдовства. Древнего колдовства, которое жило в этой пустыне много веков.

— Но почему же, в таком случае, я не заснула? — продолжала настаивать Галкарис. — Как ты можешь это объяснить?

— Я? — Конан пожал плечами. — Я никак не намерен объяснять этого. Ты оказался недоступна для этой магии, потому что еще раньше оказалась во власти совершенно другого колдовства. В тебе живет

чей-то дух, и в этом я уверен больше, чем когда-либо. Некое существо завладело твоим телом, Галкарис. И в планы этого существа совершенно не входит твоя гибель. Ты нужна ему живая — до поры. Ты должна доставить ослабевший дух туда, куда ему требуется. Поэтому «оно» и оберегает тебя.

— Это... богиня-кошка? — нерешительно спросила Галкарис.

Девушка прислушивалась к себе, пытаясь обнаружить присутствие постороннего создания, того, о котором говорил Конан, но ничего не ощущала.

— Я понятия не имею, каким демоном ты одержима, — сказал Конан, скаля зубы. — Но если он попытается вырваться наружу и причинить нам зло — берегись! Я уничтожу его, кем бы он ни оказался, и ничто меня не остановит. Если ты можешь разговаривать с ним, сообщи ему об этом. Пускай ведет себя смирно, или ему очень не поздоровится.

* * *

Городок Палестрон вырос у отрогов гор, на краю пустыни. Здесь останавливались путники, которые двигались из Птейона на юг. Чаще всего то были мелкие торговцы или храмовые прислужники, а иногда и воины. Городок был небогатый. Здесь имелись два караван-сарая и один трактир; они предоставляли местным жителям главные источники доходов.

Конан и его спутники вошли в Палестрон на закате. Они были покрыты пылью с головы до ног и валились от усталости. Галкарис ехала на коне, но и

она с трудом удерживалась в седле. Переживания минувшего дня не прошли для нее бесследно. Больше всего ее пугала мысль о том, что она превратилась в носителя чьего-то неведомого духа. И хотя этот дух до сих пор вел себя очень дружелюбно, все же Конан прав. Расслабляться и доверять неизвестно кому не стоит. Любое необъяснимое существо может оказаться опасным для человека.

И... что подумает о ней Муртан? Не станет ли он хуже относиться к ней? Галкарис отдавала себе отчет в том, что Муртан никогда не возьмет ее к себе на ложе, пока она не избавится от своего демона. Что ж, это умно — и справедливо.

— Заночуем в караван-сараяе, — предложил Конан.

— Разве у нас остались деньги? — слабым голосом спросил Муртан.

— Кое-какие, — ответил Конан, вынимая очередной кошелек из складок своего плаща.

— Где ты берешь кошельки? — удивился Муртан.

— Как все — на рыночной площади, — был ответ. — Я ведь неплохой вор, Муртан, и одно время так и жил — срезая чужие кошельки. До тех самых пор, пока не начал забираться во дворцы богачей и в храмовые сокровищницы. Кром! Однажды я обокрал самого Сета. Правда, удачи мне все эти богатства не принесли — деньги уходят от меня так же легко, как и приходят... И ни разу еще я не кричал им вслед: «Вернитесь!» Деньги глухи и глупы и к тому же их не разжалобишь ни разумными доводами, ни слезными мольбами.

Муртан немного посмеялся над этой философией.

Они устроились в дешевых комнатах, все трое — в одной, где к их услугам были набитый соломой тюфяк и две плетеных циновки. Муртан подозревал, что тюфяк кишит блохами, поэтому предпочел циновку, а Галкарис не осмелилась выбрать для себя постель лучшую, чем у ее господина, поэтому в результате на тюфяке разместился киммериец. Он провел ночь со всеми возможными в данных обстоятельствах удобствами, в то время как его спутники ворочались и не могли заснуть — циновки кололи их бока.

Утром они отправились в город. Конан считал правильным запастись провизией для дальнейшего перехода через горы, поэтому вся честная компания в конце концов очутилась на рыночной площади.

Как и все в Палестроне, рыночная площадь была здесь исключительно мала. Единственной ее достопримечательностью мог считаться храм Сета — крошечное по сравнению с Луксурским сооружение, состоящее из колоннады, бассейна и десятка пальм во внутреннем дворе.

Несколько мгновений Муртан и его спутники смотрели на это строение, пока торговка вяленой рыбой не заговорила с ними:

— Не нужно так глазеть на этот храм, чужестранцы. Сет не любит лишнего внимания.

Конан резко повернулся к ней:

— Так это храм Сета?

Она удивилась:

— Разве вы не видите каменного змея на верхушке колонны? Вон он, высится над городом. Его видно сразу — любому, кто даст себе труд взглянуть наверх.

— В самом деле, — пробормотал Муртан.

Лицо Галкарис покрыла мертвенная бледность, капельки пота выступили на ее лбу. Она была испугана, хотя никаких видимых причин для страха пока не имелось.

— Храм Сета, — повторил Муртан. — Здесь в каждом городе есть такой.

— Сет — везде, — с готовностью подтвердила торговка. — Это великий бог. Он страшен и жесток, но если не ублажать его жертвами, он уничтожит людей. Его благодарят не за добрые дела, а за то, что он не совершил еще более злых... Купите рыбы!

Конан кивнул.

— Нам нужна хорошо завяленная рыба для долгого путешествия.

— Как раз то, что вам требуется, у меня и есть.

Конан выложил перед женщиной несколько серебряных монет. Ошеломленная подобной щедростью, она сделалась словоохотливой. Желая сделать чужеземцам приятное, она принялась знакомить их с достопримечательностями:

— Вон там, видите? Растрепанная женщина, закутанная в покрывало. У нее очень светлые волосы, что необычно в здешних краях. Наверное, она больная. Во всяком случае, она слишком молода для того, чтобы быть седой. Она безумна. Некоторые счи-

тают, что она сделалась вместилищем божественного духа. Какое-то божество вещает ее устами... Или, возможно, демон. Кто знает? В Стигии много демонов, к ним нужно привыкнуть.

Конан и Муртан повернулись в ту сторону, куда указывала им торговка рыбой. Галкарис осталась безучастной. Она, как замороженная, продолжала рассматривать храм Сета. Пусть маленький, он оставался враждебным местом, домом для множества змей, каждая из которых может оказаться воплощением злобного бога.

Конан сразу отметил ту женщину, о которой говорила торговка. Что-то в ее облике насторожило киммерийца. Несомненно, то была безумная — или нищенка, притворяющаяся таковой. В Шадизаре Конану приходилось видеть дервишей, нищих, которые чрезвычайно ловко изображали из себя умалишенных. Таким лучше подают, а кроме того, сумасшедшие пользуются репутацией людей, способных разговаривать с духами. А тот, кто говорит с духами, в состоянии предсказывать будущее и толковать прошлое. Очень выгодное занятие.

Впрочем, почти сразу же Конан понял, что та женщина не притворяется. Она действительно сильно отличалась от других людей. Она была выше многих — ростом едва ли ниже самого киммерийца. Длинные белые волосы ниспадали почти до самой земли. Они были густыми, но невероятно грязными и спутанными, в них застряли репы, какие-то щепочки, они были полны колтунов. Она куталась в

просторное покрывало, но оно могло спрятать лишь часть ее тела, так что постороннему взору были открыты ее ноги до самых колен и левая половина лица — бледного, в пятнах солнечных ожогов, с удлиненным зеленым глазом.

— Раз уж вы были так щедры со мной, — продолжала торговка, подмигивая Муртану, — то я хочу дать вам добрый совет. Послушайтесь меня, не прогадаете. У нас в городе многие считают эту бедняжку пророчицей. Если уж человек ей понравился, она всегда ему предскажет. И от беды поможет уберечься, и посоветует как не упустить выгоду. Она многое знает! Ей духи открывают. Или какой-то бог, чье имя она держит в строгой тайне. Тут уж спрашивать нельзя, она рассердится.

— Как ее зовут? — Конан отвернулся от женщины и уставился опять на торговку.

— Она называет себя Сешет, — ответила та. — Вечно вокруг нее крутятся бродячие животные. Она их кормит. Не знаю, где она берет для них еду. Ворует, наверное. Говорят вам, она странная! Сама недоедает, но о своих зверях всегда позаботится... Вы подойдите к ней, заговорите. Может, что-то полезное для себя и узнаете.

— Где она живет? — подала голос Галкарис. С того самого мгновения, как Сешет появилась в поле ее зрения, девушка не отводила от нищенки взора, как будто пыталась разглядеть в ней что-то.

Торговка пожала плечами. На ее широком лице появилось неодобрительное выражение.

— Никто не знает. Она ведь бродяжка. Сегодня здесь, завтра там. Некоторые добрые люди пускают ее в дом, особенно если идет дождь, но жрецы из храма Сета этого не одобряют. Так что по большей части она ночует прямо под деревьями, вон там.

И болтушка показала на пальмовую рощу, видневшуюся в конце главной улицы города — там, где Палестрон заканчивался и начинались горы.

— Ясно, — произнес Муртан. — Благодарим тебя, добрая женщина.

Та покачала головой.

— Я всего лишь рассказала вам о том, что здесь творится любопытного. Приезжие всегда интересуются. Иногда у нас выступают бродячие музыканты или фокусники, но на сей раз никого нет. Вам не повезло.

Конан уже шагнул через площадь прямо к сумасшедшей женщине.

— Тебя зовут Сешет? — заговорил он с ней без обиняков.

Та вздрогнула, как будто ее ударили. Открытая половина ее лица покраснела. Ярко-зеленый глаз вспыхнул.

Конан отметил, что нищенка, несмотря на свое бедственное положение и странный образ жизни, ухитряется где-то добывать косметику и подкрашивать глаза и губы.

— Я Сешет, — ответила женщина хрипло.

— Мое имя Конан из Киммерии, — представился варвар. — А это мои спутники. — Он показал рукой

на Муртана и Галкарис. — Мы идем из самой Зингары.

— Это далеко, — утвердительно произнесла Сешет.

— Ты знаешь, где находится Зингара? — Конан не стал скрывать удивления.

— Я многое знаю, — был ответ загадочной женщины. — Но это не означает, что я знаю все. Кто твои друзья?

— Муртан — неплохой, хоть и глуповатый человек из Кордавы. Галкарис — его подруга.

— О, это любовь, — тихо промолвила Сешет. — Очень хорошо. Я люблю влюбленных. Я им помогаю.

— Это прекрасно, Сешет. Ты знаешь, для чего мы здесь?

— О, вы здесь для того, чтобы умереть, — не раздумывая отозвалась женщина и отбросила со лба прядь длинных белокурых волос. — Это очевидно. Все приходят в Стигию, чтобы умереть.

— Почему?

— Потому что чужеземцы всегда желают оказаться в храме Сета. Храмы Сета — они повсюду. Храмы Сета. Они хранят богатства. Человек приходит, человек хочет видеть золото, драгоценные камни. Человек видит кровь, змею, смерть. Так всегда.

— Возможно, на сей раз все произойдет иначе, — сказал Конан.

Муртан и Галкарис тоже приблизились к нищенке. Муртан смотрел на нее со смесью брезгливости и сострадания — обычный взгляд богатого, преуспева-

ющего человека. Что касается Галкарис, то она дрожала все сильнее, бледность разливалась по ее лицу.

— Сешет, — пробормотала она. — Сешет.

А затем Галкарис повернулась к Муртану:

— Я хочу, чтобы она пошла с нами!

Муртан изумленно воззрился на свою рабыню. Никогда прежде та не позволяла себе говорить подобным тоном. Да и голос Галкарис странным образом изменился: он звенел, в нем появились повелительные нотки.

— Ты хочешь? — медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, переспросил Муртан.

Конан быстро оттеснил Галкарис в сторону.

— Мне кажется, Муртан, нам лучше послушаться ее.

— Я должен слушаться собственную рабыню? — Муртан не верил своим ушам.

— Она говорит... Кром! Это говорит НЕ ОНА! — Конан откровенно досадовал на глупость Муртана, на его упорное нежелание понимать, что в Галкарис живет отныне не одна личность, а две, и со второй ипостасью девушки лучше не спорить. — Мне кажется, Муртан, что Сешет обладает тайной, которая имеет какое-то отношение к нашему заброшенному храму.

Он говорил вполголоса, однако не слишком беспокоился о том, что обе женщины могут его услышать. Сешет и Галкарис были чересчур поглощены встречей, чтобы обращать внимание на посторонние разговоры.

Муртан покачал головой:

— Кто обезумел здесь, ты или я? Или, возможно, мы все?

— Мы все в здравом рассудке, Муртан, — ответил киммериец. — Поверь мне. Я разбираюсь в магии. Сейчас ничего магического не творится.

— Если не считать того, что верзила-варвар принуждает меня слушаться мою же собственную рабыню, а та ведет себя так, словно в нее вселился некий дух, демон или какое-то другое потустороннее существо...

— Галкарис уже давно не рабыня, — сказал Конан. — Она остается с тобой только потому, что влюблена в тебя. Она вольна уйти в любое мгновение, и у тебя не осталось власти помешать ей. Пора бы тебе осознать это обстоятельство и поменять отношение к ней.

— Интересно, когда же это произошло, — буркнул Муртан.

— В тот момент, когда разбойники уничтожили твой караван, — безошибочно ответил Конан. — В тот момент, когда вы двое остались целы. Если бы мы с Галкарис не пришли к тебе на помощь, ты бы вообще был сейчас мертв. Она вернулась к тебе только потому, что таково было ее личное желание.

— Как же сильно изменяет человека путешествие! — воскликнул Муртан. — Прежде я думал, что целью всякой поездки является обогащение. Знаниями, опытом, впечатлениями, деньгами и товарами, наконец. Но оказывается, что в пути человек многое теряет. Слишком многое.

— Но приобретает все же больше, — возразил Конан.

— Я потерял рабыню.

— Зато Галкарис нашла свободу.

— Я потерял всех моих слуг.

— Они нашли смерть.

— Ничего себе, приобретение!

— Оно ожидает всех, Муртан. От человека требуется только умереть с честью.

— По-твоему, мои слуги умерли с честью? Да их перерезали, как баранов! — с горечью произнес Муртан.

— Они погибли на поле боя, — спокойно отозвался Конан. — Они сражались, как могли. Да, полагаю, лучшей смерти ни один мужчина не в состоянии пожелать для себя. Так что их смерть — приобретение.

— Ну, ты меня утешил, — молвил Муртан не без иронии.

Конан пожал плечами.

— Понимай как знаешь, — был ответ киммерийца. — В любом случае, сейчас мы приобрели интересную личность для изучения. Ты, кажется, любил свитки, книги, разные записанные истории? Сейчас сама жизнь развернула перед тобой новый свиток. Попробуй разобрать письмена.

— В этих письменах ты сильнее меня! — засмеялся Муртан. От его дурного настроения не осталось и следа.

Конан пожал широкими плечами.

— Сешет как-то связана с богиней-кошкой, вот что я думаю. Равно как и то существо, которое жи-

вет в душе нашей Галкарис. Встреча этих женщин была predetermined. Они не могли не заметить друг друга. Полюбуйся, как они смотрят, как они общаются.

Со стороны, впрочем, нельзя было бы сразу заметить, что Галкарис и Сешет как-то «общаются». Они просто молча стояли друг против друга и смотрели во все глаза.

Это продолжалось какое-то время, а затем Сешет громко свистнула, и, повинувшись ее команде, отовсюду стали стекаться к ней животные — кошки и собаки. Они терлись о ее ноги, подсовывали головы ей под руки, чтобы она их погладила.

Сешет смеясь разговаривала с ними на каком-то древнем языке. У Конана мурашки пошли по коже, когда он разобрал несколько слов. Сешет употребляла древний язык Ахерона! Откуда бы простая нищенка знала это наречие, давно ушедшее с лица земли? В каком зловещем храме набралась она умерших премудростей?

Неужели Конан ошибся, и Сешет связана с черной магией змеепоклонников?

Он покачал головой. Язык был древним, но все же звучал он не как заклинание, а как обычное наречие. Возможно, то был какой-то стишок или песенка. Звери ничуть не боялись этого языка.

Сешет распахнула покрывало, в которое куталась. Перед глазами зрителей открылось ее нижнее одеяние — простая туника с оборванным краем. Подол едва прикрывал ее колени.

А из складок покрывала посыпались яства — обглоданные кости, на которых еще сохранилось немного мяса, рыбы головы, липкие кусочки творога...

Животные, ворча, набросились на угощение.

— Не слишком аппетитно выглядит, — брезгливо проворчал Муртан. — И пахнет от нее... брр!

Галкарис не замечала ни запаха, ни неприглядного вида звериного угощения. Она с восторгом следила за Сешет.

И тут лицо нищенки исказилось от ужаса. Она закричала, замахала руками, разгоняя своих зверей. Каждый поспешил удрать, унося в зубах какое-нибудь лакомство, так что Сешет осталась стоять среди брошенных костей и рыбьих скелетиков, обглоданных дочиста.

— Что происходит?.. — начал было Муртан. Он не завершил фразы, потому что ответ явился его взору сам собой.

Из маленького храма Сета выбежали стражи, человек пять. Они держали в руках изогнутые мечи, больше похожие на серпы.

Сперва Конан подумал, что никогда прежде не встречал людей столь безобразного вида и телосложения. И только мгновением позже он осознал, что стражи из храма — вовсе не принадлежат к людскому роду в прямом смысле слова. Это были человекообразные существа, похожие больше на крокодилов, чем на людей. Их короткие кривые ноги заканчивались широкими ступнями с перепонкой между пальцами.

Их руки были также короткими и выглядели слабыми, тонкими, однако мечи, которые они сжимали, смотрелись устрашающе. Длинные туловища стражников покрывала чешуя, вдоль хребта тянулись в три ряда шипастые гребни. А венчала это отвратительное тело безобразная голова с крокодильей пастью. Железные ошейники и юбки из медных пластин, закрывавшие монстрам горло и животы, довершали их внешний облик.

Двигаясь на удивление быстро и сильно раскачивая при ходьбе верхнюю часть торса, существа бежали прямо к Сешет и ее новой подружке.

— Кром! — взревел киммериец, выхватывая меч.

Муртан непроизвольно сжался.

— Ты хочешь драться с ними?

Синие глаза Конана сверкнули.

— Почему бы и нет?

— Не лучше ли спастись бегством?

— Куда бежать? — резонно возразил Конан. — Мы гости в их стране. Эти существа отыщут нас повсюду, пока мы в Стигии. Нет, мы примем бой и победим.

Муртан нашел в себе силы вытащить свой тонкий меч. Он решил держаться так, чтобы между ним и чудовищами находился киммериец. Ну а если придется сразиться с монстром лицом к лицу — что ж, Муртан попробует не оплошать. В конце концов, не трус же он!

И все же оказавшись в кольце разъяренных людей-крокодилов, Муртан подумал, что настал его по-

следний час. Нет ничего хорошего в том, чтобы окончить свои дни в крокодильей пасти. От храмовых стражников исходило жуткое зловоние. Их когтистые лапы били воздух перед самым лицом Муртана, который едва успевал уворачиваться. Одного меткого удара хватило бы для того, чтобы раскрыть лицо до самой кости, а то и лишить человека глаза.

Конан без устали наносил один удар своим широким мечом за другим, но все они пропадали втуне, не причиняя людям-крокодилам никакого существенного вреда.

Сталь скользила по поверхности твердой кожи, а шипы не позволяли мечу врубиться в спины монстров.

По опыту похожих схваток киммериец знал, что уязвимым местом подобных чудовищ чаще всего бывает разинутая пасть или глаза. Глотка, как правило, не защищена. Если попасть мечом прямо в горло крокодила, когда он распахнул челюсти в намерении проглотить свою предполагаемую жертву, то можно одолеть хищника.

Конан упал на землю и перекатился, подбираясь к самому крупному из крокодилов. В этом стражнике киммериец угадывал предводителя всего отряда: тот был и крупнее прочих, и на ошейнике носил какие-то знаки различия — золотые узоры и драгоценности.

Муртан безуспешно размахивал мечом. Он желал только одного: сделать так, чтобы его не съели до

тех пор, пока варвар не разделается со всеми монстрами.

Сешет стояла чуть поодаль. Занятые яростным киммерийцем, стражники не спешили нападать на нее. Что до Галкарис, то она погрузилась в непонятный транс. Неясно было даже, замечает ли она творящееся вокруг. На ее безмятежном лице застыло выражение полного покоя. Она как будто слушала нечто, происходящее очень далеко, в неведомых людям мирах. Глаза ее созерцали картины, скрытые от прочих ее спутников.

Конан тем временем добился своего: теперь он стоял на одном колене, заняв позицию прямо возле предводителя стражников. Человек-крокодил нагнулся и распахнул пасть. Хотя он и был вооружен серповидным мечом, все же животная природа постоянно одерживала в нем верх над человеческой, и он предпочитал разделаться с жертвой не с помощью стали, но обыкновенным способом, проглотив ее.

Пора! Конан сделал выпад, и лезвие вонзилось прямо под язык чудовищу.

Пасть захлопнулась. Двойной ряд зубов лязгнула на стали. Казалось, еще миг — и предводитель храмовых стражников попросту перекусит меч пополам. Но добрая киммерийская сталь оказалась сильнее и устояла перед натиском мощных челюстей.

Конан изо всех сил надавил на меч, проталкивая его глубже в глотку зверя. Киммериец буквально насадил монстра на клинок. Неожиданно желтые глаза чудища поблекли, подернулись пленкой. Это

произошло в одно мгновение. Только что они пылали яростью и были полны жизни — и вдруг остеклели и застыли. Затем человек-крокодил расслабил челюсть, раскрыл пасть и повалился набок. Его хвост несколько раз ударил по земле, с каждым разом все слабее, и наконец чудище затихло.

Конан высвободил свой меч из глотки убитого и вскочил на ноги. Он огляделся по сторонам. Залитый кровью врага, весь покрытый царапинами, со смертоносным мечом в руках, он громко расхохотался. Воинственный клич сорвался с его губ.

На миг чудовища отшатнулись, словно опасаясь схватиться со столь опасным противником. Смерть предводителя лишила их мужества.

Муртан опустил свой меч и вытер пот со лба. Он уже надеялся было на мирный исход сражения... Вот-вот храмовые стражники побегут прочь, оставив поле боя... Неужели так просто было одолеть их? А ведь сперва они выглядели такими жуткими!

Но торжествующая улыбка застыла на губах Муртана. Храмовые стражи колебались только миг, а затем, стуча хвостами по земле, они приблизились к Конану и Муртану и сомкнули кольцо.

* * *

Галкарис видела себя в совершенно другом месте. Она стояла на берегу большого просторного пруда. Искусственно посаженные здесь кусты были покрыты алыми и белыми цветами. Вдали виднелась статуя богини, закутанная в полупрозрачное покрыва-

ло. Она стояла среди колонн, поставленных прямо на землю. Каждая колонна изображала какое-то определенное дерево, только Галкарис не могла в точности сказать, как называются все эти деревья. У них были звучные, но незнакомые девушке имена.

Самым странным, однако, было то, что храм этот находился на том же самом месте, где сейчас стоял храм Сета. В Палестроне. И охраняли его совершенно другие существа — вовсе не крокодилы. Боги! Кто же это был? Галкарис не могла рассмотреть их с того места, где она находилась. Она лишь видела их искаженные отражение в воде пруда. Ветер то и дело заставлял водную гладь морщиться, так что Галкарис не могла толком разглядеть, как выглядели эти создания. Но зато она ощущала исходящее от них дружелюбие и тепло.

«Кто вы? — хотела она спросить. — Вы придете к нам на помощь? Я слышу крики и шум битвы... Где-то далеко сражаются люди. Вы должны помочь им!»

Она услышала чей-то голос, раздававшийся, казалось, прямо у нее в голове:

— Эти люди, которые сражаются, — они дороги тебе?

— Да, — быстро ответила Галкарис. — Спасите их!

— Такова твоя воля? — снова спросил голос.

— Да! — произнесла она, не задумываясь.

— Хорошо, — помедлив, молвил голос. — Мы поступим так, как ты приказываешь.

Странный покой снизошел на душу Галкарис. Она засмеялась, и по воде пробежала рябь. Запах

цветов сделался густым, таким густым, что его можно было разрезать ножом. На губах Галкарис появился сладкий вкус. Она облизнулась и вздохнула...

* * *

Муртан услышал, как Галкарис смеется у него за спиной, и обернулся, чтобы взглянуть на нее. Уж не вздумала ли девушка колдовать? Не ошибся ли Конан? Муртан сильно сомневался в том, что киммериец так уж непогрешим в вопросах, касающихся магии. Магия — вещь непостижимая, никогда нельзя заранее сказать, как она проявит себя и в какой момент следует опасаться очередного магического воздействия.

— Да! — закричала Галкарис. — Да!

Глаза ее закатились, и она упала на землю.

Внезапно натиск людей-крокодилов на Конана ослаб. Киммериец получил возможность перевести дыхание, а Муртан опять вытер лицо. Едкий пот попал ему в глаза, и их щипало. Кожа горела, как будто Муртана ошпарило. Грудь ходила ходуном, он с трудом хватал ртом воздух. Кажется, никогда в жизни Муртану не приходилось так тяжело.

И тут крик застрял у него в горле. Он увидел наконец тех, кто пришел к ним на помощь.

Словно бы из-под земли, неизвестно откуда, выскочил десяток толстяков. Но то были вовсе не забавные безобидные толстячки, как можно было бы предположить, о нет! Десять крепких воинов, вооруженных серповидными мечами. Они передвигались

на коротких толстых ножках, похожих на бочонки. Их животы были подвязаны цветными поясами, а головы...

Да, у них были головы гиппопотамов.

Муртан не верил своим глазам. Так не бывает! И откуда они выскочили, в конце концов? Только что их не было!

Конан, в отличие от своего «цивилизованного» товарища, не задавался подобными вопросами. Менее всего занимала киммерийца проблема происхождения помощи. Если помощь прибыла своевременно — то пусть она хоть из преисподней выскочила, лишь бы принесла плоды.

Объединившись с толстяками, Конан и Муртан принялись с удвоенными силами атаковать людей-крокодилов. Тяжко пришлось теперь храмовой страже. Люди-гиппопотамы теснили их, наваливались всей тяжестью, топтали упавших. Несмотря на животы и жировые складки, неожиданные союзники людей в битве с монстрами были довольно ловкими и быстрыми.

Один из них встал спина к спине с киммерийцем. Конан видел своего следующего противника — то был крокодил с ярко-желтыми глазами и золотыми узорами на длинной зеленой морде. Он был выше прочих и явно рвался в лидеры.

Этот крокодил решил не повторять ошибки своего предшественника. Он не разевал пасть — напротив, держал челюсти плотно сомкнутыми и орудовал мечом. Конан отражал удар за ударом. В глазах

крокодила он читал холодную расчетливую ненависть.

Мощным выпадом Конан заставил своего врага отшатнуться, а затем развернулся так, чтобы крокодил смотрел на него только одним глазом, слева. И пока крокодил размахивался своим кривым мечом, киммериец нанес точно выверенный удар прямо в вертикальный зрачок зверя.

Пробить глаз оказалось не так уж просто, и всей мощи киммерийца едва хватило на это. Преодолев сопротивление плоти, лезвие вошло прямо в мозг крокодила.

Тем временем человек-гиппопотам толкнул лбом одного из нападавших, и тот покатился по земле, визжа.

Новый приятель Конана с силой опустил ногу на открывшийся живот крокодила. Пинок оказался столь силен, что во теле крокодила что-то хрустнуло — должно быть, сломался позвоночник. Шкура осталась неповрежденной, но крокодил не смог подняться. Он корчился на земле, и между его зубов текла темная кровь.

Человек-гиппопотам отвернулся от своей жертвы, чтобы заняться следующим противником. Кривые мечи сшибались в воздухе с невероятной быстротой, искры, высекаемые сталью, так и летели. Вдруг в воздух взвилась короткая крокодиля рука. Гиппопотаму удалось отсечь ее.

Конан покачал головой. Киммерийская сталь не в состоянии была разрубить эти шкуры, но стигий-

ская — другое дело. Стигийской стали это оказалось под силу.

Еще двое гиппопотамов схватили сразу одного крокодила. Мощные челюсти перекусили хвост хищника. Истекая кровью, крокодил пробежал несколько шагов и упал на брюхо. Его лапы заскребли землю, а потом скрючились и застыли.

Оставшиеся стражники бросились наутек. Гиппопотамы не преследовали их.

Муртан опустился на землю. Пот ручьями стекал с его лица, струился по телу под одеждой. Конан встал рядом с ним, опустив меч и с мрачной решимостью наблюдая за удирающим врагом.

Вдруг Галкарис вскрикнула и без чувств рухнула на руки своей новой подруги. Сешет осторожно обняла ее и уложила на землю рядом с Муртаном.

Конан повернулся назад, к рыночной площади. Как он и ожидал, площадь давно опустела. Оставалось только гадать, как часто разыгрываются здесь подобные сцены. Судя по отсутствию любопытствующих зрителей, подобные истории случаются в Палестроне нередко. Люди привыкли к жестокости храмовой стражи. Более того, местные жители приучены не вмешиваться. Вероятно, они уже знают, что любое столкновение со служителями Сета неизбежно заканчивается смертью.

Люди-гиппопотамы струдились вокруг Конана. Они дружески кивали ему своими огромными головами и постукивали зубами, что, очевидно, заменяло у них улыбку.

В голове киммерийца прозвучал низкий голос:

— Где та, что призвала нас на помощь?

— Кто? — удивился Конан.

— Нас позвала богиня-кошка, — уверенно ответил голос.

Конан понял, что голос этот исходит от предводителя странных зверообразных людей. Очевидно, они могли общаться только таким образом, поскольку были лишены обычных органов человеческой речи.

Галкарис открыла глаза и задохнулась от ужаса.

— Кто это такие? — ей с трудом удалось выдать несколько слов. Она устала на гиппопотамов с нескрываемым страхом.

— Это друзья, — ответил Муртан. — Если бы не они, крокодилы из храма Сета разорвали бы нас на части. Неужели ты ничего не помнишь?

— Я была... — медленно произнесла девушка. Она как будто вспоминала что-то, постоянно ускользавшее из ее памяти. — Я находилась здесь... но здесь все выглядело иначе. Пруд, кусты... А вон там — статуя богини!

Она показала рукой в сторону храма Сета.

Люди-гиппопотамы закивали.

— Так и было, — подтвердил их предводитель. — Когда-то, в очень далекие времена, на этом самом месте находился маленький храм богини-кошки. Этот храм был выстроен при усыпальнице, в которой хранили служителей богини. А мы жили в пруду. Большой красивый пруд, и кругом — множество цветущих кустов. Эта женщина, — он указал на

испуганную Галкарис, — вызвала нас из далекого прошлого, в которое мы погрузились давным-давно...

— Я не понимаю, — растерянно вздохнула Галкарис. — Мне опять снился сон? Я впала в какое-то забытьё... Но я видела все это!

— Конечно, она видела! — загомонили гиппопотамы.

Пыхтя, они сгрудились возле девушки. Каждый хотел оказаться поближе к ней.

Конан решительно оттеснил их в сторону.

— Вы ее задушите! Отойдите!

Они нехотя расступились, но все равно так и тянулись, чтоб хотя бы ненароком прикоснуться к съевшейся на земле Галкарис.

Наконец один из них возгласил:

— Она хранит в себе дух богини!

— Это невозможно, — сухо возразил Конан. — Я не желаю больше слушать ничего о демонах, духах и богинях!

И тут вмешалась Сешет:

— Уходите! Вы не должны быть здесь. Вам не место в этом городе.

Голос нищей бродяжки прозучал повелительно. На мгновение весь ее облик изменился, осанка сделалась властной, а лицо как будто озарилось ярким светом. Этого оказалось довольно для того, чтобы люди-гиппопотам упали перед ней на колени и склонили головы.

Еще мгновение — и они превратились в обыкновенных гиппопотамов. Это произошло прямо на гла-

зах у Конана и Муртана, и все же ни один из свидетелей чудесной метаморфозы не смог бы сказать, как именно все случилось. Только что перед ними находились человекоподобные существа — и вот уже они бегут на четырех конечностях и пыхтят, как самые обычные звери.

— За ними! — повинуюсь внезапному порыву, сказал Муртан. — Посмотрим, куда они нас приведут.

Гиппотамы передвигались не слишком быстро, так что путники без особого труда смогли выследить их. Конан, как и Муртан, полагал, что следовало бы побольше узнать об их неожиданных спасителях. Откуда они? Кто их прислал на помощь? Что за видения, в конце концов, посещают Галкарис?

Будь Галкарис знатного происхождения, Конан мог бы еще допустить мысль о том, что она была некогда посвящена в мистерии древних божеств Ахерона или зловещих демонов Стигии: некоторые аристократы баловались опасным тайным знанием, считая, что это свидетельствует об их принадлежности к «клану избранных», бесстрашных, стоящих высоко над толпой.

Но Галкарис была дочь таких простых и бедных людей, что мать продала ее в рабство, лишь бы накормить остальных. Всю жизнь девушка прислуживала другим, согревала своих господ в постели или подавала им еду, ею же самой и приготовленную. Нет, она не могла принадлежать к жреческой касте.

До приезда в Стигию она вообще ничего не знала о стигийских божествах. Что до демонов, звероло-

дей, прочих жутких существ, обитающих здесь, — то их она боялась до обморока.

И только потеряв сознание и погрузившись в свои странные сновидения, Галкарис начинала понимать происходящее и каким-то образом управлять им.

Поэтому предположение об одержимости было, с точки зрения Конана, наиболее вероятным. И киммериец хотел бы знать, как далеко может завести их то незримое создание, которое избрало своим обиталищем тело Галкарис.

Люди-гиппопотамы? Хорошо, киммериец согласен: следует проследить за ними.

Путники покинули Палестрон, даже не потрудившись забрать лошадь и скудные пожитки. О коне прекрасно позаботится тот, кто в конце концов решится присвоить его; что до пожитков, то там не оставалось ничего такого, о чем стоило бы жалеть.

Скоро они оказались на берегу реки. Это был не сам Стикс, а какой-то его приток. Стройные пальмы росли здесь повсеместно. У оснований широких листьев уже созревали плоды, и особые пальмовые служители надели на эти плоды специальные тонкие сетки. Когда фиги окончательно станут спелыми, останется только подцепить сетку крюком на конце длинной палки — и снять ее вместе с содержимым. А потом прямо в этой сетке фиги понесут на рынок.

Большинство таких пальмовых плантаций принадлежат в Стигии богатым храмам Сета. Наверное, и эта — не исключение.

Впрочем, можно было не опасаться встретить кого-либо из жрецов змеинобога: никто из храмовых служителей, разумеется, не трудился и ничего не выращивал; этим занимались рабы, принадлежащие храму.

— По-твоему, среди рабов не может оказаться рьяных приверженцев бога? — удивился Муртан, когда Конан поделился с ним своими соображениями.

Киммериец пожал плечами.

— Рабы редко разделяют верования и убеждения своих хозяев. Особенно если эти верования опасны и могут закончиться кровью для тех, кто не имеет возможности уклониться от участия в жертвоприношении.

— Но случается и иначе, — настаивал Муртан. — Разве не встречаются люди, понявшие, в чем состоит их выгода, и начавшие помогать своим хозяевам против собственных же товарищей?

— Встречаются и такие, — не стал возражать Конан, — однако гораздо реже, чем хотелось бы иным хозяевам... Кроме того, предавать своих — небезопасно. Об этом тоже следует помнить.

— Смотрите! — прервала их разговор Сешет. — Там деревня.

— Что я говорил? — заметил Конан (хотя о деревне он не говорил ровным счетом ничего). — Вот мы и нашли деревню. Здесь наверняка живут те, кто повесил сетки на пальмы. Можно будет расспросить их о гиппопотамках. Наверняка они знают об этих существах что-нибудь интересное.

Между тем гиппопотамы добрались до реки и один за другим скрылись в воде. Теперь они шли по речному дну, выставив наружу только торчащие ноздри, уши и глаза. Вода, как казалось издали, вскипала, взбудораженная мощными телами животных.

Муртан вдруг пошатнулся.

— В глазах чернеет, — объяснил он с виноватой улыбкой. — Я не то устал, не то... Да, кажется, я напуган.

— Во время битвы ты не был напуган, — указал ему Конан.

— Страх догнал меня здесь.

— Хорошо, что это случилось сейчас, когда все уже позади, — рассудил киммериец. — Гораздо хуже, когда человек пугается еще до сражения и бежит от врагов. Такой человек называется трусом.

— А я? — совершенно по-детски спросил Муртан.

Конан пожал плечами.

— Если бы ты не признался в своем запоздалом страхе, то об этом никто бы и не узнал. Наверное, ты не трус.

— Вот еще один талант, о котором я не подозревал.

— Не возгордись, Муртан, раньше времени... Тебя еще ожидают открытия. Стигия — непостижимая страна. Иногда вообще непонятно, как могут здесь жить обыкновенные люди.

Муртан молча кивнул в знак согласия, но продолжить разговор в том же роде не захотел.

С каждым шагом путники все лучше видели деревню. Десяток круглых хижин, покрытых тростником.

— Похожие строят в Черных Королевствах, — отметил Конан. — Очевидно, здешние жители — выходцы оттуда.

— Это подтверждает твоё предположение о том, что обитатели деревни — храмовые рабы, — добавил Муртан. — Вряд ли найдутся поселенцы, которые захотят по доброй воле покинуть родные Черные Королевства и перебраться на жительство в Стигию, да еще поближе к храму Сета, пусть и небольшому.

— Ты прав, — сказал Конан. — Однако теперь помолчи. Я бы хотел послушать, что здесь происходит.

Они остановились и замолчали. Потом Галкарис осторожно коснулась руки киммерийца:

— А что здесь такого происходит? Я ничего не слышу.

Конан повернулся к ней и внимательно всмотрелся в ее лицо. Никаких признаков того, что за девушку говорит вселившийся в нее дух. Все то же ясное, открытое лицо, которое так понравилось Конану с первого мгновения его знакомства с Галкарис.

— В том-то и дело, Галкарис, — подтвердил киммериец, — я тоже ничего не слышу. А должен бы. Звяканье посуды, шум голосов, хотя бы звуки шагов... Здесь слишком тихо.

— Наверное, все просто ушли на работы, — предположила девушка.

Конан, не отвечая, покачал головой.

И тут все разом изменилось.

Навстречу пришельцам вышел человек. Он был высоким, смуглым, с правильными чертами лица и странными при такой темной коже большими, прозрачными, голубыми глазами.

На нем была чистая белая туника, ниспадавшая до пят.

— Привет вам, чужеземцы! — произнес он высокопарно и поднял руки в знак дружеских намерений.

Конан остановился и ответил ему кивком головы и взмахом руки.

Прочие спутники киммерийца рассматривали незнакомца во все глаза. Только Сешет опять закуталась в свое покрывало и задрожала, как будто ей стало холодно. Но Сешет вообще вела себя странно, поэтому на ее поведение никто не обратил внимания.

— Меня зовут Апху, — представился рослый незнакомец. — Я рад встретить новых людей в моей деревне.

— Ты хозяин этого поселения? — уточнил киммериец.

— Здесь живем только я и мои слуги, — ответил Апху, радостно улыбаясь. — Могу ли я пригласить вас ко мне, чтобы вы передохнули и вкусили пищу под моим кровом?

— Мы с удовольствием принимаем твое приглашение, Апху, — вмешался Муртан, видя, что Конан колеблется. Молодому зингарцу вдруг показалось,

что нет ничего более желанного, чем очутиться под крышей одного из этих круглых домиков и выпить прохладной воды из чаши, сделанной из половинки кокосового ореха. А угощение, которое сулил Апху! Наверняка какое-нибудь чудесное местное блюдо, приготовленное из смокв!

Конан посмотрел на Муртана искоса, и в глазах киммерийца Муртан прочитал явное неодобрение. Однако отступать было уже некуда: повернуться спиной и уйти — не лучший выход, когда предложение нанести визит уже принято.

Апху держался просто и приветливо. Казалось, он испытывает искреннее удовольствие, видя у себя в доме гостей. Первым в хижину вошел Муртан, за ним последовал киммериец. Галкарис ввел за руку сам хозяин; что до Сешет, то та наотрез отказалась входить.

Когда Апху попытался настаивать, она повалилась на землю и, лежа лицом вниз, закричала:

— Кто я такая, чтобы сидеть рядом с господами? Я недостойна разделять кров с моей госпожой! Я — никто, я — пыль и прах! Нет, я должна остаться там, где мне самое место, — в пыли и прахе!

Апху понял, что самое разумное было бы оставить ее в покое.

В деревне по-прежнему не было ни души, если не считать самого хозяина и его гостей. Впрочем, никто не задавал никаких вопросов. Конан понимал: рано или поздно эта загадка разрешится. Он не хотел тревожить события.

Помалкивал и Муртан. Теперь он почти жалел, что согласился навестить Апху в его доме. То есть самому Муртану было здесь хорошо. Прохлада, вода, сладкие фиги — все как мечталось. Но настороженный вид киммерийца заставлял Муртана нервничать. Муртан привык доверять варварским инстинктам своего спутника.

А Конан явно ощущал здесь нечто нехорошее.

— Я хочу поднять эту чашу, полную чистой, прохладной воды, за доброе здравие моих неожиданных гостей! — произнес Апху.

Все присоединились к тосту. «Интересно, как там Сешет? — подумала Галкарис. — Она не вошла, но ведь и ее мучает жажда. Может быть, мне следовало бы выйти к ней с водой и напоить ее, коль скоро она отказывается находиться под одной крышей с нами».

Но Галкарис не осмелилась на столь самовольный поступок. Сейчас, когда она оказалась в доме, рядом со своим господином, она вдруг вспомнила о том, кем является на самом деле. Путешествие уничтожило было разницу между нею и Муртаном, но пребывание в обществе вернуло ей сознание своего положения.

Муртан явно наслаждался покоем и прохладой. Что до Конана, то он продолжал напряженно прислушиваться.

Они вели ничего не значащие разговоры — о погоде, урожаях фиг и разливах реки, которые зависели от таяния ледников в горах.

Наконец в деревне послышался шум — долгожданный топот ног, гомон голосов. Лицо Апху просияло.

— Мои люди вернулись с полей! — объявил он. — Теперь здесь будет немного шумно.

— Это не страшно, — ответил Конан.

— Разве госпожа не желает отдохнуть? — Апху перевел взгляд своих удивительных голубых глаз на Галкарис.

Девушка хотела возразить, сказать, что она никакая не «госпожа» и что отдыхать ей некогда... Но миг спустя подумала: «А почему, собственно, некогда? Какие важные дела удерживают меня от отдыха? И почему бы мне не побыть госпожой, коль скоро этот Апху настаивает, а мой господин не возражает?»

Она почувствовала, как веки ее отяжелели... и скоро уже Галкарис блаженно растянулась на циновке, сраженная крепким сном без сновидений.

Муртан недолго противился неге. Он с трудом успел дожевать последнюю фигу и с куском за щекой задремал рядом с Галкарис, обняв девушку одной рукой.

Конан давно улавливал присутствие магической силы. С первого момента их встречи с Апху киммериец инстинктивно не доверял ему. Но пока Апху не прибегал к своим тайным заклинаниям, Конан просто держался настороже. Едва лишь дыхание колдовства коснулось киммерийца, как мурашки предупреждающе побежали по его коже и короткие

волоски на его загривке встали дыбом, точно шерсть у дикого зверя.

Теперь киммериец точно знал, что перед ним враг.

Он не стал дожидаться, пока Апху направит на него свое заклинание, и широко зевнул.

— Прости, добрый хозяин, — сказал киммериец, — от сытной еды и покоя меня потянуло в сон. Надеюсь, ты не сочтешь это проявлением невежливости.

И, не позволив Апху ответить, Конан рухнул на циновки и громко захрапел. Сквозь густые ресницы киммериец подсматривал за хозяином хижины.

Тот некоторое время пристально смотрел на простертого перед ним киммерийца, как будто не вполне доверял его внезапной сонливости. Но Конан храпел во всю мочь и делал это так беспечно и так от души, что всякие сомнения у наблюдателя рассеялись.

— В конце концов, это дикарь, — сквозь зубы пробормотал Апху. — Кое-кто полагает, будто физическая мощь в сочетании с неразвитым умом делает людей сильными и невосприимчивыми к магии. Ничего подобного! Человек образованный, умный сопротивляется заклинанию сильнее и дольше. А вот дикарь падает сразу. С ним не приходится долго возиться.

«Я вообще не привык церемониться с магами, — подумал Конан, слышавший каждое слово, — но подобными речами ты подписал себе смертный приго-

вор. Посмотрим, как долго сможешь ты с твоими колдовскими штучками сопротивляться моим заклинаниям — доброму удару меча по шее!»

Он выждал, пока Апху выйдет из хижины, и повернулся лицом к стене. Здесь имелись небольшие щели, и Конан приложил глаз к одной из них.

Он увидел тех, кто вернулся в деревню. То были люди-гиппопотамы. Они снова обрели человекообразный облик. Все они низко кланялись Апху и что-то наперебой ему рассказывали.

«Очевидно, докладывают о происшествии в Палестроне, — подумал киммериец. — Что-то здесь не так. Одно с другим не вяжется. Эти чернокожие толстяки с большими физиономиями не показались мне опасными. Они были по-настоящему дружелюбны. И Сешет тоже относилась к ним хорошо. А Сешет... что-то знает. Возможно, она и сама не понимает толком, что именно она знает. В Стигии даже магия свихнулась... Но Апху — это зло, и в этом у меня нет ни малейшего сомнения».

Он решил подождать, посмотреть, что будет дальше.

Сешет, очевидно, сидела под стеной хижины и делала все, чтобы о ее существовании забыли. Во всяком случае, люди-гиппопотамы ее не замечали. Они топотали вокруг Апху, и каждый норовил подобраться к нему поближе. Апху охотно возлагал руки на их склоненные головы и говорил с ними ласково, отчего они расплывались в счастливых улыбках.

«Сдается мне, он ловко морочит им голову, — подумал Конан. — Они глуповаты, но не злы. При помощи магии можно воздействовать... на неразвитые умы».

Он хмыкнул, вспомнив о том, что Апху — кем бы тот ни был на самом деле — счел киммерийца «неразвитым» и «диким».

Люди-гиппопotaмы постепенно расходились. Некоторые занялись приготовлением пищи. До Конана донесся запах костра, а затем — жареной рыбы. Очевидно, люди-гиппопотамы считали Апху своим господином и обслуживали его: кормили, охраняли и добывали для него необходимые сведения о происходящем поблизости. А иногда — и вмешивались в события.

Не заботясь больше о том, чтобы притворяться спящим, Конан уселся на полу хижины и начал рассуждать сам с собой.

— Положим, этот Апху — служитель Сета... Нет, нелегко. Даже если он является колдуном, — это еще не означает, что он служит непременно Сету... Не всякий маг — жрец Сета, даже в Стигии. Об этом не стоит забывать. Что же, в таком случае, такое эти гиппопотамы? Есть несколько вариантов, но самым правильным мне представляется один: наш приятель Апху для каких-то своих целей заколдовал целое стадо самых обычных гиппопотамов и вложил в их неразвитые... гм... и дикие головы представление о том, что он-де, Апху, является их господином, благодетелем и прочая, и прочая...

Конан призадумался.

— Но в таком случае, выходит, что они выручили нас в стычке с людьми-крокодилами по приказанию Апху!

Конан тряхнул головой. Одно с другим не сходилось. Какие цели может преследовать Апху? Кто он, в конце концов, такой?

— Не могу же я просто подойти к нему с мечом и, приставив лезвие к горлу, задать все эти вопросы! — сказал себе киммериец. — И не потому, что я НЕ МОГУ этого сделать, — он коротко хохотнул, — а потому, что Апху, вероятнее всего, солжет. Нет уж, притворюсь спящим и попробую понаблюдать за ним.

До самой ночи ничего, однако, не происходило, а после захода солнца в хижину зашел Апху и разбудил своих гостей.

— Темно, стужилась прохлада, — объявил он. — Если вы хотите отправиться в путь, то сейчас — самое время.

— Ночью? — широко зевая проговорил Муртан. — Но мне это кажется неразумным.

— В жарких странах многие путешествуют по ночам, а днем вкушают прохладу где-нибудь в тени деревьев, — ответил Апху и повернулся к Конану за поддержкой. — Мне кажется, ты, уважаемый, нередко странствовал там, где солнце часто превращается в убийцу, — ты можешь подтвердить, что я говорю чистую правду.

— Да, он прав, — кивнул киммериец. — Это разумно.

— Впрочем, — прибавил Апху, — луна еще не достигла полноты, так что на дорогах довольно темно. Если вы боитесь сбиться с пути, я охотно провожу вас до ближайшей удобной стоянки. Мы совсем недалеко от гор. Вы ведь направляетесь туда?

— Туда и чуть дальше, — доверчиво ответил Муртан.

— Дальше? — удивился Апху. Конану показалось, впрочем, что удивление это наигранно. — Но дальше ничего нет, кроме Песков Погибели. Неужели ваша цель находится там?

— Возможно, — сказал киммериец прежде, чем Муртан снова открыл рот. — Мы не вполне уверены.

— Могу я спросить, что это за цель? — настаивал Апху.

— Вполне, — сказал Конан и замолчал.

— И что же это за цель? — видя, что киммериец не отвечает, Апху решил немного ускорить события.

— Я сказал, что ты можешь спросить, но не говорил, что непременно отвечу.

— Конан! — возмутился Муртан. И с улыбкой повернулся к хозяину хижины: — Прошу его извинить. Он варвар и по природе своей недоверчив. Разумеется, мы ищем Пески Погибели. Согласно легенде, там находится чудесный храм богини-кошки.

— Богиня-кошка давно умерла, — резко произнес Апху. — Вы не найдете ни храма, ни его сокровищ.

— Так ты знаешь об этом храме? — удивился Муртан.

Апху негромко рассмеялся:

— Каждый в окрестностях Птейона слышал о храме, затерянном в Песках Погибели. Это широко известная легенда, но вряд ли она имеет под собой какие-то реальные основания.

— Любая легенда появляется не на пустом месте, — возразил Муртан. Он чувствовал себя немного задетым.

— Поверь мне, я знавал немало легенд, которые были просто-напросто придуманы людьми, — был ответ Апху. Светлые глаза на темном лице застыли, не мигая, так что Конану, который украдкой наблюдал за их гостеприимным хозяином, показалось, будто они нарисованы на пергаменте. — Например, жил в здешних краях разбойник, который грабил караваны. Он сочинил и позаботился распространить историю о потерянном городе, где отважный путник сумеет отыскать сокровища. И что же? Немалое число этих отважных путников очутились прямо в руках у разбойника...

— И где сейчас этот разбойник? — спросил Муртан.

Апху засмеялся, но глаза его остались неподвижными:

— Он мертв. Давным-давно окончил свои дни в тюрьмах Луксура. Однако к нашему делу это не имеет отношения — я всего-навсего говорил о том, что иные предания возникают искусственным путем и никак не связаны с реальностью.

«Хотел бы я знать, почему Апху старается нас отговорить от путешествия к заброшенному храму в

Песках Погибели? — подумал Конан. — Нет ли здесь какого-нибудь тайного умысла?»

Киммериец посмотрел на своего спутника. Лицо Муртана приняло упрямое выражение, зингарец прикусил губу. Теперь стало ясно, что никакие разумные доводы не найдут себе дороги к разуму и сердцу Муртана. И чем больше Апху старается уверить молодого человека в том, что никакого храма богини-кошки в Песках Погибели не существует, тем больше Муртан убеждается в обратном.

«Хитро!» — мелькнула у Конана мрачная мысль.

В разговор робко вмешалась Галкарис:

— Если мы решили идти, то следует выступать в путь, мой господин. Иначе мы останемся в гостях еще на целый день. Я чувствую, как моя воля убывает — мне все сильнее хочется снова лечь на эти циновки и погрузиться в приятный отдых.

— Нет! — решительно произнес Муртан. — Мы действительно слишком задержались. А если ты, уважаемый Апху, действительно окажешь нам любезность и проводишь до надежной тропинки через горы, мы будем тебе чрезвычайно признательны.

Они покинули хижину и быстро зашагали по берегу реки.

Конан внимательно оглядывался по сторонам. В темноте киммериец видел почти так же хорошо, как днем, поэтому ничто не ускользало от его взора. Хижины скоро скрылись из виду, едва путники свернули, следуя по берегу причудливым извивам реки. Несколько раз Конан замечал темные тени, что сле-

довали за путниками. Судя по тому, как неуклюже двигались эти тени, Конан предположил, что то были люди-гиппопотамы. Добродушные существа, они, вероятно, просто пытались охранять Апху и тех, кого их господин взял под свое покровительство.

И еще одна тень бесшумно скользила по земле, сквозь ночь: тонкая женская фигура. Ее не видел никто, даже Апху. У Конана не было ни малейшего сомнения в том, что это Сешет.

Почему Сешет предпочитала скрываться от своих спутников и почему Апху так ни разу о ней не вспомнил? Еще одна загадка.

«Если бы я был «цивилизованным» и «образованным» человеком, — не без самодовольства подумал Конан, — то у меня от всех этих тайн уже давно распухла бы голова. Кром! В том, чтобы оставаться варваром, есть свои преимущества, и будь я проклят, если когда-нибудь откажусь от них!»

Впереди уже виднелись горы. Они темнели зловещей громадой, возвышаясь как неодолимое препятствие на фоне звездного неба.

Слабый лунный свет скользил по их вершинам, блестел на скалах, там, где черный камень выходил на поверхность и был отполирован ветрами и дождями.

— Мы остановимся здесь, — указал Апху на вход в небольшую пещерку. — Здесь удобно развести огонь и передохнуть. Вы отправитесь в путь на рассвете, пока не станет жарко, и углубитесь в горы. Там найдется, где переждать изнуряющую жару. А я

вернусь в деревню. Не люблю покидать свой дом так надолго.

Апху не солгал — в пещере действительно было очень прохладно, и путники почувствовали себя там в полной безопасности.

— А почему ты поселился здесь, на берегах Стикса? — спросил Муртан, устроившись поближе к Апху.

— Я всегда жаждал уединения, — был ответ. — Здесь, на этих берегах, которые внушают большинству людей суеверный ужас, никто не станет меня разыскивать.

— А для чего тебе уединение? — удивился Муртан. Он чуть смутился, видя, как посуровело лицо Апху, и поспешно прибавил: — Всякому человеку, мне кажется, естественно стремиться к общению с себе подобными, но ты не таков. Ты хочешь быть один... Это показалось мне странным.

— Я пережил слишком много потрясений, — сурово прозвучал ответ Апху. — Мне нужно было время, чтобы зализать мои раны. Душевные раны, — прибавил он, как показалось киммерийцу, специально для «тупых варваров».

— А эти... существа? — продолжал расспросы Муртан. — Похожие на гиппопотатов? Как ты сумел приручить их?

— Они находились там всегда. Должно быть, остаток какого-то древнего народа, — спокойным тоном объяснил Апху. — Мне удалось вылечить одного из них, когда он сильно поранился об острую

корягу на берегу. Этим я легко завоевал их доверие. Они — чудесные создания! Согласно их представлениям, если кто-то был добр с ними, значит, этот «кто-то» заслуживает их ответной любви и преданности. Говоря проще, они приняли меня в семью.

— Но кто они такие? — не унимался Муртан. — Согласись, они выглядят немного... необычно.

— Да, — спокойно подтвердил Апху. Его неподвижное, суровое лицо немного смягчилось, и Конан, внимательно наблюдавший за ним, подумал о том, что, должно быть, Апху на самом деле привязан к людям-гиппопотатам. Могут же быть сердечные привязанности даже у дурных людей, даже у магов! — Они необычны. Но здесь, в Стигии, они, поверьте мне, друзья мои, не являются самыми странными существами. Есть куда более невероятные создания. И гораздо более зловещие.

— Они так легко признали твое главенство, — вздохнул Муртан.

— Я не считаю, что они мне служат, — возразил Апху. — Мы просто друзья. Завтра я вернусь к ним.

Он протянул руку и что-то снял с плеча Муртана. Жест такой естественный и дружеский, что Муртан даже не обратил на него внимания. Зато от чуткого и подозрительного варвара это не укрылось. «Что бы ты ни задумал, — мелькнуло в голове Конана, — я не спущу с тебя глаз, будь уверен».

Скоро все в пещере спали. До рассвета оставалось еще чуть больше поворота клепсидры, в небе появи-

лись первые признаки надвигающегося утра — звезды померкли, луна скрылась за горами.

Конан приоткрыл глаз, когда в пещере кто-то пошевелился. Как и предполагал киммериец, Апху что-то затевал. Он осторожно сел и посмотрел на своих доверчиво спавших спутников. Дольше всех он задержал взгляд на Конане, но киммериец похрапывал так убедительно, что Апху в конце концов отвернулся от него.

Он поднял двумя пальцами нечто невидимое и бросил это в огонь. Почти совершенно потухший костер вдруг вспыхнул. Пламя поднялось на половину человеческого роста, и внутри огня Конан увидел подвижную фигуру. Фигура эта была намного темнее огня и напоминала человеческую.

Апху начал раскачиваться перед костром и что-то напевать сквозь зубы. Он пел на древнем, давно забытом наречии, и Конан не понимал ни слова. Но зато киммериец понимал другое: сейчас творилось колдовство, а от магии не следует ожидать ровным счетом ничего хорошего.

Колдун был так увлечен своим занятием, что даже не заметил, как киммериец перестал притворяться спящим и широко раскрыл глаза, наблюдая за подозрительными действиями их проводника.

Существо в костре обрело наконец твердую форму. Как и показалось Конану с самого начала, то был некий человек.

И человек этот явно не понимал, что с ним случилось и где он находится.

Он метался в своей огненной тюрьме в тщетных попытках найти выход. Наконец он сдался и поник. Он уселся на земле, обхватив руками колени.

— Отзовись на мой призыв! — приказал Апху.

Человек, пойманный в ловушку пламени, поднял голову и начал озираясь, пытаясь понять, откуда доносится этот повелительный голос.

— Ты не можешь меня увидеть, — объяснил Апху. — Я тебя вижу, но ты меня — нет. Ты полностью в моей власти. Если я перестану сдерживать пламя, оно пожрет тебя. Это магическое пламя, оно съедает человека без остатка, так что даже костей твоих не найдут.

Человек, кажется, сразу поверил услышанному, потому что вздрогнул и снова опустил голову.

— Ты могущественный маг! — пробормотал он. — А я всего лишь жулик... Как ты нашел меня?

— Я заполучил волос с головы того, кто меня интересует, — засмеялся Апху. То был холодный, равнодушный смех, от которого мороз проходил по коже.

«Так вот что он снял с плеча Муртана да еще так любезно и бережно, — понял Конан. — Ну, негодяй! Волосок... Я должен был сразу догадаться. Этим мерзавцам непременно нужна какая-то часть от живого человека, чтобы начать свое грязное колдовство.»

Но при этом Конан не мог не признаться себе в том, что разговор Апху с узником пламенной темницы чрезвычайно его занимает. Кажется, у киммерийца сейчас появится возможность разузнать кое-что любопытное.

— Я не понимаю, — молвил человек, заточенный в огненную тюрьму. — Какой волосок?

— Назови свое имя, — потребовал жрец.

— Грист.

— Отлично, Грист! Вот видишь, между нами уже установились дружеские отношения... Меня весьма занимает человек по имени Муртан. Он знаком тебе, не так ли? Моя магия была направлена на то, чтобы связаться с кем-то, кто, как и я, кровно заинтересован в этом Муртане.

— Да, я его знаю, — подтвердил Грист.

Конан отметил, что всякий страх пропал у Гриста. Должно быть, один негодяй чует другого, даже если их разделяют десятки лиг.

— Кто он для тебя?

— Враг.

— Я так и думал! — обрадовался Апху. — Расскажи подробнее.

— Он богат, я беден.

— Да, это причина для вражды.

— Я стану владельцем всех его богатств, если он погибнет во время своего путешествия.

— Еще лучше!

— А если он вернется и привезет драгоценность из храма богини-кошки, то я потеряю мою жизнь.

— Да ты — просто находка! — возликовал Апху. — Расскажи мне подробнее о своем недруге, Грист, и я тебе помогу.

— Ты весьма поможешь мне, если прямо сейчас свернешь ему шею, — сказал Грист. — Что касается

меня, то я сообщил тебе все. Больше я ничего не знаю.

— Откуда ему известно про храм богини-кошки?

— Прочитал в каком-то свитке... Отпусти меня, здесь становится жарко!

— Он любит читать?

— Ты разве этого не заметил? Я хочу уйти!

— Ты уйдешь, когда я тебе это позволю... Кто такая Галкарис?

— Рабыня.

— Мне показалось, что он обращается с ней как со свободной женщиной, более того — со своей возлюбленной.

— Что ж, она — его наложница. Возможно, он привязался к ней сильнее, чем предполагал. Оно и к лучшему — Галкарис моя, и она мне служит.

— У меня не сложилось такого впечатления, — пробормотал Апху. — Вероятно, она сильно изменилась с тех пор, как ты видел ее в последний раз.

— Что ж, — равнодушно произнес Грист, — в таком случае, она сильно пожалеет о своей изменчивости. Я сумею напомнить ей, кто она такая! Мне не впервой ставить рабыню на место.

— Желаю тебе успеха на твоём поприще, — сказал Апху, поднимая руку, чтобы рассеять видение.

— Ты убьешь Муртана? — выкрикнул Грист прежде, чем Апху прервал их контакт.

— Я убью его, когда сочту нужным!

Костер погас, а Апху, обессилив, опустился на землю. Лицо его посерело, глаза побledнели. Должно

быть, магия давалась ему нелегко. Конан отметил это не без злорадства.

— Странно, — сказал Апху, — обычно я так сильно не утомляюсь. Это же было самое простое видение! Что-то здесь творится неправильное, опасное для меня... Кто-то противодействует моим чарам! Хотел бы я знать, кто мой тайный враг!

Он вздохнул и прилег отдохнуть.

Конан посмотрел на спящего мага. «Я — твой тайный враг, — подумал киммериец, — но вряд ли моя ненависть к тебе могла помешать твоему обряду. Нет, здесь действует еще одна сила».

* * *

Вот уже третий день Конан, Муртан и Галкарис шли по горам. Торопиться было некуда — воды здесь хватало, дичи — тоже.

— Странное дело, — задумчиво сказал как-то Муртан, — мне почему-то все время кажется, что главное — добраться до того храма в Песках Погибели и отыскать камень. А там все как-то само собой уладится.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Конан. — Что уладится?

— Мы ведь проделали ровно половину пути, — объяснил Муртан. — Мне ведь еще предстоит вернуться в Зингару, а это — вторая половина пути.

— Вторая половина всегда короче первой и к тому же дается легче, — подтвердил Конан. — Ты совершенно прав. Сам-то я редко о таких вещах задумываюсь,

мываюсь, потому что, как правило, никогда не возвращаюсь туда, откуда пришел. Мой путь не имеет конца... Пока что. А когда я стану королем, то не буду никуда отлучаться. Засяду в тронном зале, буду пировать и рубить головы непокорным, а в свободное от этих занятий время буду тешиться с женой.

— Похвальное правление, — сказал Муртан, смеясь.

— Обрати ты пойдешь по уже знакомой дороге, — уже серьезным тоном произнес Конан. — Многие опасности будут тебе известны заранее, а большинства из них ты сумеешь избежать. Да и разыскивать тебе больше ничего не придется. Дойдешь до реки, наймешь лодку, доберешься до порта — а там кораблем до Кордавы. Нет ничего проще.

— Не люблю кораблей, — поморщился Муртан.

— Ты сперва отыщи эти Пески Погибели и посреди них — заброшенный храм, а там уж придумывай, как вернуться, — хмыкнул киммериец.

— Ничего не могу с собой поделать, — вздохнул Муртан. — Очень хочется домой.

Конан развел руками, показывая, что в данном случае он бессилён.

Муртан и раздражал киммерийца, и забавлял его, и иногда даже вызывал его восхищение. Конан всегда удивлялся людям, которые ухитрялись действовать за пределами собственных возможностей. Изнеженный богач сумел одолеть дороги Стигии, прошел по пустыне, по берегу Стикса, сейчас карабкается по горам... Он побывал в бою с разбойниками и

людьми-крокодилами — и уцелел. И не потому остался жив, что струсил и бежал, — нет, ему просто повезло. Конан уважал подобное везение — оно означало благосклонность богов.

«Интересно, — думал Конан, — почему ни Муртан, ни Галкарис не вспоминают о Сешет?»

Сам Конан не забывал о таинственной безумной нищенке, которая неустанно шла за путниками, держась так, чтобы они ее не замечали. Отчасти она добилась своего, потому что Муртан ни разу не уловил звука ее шагов. Галкарис слишком была утомлена и занята собственными бедами — она сбила ноги, — чтобы следить за происходящим вокруг.

А Конан то и дело видел мелькающую в отдалении светлую тень. Когда киммериец охотился или готовил на костре пойманную им птицу или мелкого зверька, похожего на белку, — он всегда старался оставить часть пищи для Сешет. Он не сомневался в том, что женщина находит эти подношения и таким образом подкрепляется.

Пару раз Конан под незначительными предложениями уходил от лагеря и разыскивал Сешет. Он не приближался к ней, чтобы не спугнуть, просто осматривал ее скромную стоянку и убеждался в том, что с ней все в порядке.

Кем бы она ни была, она не занималась магией, и это успокаивало киммерийца.

На четвертый день путешественники спустились с гор, и сразу же жар пустыни охватил их. Ослепительно-белые пески простирались перед ними до са-

мого горизонта. Посреди этих белых барханов видно было одно пятно медного цвета.

— Вот они — Пески Погибели! — воскликнул Муртан, указывая на них рукой. Он повернулся к киммерийцу. Темные глаза молодого человека сияли. — Как ты думаешь, Конан, сумеем ли мы добраться туда за один день?

— Нет, — сразу же ответил Конан. — Здесь расстояния кажутся меньше, чем есть на самом деле. Мы попадем в ловушку, если сразу же двинемся в путь.

— Что же ты предлагаешь?

— Предлагаю набрать воды про запас, приготовить зонтики от солнца — для этого нужно сплести ветки, — и накопить птицы. Мы потратим не менее двух дней на то, чтобы очутиться в Песках Погибели. И как справедливо заметил многотимый Муртан, — тут Конан чуть насмешливо усмехнулся, — кроме дороги «туда», всегда остается еще и дорога «обратно». И в данном случае обе эти дороги будут совершенно одинаковой длины.

— Иными словами, провизии и воды потребуется на четыре дня, — подытожил Муртан.

Конан дружески хлопнул его по спине.

— Люблю людей, которые выражаются четко и ясно.

Они подготовились к трудному переходу и, запасшись, кроме еды и питья, еще и мужеством, двинулись в путь перед самым заходом солнца. Конан предлагал пройти как можно больше, пока держится прохлада.

«В тайне от остальных я не смогу ни кормить, ни поить Сешет здесь, в пустыне, — подумал он. — Надеюсь, она не последует за нами... Потому что в противном случае ей придется явиться нам на глаза. Не поползет же она по песку, прячась за барханами!»

Несколько раз он оборачивался, высматривая одинокую фигурку женщины, закутанной в белое покрывало, однако Сешет нигде не было видно.

* * *

— Вот они, Пески Погибели! — воскликнул Муртан, изумленно глядя на картину, открывшуюся перед ним.

Они достигли цели перед рассветом на второй день пути через пустыню. Луна была почти полной, но сейчас она уже склонилась к горизонту и вот-вот должна была исчезнуть.

Перед Муртаном и его товарищами лежали руины огромного лабиринта. Стены его наполовину обрушились. Острые зубы времени перемалывали их на протяжении многих столетий. То, что издаലെка представало взору как пески медно-красного цвета, на самом деле было причудливой сетью переходов и коридоров, кое-где крытых, а во многих местах — лишенных крыши.

Даже и обрушенные, эти стены достигали в высоту полутора, иногда двух и более человеческих ростов.

— Страшно представить себе, каким был этот храм в те зимы, когда его только что возвели! —

проговорил Муртан. Как замороженный, он не мог оторвать глаз от удивительного зрелища.

Галкарис молчала. Она чувствовала, что с нею творится что-то странное. В ней как будто одновременно жили сразу два существа. Разумеется, она знала от своих спутников о том, что иногда ведет себя загадочно. Ни одного своего непонятного поступка Галкарис не помнила, и это яснее прочего говорило о том, что в ней поселилось какое-то другое создание. Очевидно также, что создание это не представляло угрозы для девушки и тех, кто ее сопровождал.

Сегодня впервые обе личности, жившие в теле Галкарис, проявили себя одновременно.

Та Галкарис, что принадлежала Муртану и была его рабыней и наложницей, ощущала усталость и страх. Ей хотелось, чтобы утомительное путешествие поскорее закончилось, чтобы ее господин обрел, наконец, желаемое и вернулся в Кордаву.

Она не испытывала никакой радости от того, что их безумная авантюра наконец достигла апогея — они видят храм в Погибельных Песках, видят его наяву, а не на картинке в древнем свитке! Утомление и страх — вот и все, о чем могла думать Галкарис.

Но вторая ее личность, таинственная и темная, ликовала. Ей хотелось бежать навстречу каменным фигурам, которые еле-еле угадывались впереди, среди нагромождения булыжников. Она мечтала поскорее очутиться внутри лабиринта. Торжествующие

гимны зарождались в ее груди, она готова была запеть их во весь голос — напрягая последние силы какие еще оставались у бедняжки Галкарис...

Нимало не подозревая о той сложной внутренней борьбе, которая происходила в душе его рабыни, Муртан удовлетворенно качал головой.

— Все-таки я добился своего! Напрасно меня называли неженкой, избалованным книгочеем, который ничего, кроме выпивки и старинного свитка, не любит. Я докажу всей Кордаве, что чего-то стою!

— Разумеется, — сухо поддакнул Конан. — Тебе осталось лишь войти в зачарованный лабиринт и отыскать среди сотни комнат и переходов камень, давным-давно закопавшийся в песок... Не говоря уж о том, что камень этот не дается в руки посторонним.

— Возможно, я не посторонний, — приосанился Муртан.

Выглядел он, особенно в бледном лунном свете, изможденным и постаревшим: щеки запали, темные глаза ввалились, борода, доселе ухоженная и умащенная благовонными маслами, свалилась и торчала клочьями, как шерсть на худой собаке. Однако сам Муртан даже не подозревал о том, какие изменения претерпела его щегольская внешность и как он воспринимается сейчас со стороны. К счастью для Муртана. Потому что кордавского гуляку немало огорчила бы подобная метаморфоза. К вопросам наружности он относился чувствительнее, чем иная женщина.

— Дождемся рассвета, — предложил Конан. — Нам нужно передохнуть. К тому же я не хотел бы входить в лабиринт в темноте.

— Мне казалось, тьма тебя не пугает, — заметил Муртан нетерпеливо. — Кажется, ты видишь даже самой черной ночью так же хорошо, как днем.

— Это так, — подтвердил Конан. — Но я не люблю ненужного риска. Хотя темнота и не в силах помешать мне забрать то, что я хочу забрать, многое выглядит в сумерках не таким, каким является на самом деле. Серый свет — самый обманчивый. А здесь древнее, полное магии место. Предлагаю дожждаться рассвета.

Последняя фраза прозвучала как приказ, и почему-то Муртан не стал возражать.

Галкарис улеглась на плащ рядом со своим господином. То, второе, существо, которое обитало в ее душе, тихо цело от радости, а сама Галкарис наслаждалась краткими мгновениями покоя.

Конан пробудился первым. Солнце уже высоко стояло в небе. Лабиринт сверкал медью в его ослепительных лучах.

Муртан вскочил, когда киммериец подтолкнул его под бок.

— Смотри!

— Это не камень, — изумленно проговорил Муртан. — Это медь!

— Да, но очень странная медь, — прибавил Конан. — Она почему-то не позеленела, не покрылась патиной... И еще она крошится, как хлеб.

— Это... это... — забормотал Муртан. Безумное выражение появилось на его лице. — Это золото?

— Весь храм богини построен из золотоносной руды, — сказал киммериец. — Так вернее. Золото очень хорошее, красноватое. Вот почему лабиринт кажется медным, а Пески Погибели — красными. Мы ходим по золотой россыпи.

— Этого не может быть, — произнес Муртан. — Но ведь в таком случае у нас под ногами — огромное состояние!

— И да, и нет, — откликнулся Конан. — По-моему, это золото не так-то просто унести отсюда. Боги, даже древние и наполовину забытые, ревниво охраняют свое достояние. Помнишь наш разговор о дороге туда и дороге обратно? Кое в чем я был неправ. Подчас дорога обратно оказывается гораздо труднее, чем дорога туда. И в данном случае дело обстоит именно так.

И киммериец указал на какой-то странный круглый предмет, белевший в песке неподалеку от того места, где отдыхали трое путников.

Присмотревшись, Муртан побледнел: там, наполовину зарытый в песок, лежал человеческий череп.

— Я побродил по окрестностям, — сообщил Конан, желая закрепить впечатление, произведенное на Муртана этой демонстрацией. — Насчитал штук пятнадцать белых голов. На самом деле их гораздо больше. Многие ушли в песок, многие рассыпались в прах. Полагаю, мы сейчас сидим на чьих-то костях...

— Но что же случилось со всеми этими людьми? — спросила Галкарис, замирая от страха.

— Они умерли, — ответ киммерийца был лаконичным.

— Что их убило? — Муртан вдруг почувствовал раздражение. Конечно, Конан повидал гораздо больше, чем зингарец, и опыта у варвара тоже намного больше... и в магии, убийствах, сокровищах, кладях, колдунах, богинях, жрецах, чудовищах... во всех этих страшных и трудных предметах Конан разбирается значительно лучше... Но все же это не повод разговаривать так выгокомерно! В конце концов, Муртан тоже не лыком шит. Например, он прочитал много книг...

Конан как будто прочитал мысли своего собеседника, но это его, впрочем, не слишком обеспокоило.

— Я не хотел тебя обижать, Муртан. Полагаю, ты сам в состоянии понять, что здесь произошло. Какие-то умники, вроде нас с тобой, добрались до Песков Погибели. Как и мы, они сочли, что название — «Пески Погибели» — дано этому месту просто для красоты. Они увидели, что лабиринт выстроен из золотоносной руды, и поняли: вот оно, богатство! Все беды и лишения были не напрасны — после тяжелых испытаний они у долгожданной цели. Теперь можно набрать полный мешок золота, добраться до первого же города, обменять руду на деньги — и зажить припеваючи... Согласись — такие мысли вполне естественны в данных обстоятельствах.

Муртан вдруг заметил, что в речи Конана появились совершенно не свойственные прежде киммерийцу обороты. «Все-таки он далеко не так прост, как прикидывался, — подумал Муртан. — Я не удивляюсь, если в конце концов выяснится, что киммериец и книги читал, и где-нибудь обучался теологии, а то и магии... Он не знает устал, не боится колдунов, бровью не ведет при виде крокодилоподобных жрецов, выскочивших из храма Сета с мечами наперевес... Нужно быть более внимательным, когда имеешь дело с подобным человеком».

— Но когда наши предшественники, ликуя, уже набивали карманы, произошло нечто неожиданное. Нечто такое, что они даже не принимали в расчет. Кто-то или что-то убило всех этих мародеров, — спокойно заключил Конан. — Кто-то, охраняющий лабиринт.

И он встал, показывая рукой куда-то вперед. Муртан последовал его примеру. Он всмотрелся в мерцающее золотое марево и увидел впереди четырех каменных змей.

Змеи эти существенно отличались от всего, что можно было видеть вокруг лабиринта. Во-первых, они выглядели значительно новее, чем стены, хотя и они были достаточно древними. Во-вторых, их создатели — кем бы они ни являлись — сотворили свое жуткое детище не из золотоносной руды, а из обычного желтого песчаника.

— Это всего лишь изваяния, — протянул Муртан. — Не вижу причины бояться их.

— Возможно, те, другие, — Конан кивнул на черепа, — тоже не видели причины для страха.

Он подобрал с земли один из черепов и запустил им в змею.

Неожиданно каменное существо ожило. Еще мгновение назад оно выглядело мертвым, абсолютно лишенным жизни, — и вдруг каменные кольца развилась, плоская голова опустилась, в провалах глаз вспыхнул дьявольский огонь.

— Оно почуяло близость человеческой плоти, — проговорил Конан, обнажая меч.

Муртан последовал его примеру. Галкарис обхватила себя руками и вся сжалась. Она никогда прежде не испытывала подобного леденящего страха. Девушка точно знала, что змеи не просто решили атаковать людей, поскольку учуяли плоть и кровь; эти змеи уловили ее запах. Ее, Галкарис. Она и была для них самой желанной добычей.

Конан быстро побежал по песку навстречу первой из оживших змей. Он двигался так ловко и стремительно, что Галкарис невольно залюбовалась им и позабыла весь ужас своего положения. Невольно ей пришла мысль о том, что с такими защитниками она в безопасности.

«Что происходит? — смятенно подумала она. — Кто я? Я — Галкарис, или то непонятное существо, в которое то и дело превращаюсь?»

Конан взмахнул мечом и опустил клинок на шею твари. Кажется, она не ожидала, что человек осмелится дать ей столь решительный отпор. Атака ким-

мерийца оказалась внезапной. Плоская голова змеи с разинутой пастью покатила по песку.

Миг — и остальные три змеи ожили и стремительно заструились по песку, норовя окружить киммерийца. Одна из них мгновенно оплела его ноги и подняла голову, чтобы вонзить смертоносное жало ему в бок.

Конан схватил ее за шею голой рукой. Змея дьявольски зашипела и принялась бить хвостом. Она вздымала тучи песка, так что Галкарис, застывшая в отдалении, не могла хорошенько рассмотреть ход сражения. Она только надеялась на силу и ловкость своего защитника.

Муртан до крови прикусил губу. Он боялся и вместе с тем знал: если он сейчас на бросится на выручку киммерийцу, то будет остаток жизни презирать свою трусость. И кроме того, разделавшись с Конаном змеи примутся за его спутников. Так что выбора у Муртана не было.

Он заковылял по песку, приближаясь к месту схватки.

Одна из змей сразу уловила колебания земли и догадалась, что это означает. Еще одна добыча, еще один враг, которого нужно уничтожить. Она отползла от Конана и надвинулась на Муртана.

Молодой зингарец замер с поднятым мечом. Как зачарованный, смотрел он на змею. Происходящее напоминало ночной кошмар, которому не будет конца. Муртан не мог сдвинуться с места. Его руки как будто парализовало. Тем не менее он заставил

себя крепко держать меч и поклялся не разжимать пальцев ни при каких условиях.

Змея рассматривала его немигающими глазами, в которых явственно виден был холодный, нечеловеческий рассудок. Затем она широко раздвинула челюсти и приблизилась к Муртану. Он понял, что эта змея не ядовита. Она намерена проглотить его живьем.

Оцепенение поднялось по ногам Муртана. Он не в силах был сделать ни шага. Змея продолжала гипнотизировать его.

— Бей! — закричала Галкарис.

Ее голос разрушил злое очарование. Муртану почувствовалось, будто треснул крепкий кокон, в который погрузила его змея. Молодой зингарец шагнул вперед и с силой вонзил меч прямо в разинутую пасть змеи.

— Ну что тут у тебя? — слышалось недовольное ворчание киммерийца. Конан приблизился к своему товарищу, ошеломленно смотревшему на змею, нанизанную на меч. Тварь извивалась, шипела и пыталась освободиться, но вместо этого все глубже насаживала себя на клинок.

Конан держал в каждой руке по задушенной змее. Они тащились за ним по песку, точно два каната.

— Да брось ты эту тварь, она и так издохнет, — брезгливо поморщился киммериец.

Муртан отшвырнул меч вместе с гадиной подальше от себя. Конан показал ему убитых змей.

— Вот эта — ядовитая, а эта пыталась меня захлестнуть кольцами. Похоже, тут они на все случаи жизни. Интересно, кто их тут оставил?

— Они настоящие? — спросил Муртан. Зубы зингарца постукивали.

Конан бросил мертвых змей. Широко, уверенно шагая, он подошел к мечу Муртана и высвободил его, а затем очистил о песок.

— Змеи-то? — переспросил киммериец. — Да, полагаю, самые настоящие. Они пребывают в каменном положении, пока не учуют добычу. Тогда они оживают и питаются, а затем опять превращаются в статуи. Довольно частое явление, применяемое для охраны старых храмов, где не хватает стражи... Только вот что странно, — продолжал он. — Есть во всем этом одна вещь, которая весьма меня тревожит...

— Боги, Конан! — не выдержал Муртан. — Ты только что разделался с тремя ужасными тварями и помог мне уничтожить четвертую... И ты говоришь о том, что тебя что-то «тревожит»!

— А тебя разве нет? — Конан повернулся к зингарцу и посмотрел на него в упор. — Не изображай из себя хладнокровного и равнодушного к опасностям воина. Ты не таков. Да и я не таков, и говорю тебе: кое-что тут не сходится.

— Что?

Муртан поежился. Неужели есть еще какая-то опасность? Нечто ужасное, о чем они еще не знают и что поджидает их в глубине лабиринта?

— Видишь ли, Муртан, — рассудительно произнес Конан, — храм этот посвящен богине-кошке. Кошка ненавидит змея, потому что он сожрал ее детенышей. Так?

— Так, — кивнул Муртан. — Во всяком случае, нечто подобное рассказывается в предании.

— Это так, — повторил Конан настойчиво. — Но почему же, в таком случае, именно змеям жрецы богини-кошки поручили охранять храм?

Муртан пожал плечами.

— Стигийские боги и обряды слишком таинственны и во многом непостижимы...

— Стигийцы — тоже люди, — заметил Конан, — и вынуждены подчиняться законам здравого смысла. А здравый смысл говорит мне следующее: если тебя охраняет некто, тебе враждебный, значит, он не столько о твоей безопасности заботится, сколько о том, чтобы ты не сбежал.

— Иными словами, — подхватил Муртан, который только теперь уловил логику рассуждений Конана, — эти змеи — тюремщики богини-кошки.

— Полагаю, да, — кивнул киммериец. — И теперь, когда мы уничтожили стражников...

— Вы выпустили на свободу древнее зло! — раздался громовой голос у них за спиной.

* * *

Апху стоял, окруженный пламенем, посреди пустыни и с ненавистью смотрел на киммерийца. Галкарис, съжившись, тщетно пыталась спрятаться от

него за барханом. Ей хотелось закрыть голову руками, закопаться в песок и тихо визжать от страха. Вместо этого она лишь прижала ладони к ушам и зажмурилась.

— Апху! — воскликнул Муртан. — Я ничего не понимаю... Как ты здесь оказался?

— Я могу перенестись туда, куда захочу, — был ответ из пламени. — Вы пришли к лабиринту и одолели моих змей.

— Твоих?

— Великий Сет! Человек, меня начинает раздражать твоя глупость! — презрительно скривил губы Апху. Огонь вокруг него постепенно угасал, и скоро Апху перешагнул через низенький барьер потухающего пламени и оказался рядом с киммерийцем и его товарищем. — Разумеется, это были мои змеи. Вот он, — Апху кивнул в сторону Конана, — хоть и варвар, но сразу догадался, в чем дело. А ты все еще строишь какие-то иллюзии!..

— Ты клянешься именем Сета! — не уставал удивляться Муртан.

— Потому что я — жрец великого Сета! — ответил Апху. — Ты так же глуп, как гиппопотамы, которых я морочил столько лет...

— Почему ты сам не можешь войти в лабиринт и сделать все, что хочешь? — спросил Конан.

Апху стремительно повернулся к нему.

— Ты ведь уже знаешь ответ?

— Да, — кивнул киммериец. — Ты в состоянии приставить к храму своих стражников, чтобы они не

пускали туда ни искателей легкой наживы, ни саму богиню-кошку, но войти туда ты не можешь. Есть кое-что, что запрещено и тебе, и твоему «великому богу» Сету. — Последние слова киммериец произнес с явной иронией, от которой верного адепта змеинного божества передернуло.

— Не говори о Сете так насмешливо! — приказал он.

— Почему? — Конан пожал широкими плечами. — Я не верю в его могущество и не поклоняюсь ему. Сет — это чистое зло, воплощенное в змее. Любую змею можно уничтожить.

— Но нельзя уничтожить зло! — воскликнул Апху.

— Да, — согласился Конан. — Малая толика зла так же необходима в мире, как соль в пище или капля вина в стакане с водой.

— Такие, как ты, предпочитают неразбавленное вино, — указал Апху.

— О да, наш разговор приобретает ученый характер, — сказал Конан. — Поэтому предлагаю остановить спор. Для слишком умных собеседников у меня всегда найдется добрый меч. Весьма красноречивый довод, не находишь?

Апху злобно оскалился, но ничего не сказал.

Муртан подошел поближе. Страх почти совсем отпустил молодого человека.

— Чего ты хочешь, Апху? — спросил он.

— Вы должны войти в лабиринт и вынести для меня глаз кошачьей богини, — был ответ Апху. —

Как видите, ничего особенного. Все весьма просто — для таких отважных и сильных парней, как вы. Надеюсь, кошачья богиня не убьет вас прямо в лабиринте. Несколько раз я проводил сюда искателей приключений. Тоже храбрились, вот прямо как вы. Рассуждали о том, как поступят со своим богатством. Я приказывал змеям не трогать их, а затем запускать в лабиринт. Ни один из них не выбрался наружу. Я наблюдал за ними со склона горы. Они ходили между стенами, точно мышки, попавшие в ловушку. Ходили день за днем, а потом падали и больше не поднимались. Кошачья богиня убивала их.

— Почему же ты так уверен, что нас она выпустит, да еще с добычей? — спросил Муртан.

Апху откинул голову назад и расхохотался.

— Я совершенно ни в чем не уверен! Я просто хочу, чтобы вы вошли туда и попробовали выполнить мое поручение. Постарайтесь. А ваша женщина, — он метнул взгляд в сторону дрожащей Галкарис, — останется со мной. Если вы попробуете меня обмануть или просто умрете, я позабочусь о ней.

* * *

— Поверить не могу, что мы оставили Галкарис и подчинились этому Апху! — негодовал Муртан, пробираясь вслед за киммерийцем по лабиринту.

Идти было трудно — под ногами хрустели обломки камней, а то и человеческие кости, как мнилось Муртану (в своих предположениях, впрочем, он не был далек от истины: многие останки действительно

принадлежали людям, а кое-какие — вычным животным или птицам, подстреленным и съеденным заплутавшими в лабиринте).

— Это ужасное место, — добавил Муртан с силой в надежде, что последнее замечание заставит Конана ответить хоть что-то.

Киммериец никак не отреагировал. Он спокойно шагнул по неровной «мостовой» лабиринта. Блеск золотой руды был здесь ослепительным. У Муртана слезы текли из глаз.

Конан сворачивал то за один угол, то за другой. Каменным стенам не было конца. Небо над головой казалось какой-то насмешкой. «Вот бы взмахнуть крыльями и вылететь отсюда, — размышлял Муртан. — Наверное, так же думали и те бедолаги, которые умирали здесь от голода, жажды и усталости».

Неожиданно Конан остановился и повернулся к своему спутнику.

— Знаешь, Муртан, что я думаю? Я думаю, что Галкарис сама неплохо о себе позаботится. О себе, а заодно и о том негодяе, который, кажется, пытался нас запугать.

Муртан схватил его за руку.

— Признайся, Конан, тебе ведь чуточку страшно?

Киммериец выглядел так, словно никогда прежде не задумывался над подобными вещами.

— Страшно? — Он пожал плечами. — Любая авантюра таит в себе опасность, это естественно. Нет смысла бояться этого. Если бы я был из пугливых,

то сидел бы где-нибудь в трактире, гонял бы пьяных посетителей на радость хозяйке, а по ночам согревал бы ее постель. Многие живут так — и вполне счастливы, но подобная жизнь не по мне. И не по тебе, Муртан, коль скоро ты здесь, со мной. Так что вот тебе добрый совет: выбрось все эти глупости из головы. Конечно, мы очутились посреди лабиринта, в Песках Погибели, у входа нас стережет злобный колдун, жрец Сета, и вообще — мы в Стигии... Разве это не прекрасно? На твоём месте я испытывал бы небывалый подъем духа.

Муртан так и не понял — шутит над ним киммериец или же говорит серьезно. Когда имеешь дело с Конаном, никогда нельзя утверждать подобные вещи наверняка.

— На что ты рассчитываешь? — спросил Муртан.

— На свою силу, — сказал Конан. — На свою сообразительность. Ну и немного — на твою память. Ты не можешь припомнить, кстати, не видел ли ты где-нибудь изображение этого лабиринта?

Муртан закрыл глаза и прислонился к стене. Стена была неровной, она больно впивалась в тело, но Муртан не обращал сейчас на это внимания. Красные круги расплывались у него перед глазами. Он настойчиво пытался вызвать в мыслях некую картину, которая, возможно... Возможно, имеет отношение к лабиринту.

Внезапно яркая вспышка пронзила его мозг, и он поднял веки.

Синие холодные глаза варвара сверлили его.

— Свиток был запечатан печаткой со странным узором... Я тогда почему-то счел, что это — упрощенное изображение цветка. Знаешь, дикари любят превращать в узоры цветы, животных, рисовать всякие завитушки вместо лепестков...

— Не знаю, — отрезал Конан. — Я этим не занимался.

Жаркая волна плеснула в лицо Муртана.

— Прости. Я не это имел в виду.

— Я понял, что ты имел в виду, — сказал Конан. — Ты счел узор простой завитушкой, нечто вроде цветочка, но сейчас полагаешь, что это была карта лабиринта. Так?

Муртан кивнул.

— Вспоминай дальше. Не было ли там каких-нибудь пестиков и тычинок, которые помогли бы нам в наших поисках?

Муртан укоризненно покачал головой.

— Похоже, ты никогда не перестанешь язвить. Я ведь извинился.

— Я не язвил, — Конан искренне удивился. — Я говорил вполне серьезно.

Муртан поглядел на него с подозрением, но Конан был само простодушие.

— Ладно, — вздохнул наконец Муртан, — полагаю, там имелась отметка. Слева от главного входа.

Конан быстро повернулся и посмотрел на стену перед собой.

— Здесь? — Он показал рукой. — Мы ведь стоим сейчас спиной к главному входу?

— Не знаю, — безнадежно ответил Муртан, — я давно запутался.

— Зато я не запутался... То, что мы ищем, должно находиться вот там. Пойдем, тут рядом есть проход.

Они пробрались в узкое отверстие между стенами и очутились в коридоре, который был намного уже всех прочих. Этот переход как будто стискивал людей со всех сторон, норовя их раздавить. Здесь было темнее и дышать как будто стало значительно труднее.

— Кажется, цель близка! — обрадовался Конан. Пот градом катился по лицу киммерийца, белые зубы блестели в улыбке. — Чувствуешь, как здесь паршиво? Наверняка действует какая-то защитная магия!

— Мне кажется... я... умираю, — прохрипел Муртан, держась обеими ладонями за горло. — Не хватает воздуха...

Конан подхватил его за подмышки и потащил дальше.

Они миновали еще один поворот и вдруг очутились в крохотном святилище. Изящные колонны с капителями в виде цветков лотоса окружали комнату без крыши. В центре находился алтарь, сделанный в виде раскрывшегося цветка лотоса. Четыре девочки с кошачьими головами были изваяны в четырех углах алтаря. Они были сделаны из той же золотоносной руды, что и стены лабиринта, и блестели на солнце, как будто их осыпали золотой пудрой.

А на самом алтаре находился камень — «кошачий Глаз». Он представлял собой самоцвет размером с кулак крупного мужчины. Полупрозрачный, он как бы источал из своей глубины яркий свет. Множество красновато-коричневых точек усеивали его, и каждая эта точка казалась зрачком настоящего живого глаза. Во всяком случае, у обоих мужчин возникло такое ощущение, что сама богиня-кошка смотрит на них из этого камня. И куда бы они ни повернулись, взгляд неотступно следовал за ними.

Конан отпустил Муртана, и зингарец повалился на землю перед алтарем.

— Ну вот, ты и нашел его, — выдохнул Конан. — Теперь остались сущие пустяки: забрать безделушку, выйти наружу из лабиринта, преодолеть пустыню... Я ничего не забыл? Ах да, возле выхода нас поджидает убийца, преданный слуга змея-Сета. С ним, полагаю, мы справимся в два счета.

Муртан сел на земле. Тяжело перевел дух.

— Просто не верится... Как он красив!

— Камень? — Конан усмехнулся. — Да. Очень красив.

Киммериец протянул руку и коснулся камня, но тотчас отдернул ее.

— Кром! Кажется, он меня укусил.

— Камень не может укусить, — недоверчиво произнес Муртан.

Киммериец сунул свою руку ему под нос. На пальце отчетливо виднелся след укуса.

— Говорят тебе, он кусается. Он живой.

Муртан встал и внимательно осмотрел алтарь. Затем покачал головой.

— Нет, Конан, это не камень. Взгляни сюда.

Они вместе уставились на алтарь. Внезапно обыкновенный камень превратился в кошачью голову. Один глаз у этой головы был закрыт, а второй как раз и являлся самоцветом. Кошачья голова шевельнулась, стала видна пасть, полная острых зубов.

— Это изваяние богини-кошки, — сказал Муртан. — Оно закопано в землю. Осталась только голова.

— И еще оно живое, — проворчал Конан. — По-твоему, мы будем ее откапывать?

— Возможно, именно этого и хочет от нас богиня.

— Интересно, кстати, не сожрет ли она нас в знак особой признательности, когда мы ее вытащим? — хмыкнул Муртан. Самообладание постепенно возвращалось к нему.

— А другие вопросы тебя не занимают? — осведомился Конан.

— Какие, например?

— Например, как ты будешь вытаскивать камень? Теперь, когда мы установили, что он является глазом богини и что богиня эта вовсе не так уж мертва, как хотелось бы некоторым из нас, — вряд ли она придет в восторг от твоего намерения выковырять у нее зрительный орган.

— Не стоит язвить, Конан, — сказал Муртан. — Когда ты язвишь, ты забываешь притворяться тупицей-варваром.

— Не может быть! — деланно изумился киммериец. — Какой просчет с моей стороны! Так ты уже догадался о том, что ты — не первый образованный человек, с которым я имею дело?

Муртан кивнул.

— В таком случае, и прикидываться больше нет смысла, — заявил Конан. — К тому же скоро мы с тобой умрем, так что все остальное теряет значение.

— Ты очень стараешься меня запугать, — возразил Муртан. — Но я тебе не верю. Ты убежден в том, что мы сумеем выбраться на свободу.

— Может быть, — не стал отпираться Конан. — Для начала освободим эту богиню. Мы не станем осквернять ее статую, вот что я тебе скажу. Надеюсь, это правильное решение.

Вдвоем они принялись за дело и скоро выкопали каменные плечи, а затем и руки.

Яма вокруг закопанной статуи становилась все глубже.

— Я бы все отдал за глоток воды, — простонал Муртан. Все его лицо было залито потом, липкие струи бежали по телу под одеждой. Каждый вдох давался ему с борьбой: легкие отказывались глотать раскаленный воздух.

Конан снял с пояса флягу.

— У тебя всегда есть запасы? — удивился Муртан, жадно припав к горлышку и тотчас закашлявшись: киммериец носил во фляге не воду, а вино.

Конан поспешно отобрал у него питье и сделал глоток сам.

— Я стараюсь делать запасы, — ответил киммериец. — Это нередко спасало мне жизнь.

Орудия палками и обломками костей, они продолжили свой нелегкий труд. К вечеру богиня уже освободилась до самых ног.

— Как мы будем выволакивать ее на поверхность? — спросил Муртан.

— Если наши расчеты верны, и она оживет, то нам больше ничего делать не придется, — был ответ.

— Оживет? — переспросил Муртан.

— Ну да, — подтвердил Конан. — Мы ведь этого добивались, не так ли?

Муртан покачал головой и вдруг широко зевнул.

— Я больше не могу, — признался он. — Я так измотан, что...

Не договорив, он провалился в сон. Скоро Конан последовал его примеру. Наступила ночь, и прохладный воздух приятно освежал разгоряченные лица обоих авантюристов.

Утро пришло раньше, чем им хотелось бы. Первые горячие лучи коснулись спящих. Конан пробудился и сразу же растолкал Муртана.

— Статуя исчезла!

Они огляделись по сторонам, как будто что-то могло измениться за столь короткое время. Статуи в глубокой яме не было. Яма зияла посреди храма, а самой богини и след простыл.

— Хорошенькое дело, — проворчал Конан. — Как же эдакая махина выбралась отсюда, да еще так тихо, что ни один из нас не проснулся?

Неожиданно что-то маленькое и мягкое коснулось его ноги. Киммериец вздрогнул и сжал кулак, но задержал удар, сумев не опустить его голову пушистого существа, мелькавшего внизу. Это была белая кошка.

* * *

— Они бросили тебя, — говорил Апху, обращаясь к Галкарис. — Напрасно ты ждешь их. Ну что ты уставилась на этот лабиринт? Оттуда никто не выйдет. Они погибли, как многие до них. Жаль, конечно, потому что я хотел бы все-таки заполучить этот несчастный камень и преподнести его моему господину. А ты знаешь, что Сет несколько раз являлся мне лично? И в последний раз он обещал мне власть над всем Птейоном и окрестностями, если я раздобуду для него эту безделушку, глаз богини-кошки. Как многие древние божества, богиня-кошка одноглаза. И мой господин во многих своих воплощениях также обладает только одним глазом. Ему хотелось бы иметь оба. И глаз кошки был бы весьма кстати. Он говорит, что нет ничего лучше, нежели завладеть глазом своего врага. Сразу начинаешь видеть мир с разных сторон... Согласись, весьма мудрая точка зрения!

Он рассмеялся, в восторге от собственного остроумия. Галкарис смотрела на него с тоской. Он не вызывал у нее сейчас ничего, кроме невероятной скуки. Она сама не ожидала, что будет так относи-

ться к своему врагу, к человеку, который хочет ее убить.

Скука. Не страх. Не ненависть.

Боги, замолчит он когда-нибудь?

— Ты, наверное, голодна?

— Нет, — с усилием произнесла она. Язык не хотел ворочаться во рту. На Галкарис напала болезненная молчаливость. Не говорить. Не слушать. Быть одной.

— Выпей воды.

Он сунул ей в руки бурдюк.

Она машинально глотнула и с отвращением вернула бурдюк обратно. Вода показалась ей тухлой.

Неожиданно она почувствовала, как маленькое пушистое существо прикасается к ее руке. Галкарис инстинктивно закрыла его собой и наклонилась. Так и есть! То, о чем она постоянно думала все это время, — белая кошка. На какое-то мгновение Галкарис увидела вместо кошачьей мордочки человеческое лицо, и это было знакомое лицо.

— Сешет! — воскликнула Галкарис. — Откуда ты взялась?

Она говорила в полный голос, не беспокоясь о том, что Апху находится рядом и может ее услышать. Жреца Сета как будто больше не существовало.

— О, я шла за тобой по горам, — ответила Сешет ласково. — Я следила за тобой. Я повсюду следовала за твоими друзьями, Галкарис.

Она потянулась, на миг снова превратившись в кошку, но теперь Галкарис отчетливо видела: один

глаз у нее закрыт, а второй тускло светится желтым.

— Я была совсем бессильна, — сказала Сешет, вновь превращаясь в кошку с лицом женщины. — Я жила как нищенка. Меня все принимали за полоумную. Я скиталась по городам Стигии, нигде не находя себе пристанища. Жрецы Сета охотились за мной, змеи пытались отыскать меня. Мои верные друзья люди-гиппопотамы пытались защитить меня, но пришел этот Апху. Одним богам ведомо, что он наплел, но мои прежние защитники поверили ему. Бедные добросердечные существа! Я не сержусь на них, хотя следовало бы...

— Понимаю, — прошептала Галкарис.

Кошка встала на задние лапы и превратилась в женщину. Острые кошачьи уши чутко шевелились, улавливая малейшие звуки, усы встопоршились на мордочке. Прищуренный глаз был слеп, а открытый слезился и выглядел больным.

— Теперь настала пора, — сказала богиня-кошка. — Вы достигли лабиринта и уничтожили моих тюремщиков. Твои друзья скоро найдут мой глаз. Я хочу быть рядом, когда это случится.

— Почему?

— Потому что люди, даже лучшие из них, алчны. Они захотят присвоить мой глаз. Этого нельзя допустить. Я ослепну окончательно и умру, а люди... погибнут. Нельзя брать то, что принадлежит богам.

— Хорошо, — прошептала Галкарис. Она не понимала, для чего богиня ведет с ней этот разговор.

Зачем объяснять вещи, которые простой девушке, рабыне, знать совершенно не обязательно?

Как будто прочитав мысли своей собеседницы, богиня-кошка проговорила низким мурлыкающим голосом:

— У тебя есть нечто не твое.

— У меня нет ничего, что я могла бы с полным правом назвать моим, — возразила Галкарис.

— У тебя есть нечто мое, — пояснила богиня, усмехаясь.

— Забери это, — взмолилась Галкарис, — и не играй со мной в загадки! Меня это мучает.

Богиня-кошка покачала головой и превратилась в Сешет, такую, какой запомнила ее Галкарис по Палестрону. Сешет запела какой-то древний гимн на неизвестном языке, и Галкарис невольно потянулась к ней. Женщины обнялись. Галкарис почувствовала, как нечто исходит из нее — девушке почудилось, что она умирает, таким сильным и болезненным было это расставание с духом богини.

Уже теряя сознание, она обвисла на руках Сешет. Возвращая себе обличье женщины-кошки, богиня прошептала на ухо Галкарис:

— Ты приняла в себя мой дух и донесла его до этого места, Галкарис. Я дарю тебе мое благословение. Ты будешь свободна, как любая кошка. Ты не будешь зависеть ни от одного из своих чувств.

Окутанная сиянием, величественная, удалялась женщина с головой кошки. Она двигалась в сторону лабиринта, и с каждым ее шагом золотые стены

вспыхивали все ярче. Галкарис закричала... и проснулась.

— Ты орешь во сне, — с недовольным видом произнес Апху, наклоняясь над ней. — Отвратительная привычка. Твой господин выгонит тебя из своей постели. Такое просто невозможно терпеть!

* * *

Следуя за белой кошкой, Конан и Муртан вышли из лабиринта.

— Галкарис! — воскликнул Муртан, бросаясь навстречу девушке. — Ты цела? Этот негодяй ничего с тобой не сделал?

— За кого ты меня принимаешь? — фыркнул Апху, поднимаясь с песка. — Женщины сами забираются в мою постель, если ты об этом. Впрочем, ты, кажется, сам оставил ее на мою милость.

Муртан скрипнул зубами. Галкарис выглядела вполне довольной, только побледнела и осунулась.

Конан подошел ближе, насмешливо улыбаясь.

— Где мой камень? — осведомился Апху.

— Ты о каком камне говоришь? — удивился Конан. — Насколько я могу судить, в лабиринте не нашлось ничего твоего, Апху. Ничего, что принадлежало бы тебе или Сету.

Апху щелкнул пальцами, и прямо из пустоты на песке разгорелся огонь. Внутри пламени показалась человеческая фигура.

— В последнее время я часто беседовал с этим господином, — Апху кивнул на мужчину, сидящего

в огне. — Этот огонь по преимуществу представляет собой видение. Способ преодолеть расстояние и увидеть того, кто находится очень далеко от тебя. Но после произнесения особых заклинаний видение превращается в нечто большее.

— Ты можешь вызвать не только образ человека, но и его самого, — сказал Конан, морщась. — Я слышал о подобных штуках.

Апху отвернулся от него и заговорил с видением:

— Грист!

— Это опять ты, — устало произнес Грист, вскидывая голову. — Мне надоело ждать. Что ты хочешь узнать от меня на этот раз?

Апху молчал. Грист пожал плечами:

— Я сижу в моей бедной хижине и жду, пока ты исполнишь обещание. Я ненавижу мою бедность! До богатства — рукой подать, а я прозябаю в нищете. Ты уничтожил Муртана, как обещал?

— Нет.

Человек внутри пламени вскочил и сжал кулаки.

— Проклятье, колдун! Чего же стоят твои обещания! Я рассказал тебе о нем все, что знал.

— Ты знал не слишком много, — заметил Апху.

— Побольше, чем ты!

— Эй, может быть, вы оставите свои ссоры на потом? — вмешался Конан. — Или ты решил напоследок раскрыть перед нами все изумительные бездны твое души? Учти, Апху, нет такой низости, которой я не ожидал бы от колдуна. Тебе не слишком удалось меня удивить.

Огонь вокруг Гриста поднимался все выше. Пламя начало реветь. Грист стоял, подбоченившись, и наблюдал за происходящим.

Странное это было зрелище: люди, между которыми пролегли лиги и лиги трудного пути через несколько стран, могли видеть друг друга и разговаривать.

Белая кошка носилась по песку, как легкая, почти невесомая тень, и вдруг прямо к Апху приблизилась рослая женщина, облаченная в узкое белое одеяние. Она как бы встала из песка — самого превращения кошки в богиню никто не видел. Это произошло неуволимо для человеческого глаза.

Видел это один только Грист, погруженный сейчас в магию Апху и потому обладающий нечеловеческим зрением. Он вытаращился на богиню.

— Значит, это правда! — воскликнул он. — Вы встретили ее в Песках Погибели!

— И освободили, — негромко произнесла богиня. Ее голос шелестел, точно ифсок, гонимый ветром, но в нем еле уловимо звенели мелодичные нотки. Как будто очень далеко кто-то тихо играл на серебряных колокольчиках. — Я теперь свободна! — звон колокольчиков приблизился. — Свободна!

Вспышка серебряного пламени окутала ее фигуру, и богиня открыла второй свой глаз. Оба они — огромные, с вертикальными кошачьими зрачками, ярко-желтые, усеянные точками крохотных зрачков поменьше, — уставились на Апху.

Под лучами этих очей колдун съежился. Он за-

шевелил пальцами и начал бормотать заклинание в слабой надежде, что оно сработает.

Внезапно песок забурился, и отовсюду начали вылезать горбатые демоны с длинными ручищами. Они передвигались, согнувшись и полуприсев, но тем не менее достаточно быстро, а руки их выглядели мускулистыми и заканчивались длинными пальцами с острыми когтями.

Лица демонов были слепы, но их широкие ноздри все время с шумом раздувались, и они, судя по всему, безошибочно чувствовали близость добычи.

— Во имя Сета! — из последних сил выкрикнул Апху и повалился набок. Он растянулся на песке и мог теперь только наблюдать за происходящим.

Демоны окружили Конана и Муртана, пытались дотянуться до них когтями. Мужчины отбивались, рассекая мечами корявые демонские тела, из которых вытекала черная кровь. Но кровь эта обладала дьявольской особенностью — при соприкосновении с песком она порождала новую демонскую плоть.

— Их становится все больше! — в отчаянии крикнул Муртан. — Я не в силах сражаться!

— Бейся! — рычал киммериец, снося одну уродливую голову за другой. — Сражайся! Кром! Бейся, иначе позор тебе!

В колдовском пламени смеялся и бил в ладоши, точно ребенок на празднике, Грист. Галкарис с ужасом и отвращением следила за происходящим.

Богиня подошла к девушке и остановилась рядом с ней. Галкарис робко подняла голову. Облеченная в

сияние, стояла женщина-кошка, и ее лицо, нечеловечески прекрасное, было одновременно и лицом юной девушки, и мордочкой животного. И при этом, подумала Галкарис, ничего более совершенного, ничего более красивого в мире не существует.

Богиня же смотрела на рабыню Муртана с любопытством, с легким состраданием. Наконец она прошептала, нарочно умеряя голос, чтобы не оглушить столь слабое существо, каким является смертный:

— Это ты носила в себе частицу моего духа?

— Наверное... да. Ты, госпожа, одарила меня своим доверием, — сказала Галкарис.

Богиня наклонилась над ней, и Галкарис ощутила прохладу и благоухание.

— Ты бедняжка, — произнесла богиня. — Я подарила тебе свободу.

— Сешет, — вымолвила Галкарис. — Ты была Сешет?

— Сешет! Жалкое обличье, которое я вынуждена была принять, пока твои мужчины не освободили статую и глаз и пока ты сама не пронесла мой дух сквозь пустыню, к моему древнему храму! Теперь следует забыть о Сешет!

— Богиня, — сказала Галкарис, чуть осмелев, — о богиня, ты видишь, что мои мужчины опять сражаются. Им не победить колдуна.

— Мне нет до этого дела, — ответила женщина-кошка. — Я помогла тебе, но я не стану помогать мужчинам. Они поработили тебя, так не лучше ли избавиться от них раз и навсегда?

— Они будут чтить твою волю и не посягнут на мою свободу... Без них мне не добраться до дома. Спаси их!

— Это твое желание?

Желтые глаза женщины-кошки сощурились, и длинный острый луч изошел из них, как меч.

— Да! — воскликнула Галкарис от всей души. — Спаси их! Я не хочу, чтобы демоны порвали их на части!

— Хорошо.

И богиня подняла над головой свои сверкающие руки. Трижды хлопнула она в ладоши, и пустыня наполнилась рычащими золотыми львами.

Конан опустил меч, тяжело переводя дыхание. Даже могучий киммериец утомился, отражая атаки демонов. Бесполезные победы, которые он одерживал, тотчас оборачивались поражением: существа возрождались снова и снова, и с каждым мгновением их становилось все больше. Апху торжествующе хохотал, лежа на песке. Конан ненавидел колдуна в эти мгновения сильнее, чем кого бы то ни было.

Что касается Муртана, то он, весь исцарапанный черными дьявольскими когтями, опустился на землю у ног киммерийца и, кажется, окончательно сдался. Он даже не пытался отражать удары. Все, на что хватило молодого зингарца, — это держаться возле Конана и надеяться на то, что его могучий товарищ сумеет защитить не только себя.

— Кром! — прокричал Конан. — Что за новая дьяволящина?!

Золотые львы были теперь повсюду. Несмотря на то, что они могли нести в себе новую опасность, — возможно, последнюю и смертельную, — Конан невольно залюбовался ими. Роскошные создания, они переливались на солнце, как будто были смазаны маслом.

«Так поступают торговки на рынках Шадизара, — подумал вдруг Конан, сам дивясь неуместности своей мысли. — Смазывают фрукты и украшения, чтобы ярче блестели!» Он понял, что стосковался по городу воров...

«Я слишком задержался в этой пустыне. Ненавижу Стигию! И почему только меня занесло сюда? Скорее бы все закончилось, так или иначе!»

Золотые львы с рычанием набросились на демонов. Они убивали своих врагов без пролития крови — просто ломали им хребты своими могучими лапами. Людям оставалось лишь наблюдать за происходящим.

Конан вздохнул и уселся рядом с Муртаном.

— Как тебе нравится эта картина?

— Очень нравится, — искренне сказал Муртан. — Боги, я уж решил, что мне конец.

— Ха! — воскликнул киммериец. — Даже я так решил, так что уж говорить о тебе...

Муртан покосился на своего приятеля, не зная толком, как следует относиться к подобному заявлению. Возможно, киммериец просто подшучивает над ним. У Конана был довольно тяжеловесный и временами жестокий юмор.

Когда последний демон испустил дух, золотые львы подбежали к богине и начали ласкаться к ней. Она для каждого нашла слово, к каждому прикоснулась, а затем повелительным жестом отпустила их, и они, с ликующим рычанием, разбежались по пустыне.

Скоро уже никого из них не было видно, только песок то и дело вспыхивал на солнце ослепительным золотым блеском.

Богиня засмеялась и медленно зашагала к лабиринту. Галкарис смотрела ей вслед так пристально, как будто старалась навечно запечатлеть в своей памяти каждый ее шаг. Богиня-кошка ни разу не обернулась.

Что-то покатилося по песку. Никто не заметил этого, кроме девушки, которая не сводила глаз со своей спасительницы — или, может быть, с той, которую спасла она.

Между обеими женщинами — простой смертной и великой древней богиней — установилась некая связь, порвать которую не могло теперь ничто.

Поэтому Галкарис и заметила прощальный дар богини.

Девушка встала и приблизилась к этому предмету, мерцавшему среди песка. Она осторожно опустилась рядом с ним на колени, затем накрыла его ладонью. На ощупь предмет был гладким и прохладным. Галкарис спрятала его под одеждой, ощущая разгоряченным телом его приятную прохладу.

Это не был глаз богини. Это был просто драго-

ценный камень — самоцвет, который люди иногда называют «Кошачьим Глазом».

* * *

Апху чувствовал, что силы оставляют его. У него хватало магического запаса лишь на то, чтобы подерживать колдовской огонь. Грист внутри пламени грозил кулаками и пытался вырваться наружу.

— Выпусти меня! — орал он из далекой Зингары. — Если ты не в состоянии расправиться со своим врагом, это сделаю я! Ничтожество, слабак! Сделай так, чтобы я вышел наружу! Чего стоит твоя хваленая стигийская магия, раз ты не умеешь ею толком воспользоваться!

От ярости и отчаяния Грист чуть не плакал. Апху вдруг вскочил и бросился прямо в огонь.

Но Муртан внимательно следил за своими врагами. Появление золотых львов вдохнуло в него новую надежду, поэтому он воспрял духом. И даже силы откуда-то явились.

— Помоги мне, Конан! — воскликнул Муртан. — Если наши враги объединятся...

Договаривать не пришлось. Киммериец побежал впереди Муртана, стремясь скорее добраться до Апху. Колдун уже вставал на ноги. Он понимал, что долго ему не продержаться. Сейчас, когда его магия иссякла, силы были слишком неравны.

Разъяренный варвар с длинным киммерийским мечом — не самое лучшее из того, что можно повстречать на пути.

Муртан ковылял следом за Конаном, сжимая рукоять меча и выкрикивая бессвязные угрозы в адрес Гриста и Апху.

Колдун решился. Он остановился и развернулся лицом к Конану. Подняв руки, Апху пробормотал новое заклинание, но только бледная струйка пламени изошла из его ладоней. Изошла и погасла в воздухе, даже не лизнув лицо Конана жаром.

— Ты мерзкий колдун, — сказал Конан. — Ты не стоишь того, чтобы жить. Ты обманывал тех, кто тебе доверял. Ты использовал их ради своих мерзких целей. Ты пытался уничтожить Сешет.

— Я служу Сету, — прошипел Апху.

— Больше нет, — усмехнулся Конан.

Апху корчился на песке у его ног, полный ядовитой ненависти, но не способный никак повредить киммерийцу. Конан с презрением смотрел на него. Апху не знал, что варвар не в состоянии убить беспомощного врага, поэтому ужас сковал колдуна и стал для него худшим наказанием.

Несколько мгновений Конан смотрел на него, а затем плюнул.

Апху решился. Он вытащил из складок одежды длинный острый нож и метнул его в киммерийца.

Реакция Конана была мгновенной. Одним ударом он отбил летящий кинжал и пригвоздил Апху к песку, точно ядовитую змею.

Раздалось оглушительное шипение. Прямо на глазах у пораженных людей колдун начал изменяться. Тело его удлинилось, руки наоборот стали ко-

роче, а ноги срослись. Большая ящерица с изуродованным подобием человеческой головы корчилась на песке, пронзенная доброй сталью.

Конан выдернул из руки Муртана тонкий меч, которым был вооружен зингарец, и отсек Апху голову. Тело, истекая кровью, несколько раз еще приподнялось и с силой ударило по песку, а затем стихло.

Конан высвободил свой меч и тщательно вытер сталь обоих клинков о песок.

Возвращая Муртану его оружие, киммериец заметил:

— Постарайся не порезаться этой штукой. Подозреваю, что кровь колдуна ядовита.

— Он был человеком или змеей? — тихо спросил Муртан. Молодой человек заворуженно смотрел на мертвое тело, простертое перед ним, и не мог оторвать глаз. Все это было слишком страшно, слишком непонятно...

— Он был служителем Сета, — ответил Конан, полагая, что подобного объяснения будет достаточно. — Никогда нельзя знать наверняка, люди они, демоны, змеи... Все сразу. Зло разъединяет людей, но соединяет несоединимое. В этом его сила и слабость, Муртан. Можешь записать это в своих книгах. Ты ведь напишешь книгу о путешествии в Стигию?

Муртан слабо улыбнулся.

— Вторая половина пути. Вряд ли она окажется такой уж быстрой и легкой, как мечталось. К тому же я, кажется, разорен. Согласно завещанию, кото-

рое я подписал, все мое имущество должно отойти Грису...

Пламя колдовского костра еще горело, хотя гораздо слабее, чем раньше.

Грист кривляясь внутри огня.

Внезапно Конана осенило. Он схватил Галкарис, толкнул ее в объятия Муртана и, обняв обоих своими мощными ручищами, швырнул их прямо в колдовской огонь.

В то же мгновение огонь погас. Муртан и Галкарис исчезли. Киммериец остался в пустыне один.

Он огляделся по сторонам. Никого и ничего. Впереди сверкает лабиринт, в котором вновь обитает прекрасная богиня с головой кошки. Но Конану туда не пойдет. Хватит с него богов. По крайней мере, на ближайшее время.

— Опять я, кажется, остался ни с чем, — пробормотал он. Он поднял глаза и посмотрел на золотой лабиринт, сверкавший перед ним в ярких лучах стигийского солнца. — Если не считать этого огромного храма, построенного целиком из золотоносной руды. Полагаю, богиня-кошка не будет слишком возражать, если я прихвачу два-три самородка...

Он зашагал к полуразрушенным стенам.

— Или четыре, — прибавил киммериец после некоторого раздумья.

* * *

Грист не знал, снится ему жрец Апху из Стигии или же это происходит наяву в каком-то другом, де-

монском мире. И то, и другое устраивало его одинаково, поскольку собственно в существовании этого самого Апху Грист ничуть не сомневался.

Реальность всегда преподносит сюрпризы. В чем-чем, а в этой истине Грист был убежден вот уже много лет.

Простодушные люди, богатые и бедные, образованные и невежды, — все одинаково полагали, будто чудеса и неожиданности случаются лишь в рассказах. Ничего подобного! Самая серая, скучная, обыденная реальность таит в себе огромное количество тайн. И чаще всего тайны эти бывают зловещими и очень неприятными. А когда кое-что выходит наружу, люди удивляются. Для них это, видите ли, всегда неожиданность!

Грист сильно отличался от них. Не в пример многим и многим Грист всегда был готов к любым неожиданностям. Он мог встретить любую неприятность во всеоружии. Ничто, кажется, не могло бы застать его врасплох.

И все потому, что в любом явлении, в любой, самой невинной на вид вещи, он подозревал подвох.

И был прав! Взять хотя бы огонь домашнего очага. Самая мирная на свете вещь. Горит себе под котелком и согревает скудный ужин. Как там называют его поэты и все эти людишки со скудным воображением? Символ мира и покоя?

Уже несколько раз в языках мирного пламени Грису являлся стигийский жрец Апху, поклоняющийся Сету. Само появление жреца не слишком ис-

пугало Гриста, даже в первый раз. Он быстро понял, что Апху — его союзник. Как и сам Грист, Апху желал уничтожить Муртана.

Основная опасность исходила от Конана, от этого рослого киммерийца. Откуда он взялся в стигийской пустыне? Киммерийцы — северяне, их родина — далекие заснеженные горы... Зачем же великан-варвар бродит по южным королевствам, для чего ему тревожить Пески Погибели? Неужели ищет сокровище?

Конан — глуп, решил Грист. Взялся защищать Муртана, потому что Муртан-де выведет его на клад забытой богини.

Ничего подобного не произошло. Начались события, предсказать которые оказалось невозможно. Хуже всего было то, что Грист сидел у себя дома в Кордаве и ровным счетом ничего не мог поделать. Не мог вмешаться в ход истории, не мог выйти из костра в стигийскую пустыню и разобраться с происходящим на месте.

Он даже не все знал. Ему удавалось ухватить какие-то отдельные эпизоды истории, когда Апху в очередной раз вызывал его на связь и показывал ему отрывочные картинки — каких-то людей, пезажи, храмы...

Некие существа выскакивали, как казалось Гристу, из ниоткуда и набрасывались на Муртана и его спутников, но чем заканчивалось дело — Грист не видел. А спустя некоторое время видение возвращалось, но уже совершенно по-другому: никаких су-

ществ, никаких сражений, Муртан по-прежнему жив и движется к своей цели...

Но в последний вечер все происходило иначе. Видение держалось очень долго и с каждым мгновением становилось все ярче и выразительней. У Гриста как будто рос кругозор, он видел все лучше и лучше, все больше и больше.

Перед ним распахнулся храм богини-кошки. Он видел силуэт женщины в белых узких одеждах — женщины с кошачьей головой, с изящной фигурой, с легкой походкой... Ее силуэт как будто растворялся в серебристом сиянии. Очень красиво, подумал Грист и облизнулся. Наверняка у этой богини целые горы сокровищ.

Неожиданно богиня-кошка обернулась и посмотрела на прямо Гриста.

Соглядатай мог бы поклясться в том, что она его видела! Видела, несмотря на лиги и лиги разделяющего их расстояния! Один ее глаз был закрыт, второй горел желтым огнем.

И внезапно она раскрыла и второй глаз. Грист ахнул — перед ним был тот самый «Кошачий Глаз», легендарный самоцвет, о котором он слышал в доме Муртана! Выигрыш Муртана находился совсем близко от молодого зингарца. Тому стоило лишь протянуть руку и забрать свою победу.

И вернуться в Зингару с камнем. И предъявить этот камень — а вместе с ним и права на жизнь Гриста. Они ведь поспорили на самое дорогое из всего, чем обладают: Муртан — на свое имущество, а

Грист, за неимением равноценного достояния, — на собственную жизнь.

Муртан не может не понимать: сейчас богиня-кошка очень слаба. Она только-только возродилась, она лишь недавно завладела вторым глазом и обрела плоть. Ничего не стоит напасть на нее и отобрать камень. И будь Грист на месте Муртана, он не колебался бы ни мгновения — сделал бы это и даже не задумался о последствиях своего поступка для богини.

Однако Муртан, естественно, вел себя как размазня. Ему и в голову не пришло, что можно выиграть спор, изувечив какую-то далекую, совершенно ему чужую стигийскую богиню. Он помышлял только о Галкарис. Думал, как защитить ее.

Грист недоумевал: как это девчонка осталась жива после стольких приключений? Она давно уже должна была погибнуть! Впрочем, Грист подарил эту рабыню Муртану лишь ради того, чтобы иметь предлог для близкого знакомства с богачом. Дальнейшая судьба девушки его не занимала. Если Муртану угодно было полюбить ее — что ж, это забота Муртана.

... И тут картинка, за которой наблюдал Грист, смазалась. Исчезло все: и далекий сияющий храм, и фигура уходящей вдаль богини, и широкоплечий киммериец, забрызганный чужой кровью и лоснящийся от пота, и глупый жрец Апху, который позволил убить себя в песках... Из очага поднялись тучи пепла, посыпались поленья. Котелок с похлебкой

опрокинулся... И прямо перед Гристом показались из пламени Муртан и Галкарис!

Грист отскочил, прижавшись к стене. Видений он не страшился, особенно таких, которые заперты внутри магического круга. Но эти двое пришельцев из Стигии были во плоти. От них до сих пор пахло жаром песков. Плающее солнце Стигии как будто вошло вместе с ними в дом Гриста и наполнило его смертоносным светом.

Муртан сильно изменился. Теперь, когда Грист видел его лицом к лицу, он не мог не признать этого. Изнеженный богач, кутила и беспечный щеголь исчез безвозвратно. Лицо Муртана покрывал бронзовый загар. Темные глаза обрели уверенный взгляд и блестели в предвкушении схватки. Даже улыбка — и та стала другой. Прежде она была мягкой, примиряющей, обличающей безволие молодого человека, — теперь же она сделалась дерзкой: то была усмешка воина, не сомневающегося в своей победе.

Галкарис стояла в стороне и смотрела на своего бывшего господина холодно и равнодушно: она даже не оценивала его, она давно его оценила и вынесла неутешительное суждение. Та, которая хоть ненадолго побывала богиней, не могла больше видеть в Гристe ни своего возлюбленного, ни тем более своего повелителя. Он понял, что кажется ей жалким, и поежился.

Всю свою ярость Грист обратил на Муртана.

— Ты не посмеешь! — прошипел Грист. — Ты проиграл!

— Я был в Стигии и вернулся, — спокойно ответил Муртан.

— Мы спорили не об этом, — сказал Грист.

К нему постепенно возвращалась его бывшая самоуверенность. Главное — не смотреть на Галкарис. Что-то в облике бывшей рабыни настораживало Гриста. Не стала же она колдуньей? Или стала? В Стигии, говорят, самый воздух пропитан магией...

— Ты принес камень? — поинтересовался Грист. Теперь он ухмылялся с откровенной насмешкой.

Да уж, стоило пожалеть беднягу Муртана! Претерпеть столько бед, пережить столько испытаний — и все напрасно. Камня нет. Если бы камень был, богиня, изуродованная, сейчас корчилась бы среди Песков Погибели, и Грист с помощью Апху сумел бы это разглядеть сквозь магический огонь...

Галкарис сунула руку под одежду и что-то вытащила. В угасающем свете углей очага блеснул желтый огонек.

— Что это? — кривя губы, спросил Грист. Он по-прежнему избегал смотреть на девушку.

Она подняла камень повыше.

— Это «Кошачий Глаз» — самоцвет, который подарила мне богиня! — воскликнула Галкарис. — Что же ты отворачиваешься, Грист? Мы принесли то, о чем говорилось на пиру в доме Муртана!

— Вы пришли забрать мою жизнь? — хрипло произнес Грист.

Муртан покачал головой.

— Меньше всего мне нужна твоя жизнь, Грист.

Теперь, когда я обрел мою собственную, чужая меня совершенно не интересует.

С громким воплем, похожим на клекот разъяренного стервятника, Грист набросился на Муртана с кинжалом. Все произошло очень быстро. Муртан не успел даже понять, что он делает и почему, — приученный Конаном отражать любую опасность прежде, чем на нее отреагирует сознание, Муртан нанес ответный удар мечом.

Грист с рассеченной грудью повалился на пол. Кровь хлестала из широкой раны. Муртан в ужасе смотрел на умирающего. Грист еще раз поднял руку с кинжалом — пальцы его так крепко стиснули рукоять, что побелели, и даже приближающаяся смерть не могла заставить их разжаться, — и прошептал:

— Ты победил, Муртан. В конце концов ты взял свою награду.

Он затих с кривой ухмылкой на губах.

Муртан отвернулся и обнял Галкарис.

— Я взял мою награду, — прошептал он ей на ухо, — но это вовсе не та награда, о которой он говорил. Уйдем отсюда, Галкарис. Нас ждет мой теплый дом, моя шелковая постель, роскошные яства, вина... любовь...

— И новые свитки, — шепнула в ответ Галкарис. — С новыми чудесными историями...

Содержание

Дуглас Брайан

Укротитель монстров. Повесть	5
Вендийское проклятье. Повесть	57
Кошачий глаз. Повесть	167

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

КОНАН И УКРОТИТЕЛЬ МОНСТРОВ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит. А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тесовая, д. 25

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Владимир Контровский

«БАТАЛЬОН БОГОВ»

Страж звездных дорог

Горький привкус власти

Колесо сансары

Утробный рык дракона

Вкрадчивый шепот демона

Крик из будущего

Истреби в себе змею

Забывтое грядущее

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Сергей Шхиян

«БРИГАДИР ДЕРЖАВЫ»

Прыжок в прошлое

Волчья сыть

Кодекс чести

Царская пленница

Черный магистр

Время бесов

Противостояние

Ангелы террора

Турецкий ятаган

Гиблое место

Крах династии

Самозванец

Заговор

Юродивый

Нити судьбы

Боги не дремлют

Кукловод

Грешница

Покушение

Бригадир державы

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

серию мистических романов

«ТРЕТЬЯ СТРАЖА»

Время ожидания

Незванные гости

Прокурор дьявола

Жатва

Темные зеркала

Твари нижнего мира

Ветер, кровь и серебро

**ВСТУПИ В «ТРЕТЬЮ СТРАЖУ» !
НАЧНИ БОРОТЬСЯ С НЕЧИСТЬЮ !**

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Николай Андреев

«ЗВЕЗДНЫЙ ВЗВОД»

Лучшие среди мертвых

Аг для живых

Сектор мутантов

Стальная кожа

Глоток свободы

Конец империи

Воины Света

Наемники

Хищники будущего

Слепой охотник

Ковчег надежды

Атака тьмы

Переворот

Вторжение

Метрополия

Разведка боем

Последняя схватка

Мир героев

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

Денис Чекалов

«ВЕДУНЬЯ»

Клятва отступника

Легяные осколки вечности

Печать демона

Призраки кургана

Бронзовая башня безумия

Яд багряной химеры

Книга мертвых имен

**СПРАШИВАЙТЕ
В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ !**

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТЕРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗЫЩАРЫ 74	КОНАН И ЖЕЛТУЖЕНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВАЛАМКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАРАЛА НАВМИВКА 83	КОНАН И АЛЕГОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ 89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90
КОНАН И КАЯТЛА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКРИПЕТ МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАЛАНКА 93	КОНАН И ЛЕГЕНДА ДЕМУРЧИ 94	КОНАН И ЯРОСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТАЛИСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНЬИ 99
КОНАН ГЕРОЙ ХАЙБОРИИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И ЗАЛОЖЕННИК РОКА 102	КОНАН И ПЯТОДА СНА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ 104	КОНАН И ЛЬВЫ СТИЦИИ 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК 106	КОНАН И КАЛЫКИ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД БОГИНИ 108
КОНАН И ЦИТ ВЕДАН 109	КОНАН И ЛЮКИ АХЕРОНА 110	КОНАН И ОМЛЕННЫЙ ОСТРОВ 111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ 112	КОНАН И ЧАРОДЕИ ЮГА 113	КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ 114	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО 115	КОНАН И ГЛАЗ ПАУКА 116	КОНАН И ЦЕПЬ ОБОРОТНЯ 117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ 118	КОНАН И РЕКА ЗАВЕРЕНИЯ 119	КОНАН И ДОЛИНА ДИКАРИИ 120	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРЕСЛАВНО 121	КОНАН И ОБРАКУЛ СМЕРТИ 122	КОНАН И СЛЕПОЙ ЖРЕЦ 123	КОНАН И НЕУДАЧЛИВЫЙ ИЗЛАГПУРА 124	КОНАН И МОРОК ЧАЩИ 125	КОНАН И КРУГ ВРЕМЕН 126
КОНАН И ДОЧЬ ДРУИДОВ 127	КОНАН И УЖАС КХАРИИ 128	КОНАН И НАСТОЯЩИЙ ШЕМА 129	КОНАН И РАДУШНОЕ СВЕТЛАНЦЕ 130	КОНАН И ВОИНЫ ПРОРОЧЕСТВА 131	КОНАН ПРОТИВ ЗОГАР-САГА 132	КОНАН И СОЖЖЕННАЯ СТРАНА 133	КОНАН И ПОТОМКИ АТЛАНТОВ 134	КОНАН И ЗАВЕРШАЮЩАЯ ДОБЫЧА 135
КОНАН И ЖИЩА ДЕРЖАТО 136	КОНАН И ЗАГАДЧИВЫЙ ДЕРВИЩ 137	КОНАН И РЕЗУЛЬТАТ МУДРЕЦ 138	КОНАН И МУРНОЕ МОНСТРО 139					

ISBN 978-5-17-048084-5

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС